ВЫПУСК №8
Часть 2

ВЕСТНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ “ЮРИСТЪ”

ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАСЕДАНИЯ III СОВЕТА
МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
И ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Казань - 2020

АНО ВО «АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»
УПРАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ПО ВОПРОСАМ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ
СОЮЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТРО «АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»
ЦЕНТР ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЕ РЕСПУБЛИКИ
ТАТАРСТАН
ТРО ВСЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВЕТЕРАНОВ «БОЕВОЕ БРАТСТВО»
МОО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ»

ВЕСТНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ЮРИСТЪ»

Выпуск №8

Часть 2

ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАСЕДАНИЯ
III СОВЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
И ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
Казань, 5 декабря 2019 г.

ДОСТУПЕН В НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ELIBRARY.RU

Казань – 2020

УДК 33;34;37
ББК 67
А 41

Рекомендовано в печать
Ученым советом
АНО ВО «Академия социального образования»;
Управлением Президента РТ
по вопросам антикоррупционной политики

В 38 Вестник научных трудов «Юристъ», выпуск №8 в двух частях, ч. 2: по материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции (5 декабря 2019 года) // Под ред. Алексеева С.Л., Бадрутдинова М.С., Даренкова А.А., Димитриевой Н.Т., Рахимова С.Ф., Сергеевой Ю.С..– Казань: АНО ВО «Академия социального образования», 2020. – 328 с.

ISBN 978-5-9991-0422-9

Вестник научных трудов «Юристъ» подготовлен по материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции, посвященному Международному дню борьбы с коррупцией.

В ходе Совета в форме свободной дискуссии экспертов с лидерами молодежных организаций и объединений обсуждались актуальные вопросы по противодействию коррупции в Российской Федерации, были сформированы предложения по правовым и организационным формам противодействия коррупции, а также эффективным способам по предупреждению коррупции.

Участниками Совета стали не только лидеры молодежных общественных организаций и объединений РТ, представители студенческих советов образовательных организаций, участники Корпуса общественных наблюдателей, но и все представители молодежи, желающие активно участвовать в реализации антикоррупционной политики Российской Федерации с целью реализации своих прав на достойное и стабильное будущее в сильном российском государстве.

Сборник содержит результаты исследований авторов по актуальным вопросам противодействия коррупции, а также затрагивает широкий спектр актуальных научно-исследовательских и практических проблем по вопросам различных отраслей права.

Материалы заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений РТ в сфере противодействия коррупции предназначены для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистров и студентов, обучающихся по различным направлениям подготовки,
а также всем, интересующимся исследуемым проблемам.

ISBN 978-5-9991-0422-9

Материалы конференции печатаются в авторской редакции. Оргкомитет не несет ответственность за содержание информации, приводимой авторами.

© АНО ВО «Академия социального образования», при участии издательства «Юниверсум», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ III.ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА…… 6
Габдрахманова Л.Г., Сингатуллина Р.Р. Ксенофобия, как одна из причин формирования молодежного экстремизма и пути ее противодействия….. 6
Епихин А.Ю., Гатауллин З.Ш. Обеспечение безопасности лиц, содействующих расследованию террористических преступлений…….. 13
Холоднов В.Г., Галятдинова А.И. Формирование гражданско-патриотического сознания в процессе обучения в образовательной организации высшего образования для преодоления радикальных и экстремистких проявлений среди студентов……..……. 20
РАЗДЕЛ IV. ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКИ И ПРАКТИКА:АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ……. 27
Алексеев С.Л., Шайдуллин Р.Н. Некоторые организационно-правовые проблемы и факторы освобождения осужденных из мест лишения свободы……..…….. 27
Алексеев С.Л., Саляхов Д.Д. Предметы доказывания и обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном судопроизводстве…….. 35
Алиева Г.И. Доказывание объективных признаков уничтожения или повреждения лесных насаждений, проблемы……. 41
Бахарев В.М., Галимуллин Н.И. Проблемы, связанные с защитой прав и законных интересов граждан, которые возникают на стадии возбуждения уголовных дел…… 46
*Бахарев В.М., Мурзанов Е.С.*Особенности криминальных банкротств и банкротства граждан……. 51
Габдрахманова Л.Г., Ионина Е.Г. Виктимологическая профилактика насильственной преступности…….. 55
Габдрахманова Л.Г. Фаизова Р.И. Социально-виктимологические признаки личности потерпевшего в уголовном законе Российской Федерации……..… 59
Гатауллин З.Ш. Осуществление функции уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности в апелляционной инстанции…… 65
Гатауллин З.Ш. Уголовное преследование в апелляционной инстанции по делам о преступлениях террористической направленности…… 70
Горбунов В.А., Новожилова Н.В., Нечаева Л.П. Реализация принципов здоровьесбережения у студентов казанского медицинского колледжа….. 77
Гребенкина Н.Н., Сафина Д.Р. Защита жилищных прав несовершеннолетних……. 82
Гусева Л.А., Васина К.В. Участие прокурора в арбитражном процессе…….. 88
*Гусева Л.А., Фаизова Р.И.*Правовая природа налоговых споров в Российской Федерации……..……... 94

Димитриев А.Н., Соколов И.Н. Квалификация преступлений с использованием оружия…… 102
Димитриева Н.Т., Шакирова А.Р. Банкротство юридических лиц в России и пути его предупреждения……. 108
Епихин А.Ю., Гайфуллина Л.И. Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам поиск критериев…….. 114
Епихин А.Ю., Тагиров А.Н. О расширении основания заключения досудебного соглашения о сотрудничестве «содействие в розыске имущества, добытого в результате преступления»…… 121
Епихин А.Ю., Шакирова А.Р. Криминологическая характеристика экологической преступности……..…….. 127
Закиров С.Г., Хаплехамитов Р.Б. Рассмотрение судебной практики о преступлениях, связанных с незаконным проникновением в жилище…… 135
Закиров С.Г., Андреева Д.Ю .Проблемы взаимодействия специалиста, обладающего специальными знаниями в области строительства…… 139
Зарипов Ф.Ф. Реорганизация служб органов внутренних дел по обеспечению безопасности граждан России в целях эффективного использования результатов ОРД в рамках уголовных дел…… 146
*Камалетдинов Р.Х., Андреева Д.Ю.*Авторские и смежные права, их уголовно-правовая охрана……. 153
Камалетдинов Р.Х., Саляхов Д.Д. Особенности прекращения производства по уголовному делу частного обвинения в связи с примирением сторон…….. 161
Камалетдинов Р.Х., Гордеева Г.А. Заключение эксперта в процессе доказывания по уголовному делу…… 168
Ланшаков Д.С. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о разглашении сведений о мерах безопасности участников уголовного процесса…….. 174
Лекарева С.Е., Гибадуллина А.Р. Подмена гражданско-правовых отношения уголовно-правовыми не рекомендуется…….. 180
Лекарева С.Е., Фаизова Р.И. Возникновение и развитие отечественного законодательства в области авторского права…… 186
*Лекарева С.Е., Мурзанов Е.С.*Жилое помещение как объект права собственности……. 192
Морозов А.В. Девиантность ребёнка, вызванная цифровой зависимостью в условиях социальной запущенности 197
Мухаметшин Т.Р. Особенности применения мер безопасности участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела.. 203
Мухаметшин Т.Р. Классификация мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела…….. 207
Полякова И.И. Сущность досудебного соглашения о сотрудничестве как особого вида договорного регулирования в уголовном процессе Российской Федерации…….. 213
Раджабов Р.О. Понятие и содержание юридического основания

применения мер безопасности защищаемого лица в уголовном процессе.. 220
Рамазанов Р.М. Общая характеристика уголовно-процессуальных мер безопасности личности в судебных стадиях производства по уголовному делу…….. 224
Саляхов Д.Д., Галимуллин Н.И. Оружие и боеприпасы как признак преступлений, которые образуют криминальный оборот предметов вооружения……. 229
Сергеева Ю.С., Лекарева С.Е. Оценка доказательств в уголовном процессе…… 234
Сергеева Ю.С., Ионина Е.Г. Особенности и проблемы ресоциализации и адаптации женщин, осужденных к лишению свободы…….. 239
Тихонов В.И Особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел связанных с жильем…….. 243
Тихонов В.И. Соотношение отягчающих наказание обстоятельств с квалифицирующими признаками……. 249
Хазиева Р.Р. Основные проблемы квалификации действий должностного лица как субъекта преступления в точки зрения признаков……. 254
Шакирзянова А.А., Саляхов Д.Д. Вопросы, касающиеся рассмотрения судами споров, связанных с пенсионным обеспечением граждан, видов споров и их подсудности…….. 261
Шакирзянова А.А., Саляхов Д.Д. Некоторые вопросы применения института реабилитации в уголовном судопроизводстве…… 264
Шакирзянова А.А., Галимуллин Н.И. Проблемы правового регулирования различных аспектов института реабилитации лиц……. 272
Шамигулов А.Р., Саляхов Д.Д. Прокурорский надзор в сфере градостроительного законодательства……. 279
Яхина З.Ш., Саляхов Д.Д. История становления образовательных право отношений в России……..... 283
РЕШЕНИЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАСЕДАНИЯ III СОВЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ…… 288
Программа Заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции (5 декабря 2019 г.)…… 292
Фоторепортаж с III Совета…… 317
Редакционная коллегия……. 323

РАЗДЕЛ III.
ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА

КСЕНОФОБИЯ, КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ПУТИ ЕЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Габдрахманова Л.Г.
к.филол.наук, доцент,
заведующая кафедрой публично-правовых дисциплин
АНО ВО «Академия социального образования.

Сингатуллина Р.Р.
Магистрант 2 курса направления подготовки
40.04.01 «Юриспруденция» (Квалификация (степень) «Магистр»
АНО ВО «Академия социального образования».

Аннотация. В статье авторами рассматриваются характеристика формирования молодежного экстремизма, в частности, его проявление на основании психологического фактора – ксенофобии.

В работе формулируются задачи по профилактике экстремизма и ксенофобии и предоставляются варианты по предупреждению данных явлений.

Ключевые слова: *экстремизм, ксенофобия, фобия, молодежь, молодежное сознание, противодействие экстремизму.*

XENOPHOBIA, AS ONE OF THE REASONS FOR FORMING YOUTH EXTREMISM AND WAYS OF ITS CO-OPERATION

Gabdrakhmanova L.G.
Ph.D. in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Public Law Disciplines
ANO VO "Academy of Social Education.

Singatullina R.R.
2-year graduate student
04/40/01 "Jurisprudence" (Qualification (degree) "Master"
ANO VO "Academy of Social Education".

Abstract. This article discusses characteristics of the formation of youth extremism, in particular, its occurrence on the basis of the psychological factor – xenophobia. In this work, we formulate the problem of prevention of extremism and xenophobia and suggest options for the prevention of these phenomena

Key words*: extremism, xenophobia, phobia, young people, youth awareness, countering extremism, counteraction to extremism.*

«Опасность современного российского экстремизма заключается не только в дестабилизации социально-политической ситуации в стране, вовлечении людей в преступную экстремистскую деятельность, но и в негативном воздействии на их личность, формирование нравственно и мировозренчески деградированной личности»[1]. Поэтому важное место в современной стратегии предупреждения преступности подлежит индивидуальному подходу. Личностный фактор имеет одно из приоритетных значений для юридической науки в целом, так и для криминологии в частности.

Личность преступника, как криминологическая дефиниция, раскрывает социальную сущность лица, включающую в себя сложный комплекс характеризующих его признаков, качеств с учетом индивидуальных характерных черт и жизненных обстоятельства, лежащих в основе преступного поведения и являющиеся научным инструментом, позволяющим углубить наши познания об истоках преступного поведения в целях выработки системы профилактики. Проблема изучения личности экстремиста предполагает рассмотрение процесса образования личности, а также предпосылки и условия, способствующих формированию у нее антисоциальных условий и установок, влияющих на деструкцию уже сложившихся моральных ценностей. В соответствии с данным, в формировании личности экстремиста играют несколько важных факторов: психологическая и социокультурная среда индивида, индивидуально-личностные особенности человека, социально-экономические факторы и политико-правовые аспекты.

Анализ личности экстремистов, мотивов и целей их деятельности предполагается возможным способом охарактеризовать совершаемые ими деяния, а также спрогнозировать дальнейшие варианты девиантного поведения экстремистской направленности[2].

Определением экстремизма (от лат. extremus – крайний) является приверженность крайним взглядам, методам действий[3]. Правовая характеристика экстремизма и формы его проявления дана в ФЗ Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремизм определяется как система противоправных действий, направленных на подрыв и разрушение: государственно политических, нормативно-правовых действий, социально-культурных, морально-нравственных основ, конституционного строя страны.

В данном законе также указано, что экстремистская деятельность (экстремизм) это в частности:

– насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

– возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

– пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению и т.п.[4].

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, принятой 28 ноября 2014 № Пр-2753, указывается, что «экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывая общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласиям»[5].

С точки зрения авторов данной статьи, данный аспект может основываться на чувствах, настроениях, поведенческих установках отдельно, непосредственно мотивирующие экстремистские действия, фобиях и идеолизациях индивидума.

По нашему мнению, одной из важнейших причин возникновения экстремизма является ксенофобия. Данное психологическое условие чаще проявляется в возникновении молодежного экстремизма, в частности, формирования его личности. Поэтому рассмотрим ряд форм взаимосвязи

ксенофобии и молодежного экстремизма. Для этого необходимо представление данной идеализации.

Исходя из названия, содержанием понятия «ксенофобия» является «боязнь чужих» (от греч. Ξένος – чужой + φόβος – страх) – страх или ненависть к кому-либо или чему-либо чужому, восприятие чужого как опасного и враждебного.

В данной статье мы придерживаемся определения ксенофобии, данного М.В. Крозом и Н.А. Ратиновой: «Ксенофобия – это негативное, эмоционально насыщенное, иррациональное по своей природе (но прикрывающееся псевдорациональными обоснованиями) отношение субъекта к конкретным человеческим общностям и их единичным адептам – «чужакам», «иным», «не нашим». Она проявляется в соответствующих социальных установках субъекта, предрассудках, предубеждениях, социальных стереотипах, а также в его мировоззрении»[6].

Первостепенной причиной возникновения ксенофобии является исторические события, поскольку в большинстве случаев, появление «чужаков» предвещало изменения. Хорошие или плохие, глобальные либо незначительные – это был уже другой вопрос, здесь был важен сам факт того, что «чужаки» представляли реальную угрозу сложившемуся привычному образу жизни.

В современном обществе ксенофобия распространяется на весьма обширную область объектов, в соответствии с которыми выделяют следующие ее виды:

− расовые и этнические фобии (этнофобии), определяющие предубеждения и дискриминацию по отношению к лицам другой расы или этнической группы (например, белый и черный расизм, антисемитизм, и др.);

− религиозные фобии, определяющие страх и предубеждение по отношению к приверженцам различных религиозных ориентаций (фобии по отношению к представителям различных религиозных культов, например, исламофобия);

− фобии по отношению к группам, отличающимся по социальным, культурным, материальным и физическим признакам.

В последнюю группу входит широкий круг социальных фобий, имеющие на данный момент особую специфику. К примеру:

– гандикапизм – фобия и предубеждение против индивидов с физическими ограничениями (физические недостатки, увечья и др.);

– эйджизм – предубеждения и дискриминация, вызванные возрастом человека и многие другие.

В особенности число таких предубеждений расширяется в кризисных социальных ситуациях, когда ксенофобия приобретает массовый облик[7].

Экстремизм подразумевает и включает в себя теоретические концепции, идеологические системы и определенные действия, направленные на достижение своих целей, порой они могут быть и агрессивными. Данные насильственные действия направлены в отношении

тех слоев общества, которые, по их мнению, являются инакомыслящими, «чужими» (проявление психологического фактора ксенофобии).

Эти эмоциональные убеждения проявляются в соответствующих социальных установках молодежного субъекта, его предрассудках и предубеждениях, социальных стереотипах, а также в его мировоззрении в целом. В результате, в сознании индивида уже сформирован устойчивый «образ врага», который является для него источником опасности и угрозы. При этом сам субъект может и не осознавать иррациональной природы данного отношения. Поскольку он уже имеет ряд своих убеждений, которые в большинстве случаев основываются на защитном, псевдорациональном характере аргументов. Именно формирование данных эмоциональных взглядов к определенным социальным объектам (раса, этнос, религия, социальная группа и их представители) является предпосылкой экстремизма.

Многие исследования доказывают, что проблема ксенофобии считается одной из самых сложных проблем Российского общества. А основным проявлением ксенофобии является преступления на почве ненависти и нетерпимости друг к другу. Это и является одним из условий взаимосвязи данного психологического явления и экстремизма.

Одна из особенности личности экстремиста (применительно к России) связана с тем, что, в основном, экстремистские преступления совершаются людьми молодого возраста. Это объяснимо, поскольку молодежь – формирующийся субъект общества, ее социальное положение характеризуется неполнотой социального статуса, неопределенностью социальных идентификаций, сравнивая себя с ингруппами и аутгруппами, порождая при этом противоречие в самосознании между «МЫ» и «ОНИ», что в свою очередь вытекает в экстремальность сознания и поведения»

Именно в молодом возрасте часто свойственен юношеский максимализм, который приобретает облик потребности в выражении собственной личности. Попытки реализации этой необходимости могут принимать самые крайние формы в стремлении человека к самореализации любыми доступными средствами. Это и есть самая распространенная причина девиантного поведения у молодежи: не всегда данная потребность воплощается в доступной форме, одобряемой социумом, а некоторые формы самореализации, к примеру, занятие спортом или творчеством, доступны не каждому[8].

С другой стороны, молодежь подвержена чрезмерному влиянию со стороны идеологов экстремистских учений. Поэтому многие ученые подчеркивают, что в основе молодежного экстремизма лежит так называемый этноцентризм – совокупность конфликтных групповых представлений, эмоционально-чувственных состояний и идеология вражды между своей и другими группами. Субъектами – носителями этноцентризма (конфликтного этнического сознания) являются разные молодежные сообщества, которые дифференцируются от других по этническим, религиозным, социальным и другим признакам.

Подводя итог к анализу криминологической характеристики молодежи, хотелось бы констатировать, что его особой отличительной особенностью является формирование особого стиля поведения, характеризующегося радикальным противостоянием, основанным на применении насилия, не поддерживающим его идеологию, что определяет саму идеологию ксенофобии. И соответственно одной из причин возникновения экстремизма может являться ксенофобия. При условии, что данная фобия будет возведена в ранг мировоззрения, где она может стать причиной вражды по принципу национального, религиозного или социального деления людей, соответственно стать обстоятельством образования экстремизма у индивида.

Рассматривая методы противодействия экстремизма, необходимо учитывать, что ксенофобия является психологическим фактором, соответственно и противодействия экстремизма среди подрастающего поколения должна заключаться не только в виде принятия профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, выявление и пресечение причин и условий экстремистской деятельности в рамках правового пространства, но и в социально-психологическом методе, который в свою очередь поможет предотвратить данную проблему в самом ее зарождении.

Среди мер, правового воздействия выделяется Стратегия безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, где существует прогноз, указывающий на экстремизм, как проявление крайних взглядов в национальных и конфессиональных отношениях, который будет отрицательно сказываться на обеспечении национальных интересов государства, его целостности и всех аспектов национальной безопасности. Поэтому на долгосрочную перспективу главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения национальной и общественной безопасности должны стать усиление роли государства качестве гаранта безопасности личности, по противодействию данным угрозам.

При обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации[9].

Относительно социально-психологических факторов, применяемые к молодежи, то здесь стоит начинать с правового воспитания. Этот процесс сложен прежде всего включающими обучения и воспитания правовых убеждений и ценностных ориентаций, направленных на скоординированную социально-правовую активность студентов, система установок на эффективную предупредительную деятельность по недополучению проявлений радикализма, насилия и экстремизма. Также не стоит забывать и

о ориентированности на личность, которая означает смену стиля педагогического общения, поощрение законопослушности, формирование готовности противостоять экстремизму и коррупции, развитие таких качеств личности, как самопожертвование в интересах безопасности государства и общества.

Кроме того, на данном методе можно рассмотреть методологические основания перестройки работы вузов, которая в свою очередь будет на основе антитеррористического и антикоррупционного образования, что в дальнейшем способствовало бы более профессиональному выявлению и предупреждению экстремистских, и не только, преступлений.

Вышеизложенный материал подтверждает, что рассмотрев гражданина как личность, мы сможем предупредить девиантное поведение экстремистской направленности. Поскольку, гражданин, уверенный в том, что его мнение было или будет услышано и принято во внимание при осуществлении государством внутренней политики, не станет в дальнейшем осуществлять экстремисткую и иную противоправную деятельность для достижения того, что он считает «справедливым».

Список литературы

1. Мусаелян М.Ф. О личности экстремиста // Военно-юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 20-23.
2. Узденов Р.М. Экстремизм : криминологические и уголовно-правововые проблемы противодействия: Дис... канд. Юрид. Наук. – М., 2008. – С. 101.
3. Большой энциклопедический словарь. Главный редактор А.М. Прохоров. – Москва, Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия». Санкт-Петербург, «Норинт», 1998.
4. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ, 2002. – N 30. – ст. 3031.
5. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 N Пр-2753) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.scrf.gov.ru
6. Kroz M.V., Ratinova N.A. Social'no-psihologicheskie i pravovye aspekty ksenofobii. – M., 2005. – Стр 7.
7. Г.У. Солдатова, А.В. Макарчук. Может ли другой стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. – М.: Генезис, 2006.
8. Алексеев С.Л., Салимзянова Р.Р. Криминология: учебное пособие для бакалавров – Казань: ЧОУ ВО «Академия социального образования», 2013. – 212 с.
9. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ РАССЛЕДОВАНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Епихин А.Ю.
доктор юридических наук, профессор
(Казанский федеральный университет)
Email: doc@epihin.ru

Гатауллин З.Ш.
кандидат юридических наук, доцент
(Казанский федеральный университет)

Аннотация. Рассмотрены как уголовно-процессуальные, так и иные организационные меры безопасности, установленные в действующем уголовно-процессуальном законодательстве и иных законах, направленные на установление достаточных условий раскрытия и расследования уголовных дел о преступлениях террористической направленности. Проанализирована имеющаяся судебной практика по теме работы.

Ключевые слова: *безопасность личности; защита свидетелей и потерпевших; уголовное дело; уголовный процесс; противодействие; преступления террористической направленности.*

ENSURING THE SECURITY OF PERSONS WHO CONTRIBUTE TO THE INVESTIGATION OF TERRORIST CRIMES

Epikhin A.Yu.
Doctor of Law, Professor
(Kazan Federal University)
Email: doc@epihin.ru

Gataullin Z.S.
Candidate of Law, Associate Professor
(Kazan Federal University)

Abstract. Both criminal procedure and other organizational security measures established in the current criminal procedure legislation and other laws aimed at establishing sufficient conditions for the disclosure and investigation of criminal cases of terrorist offences have been considered. Available jurisprudence on the topic of work was analysed.

Key words: *personal security; Protection of witnesses and victims; criminal case; criminal proceedings; counteraction; crimes of terrorism.*

Современный терроризм представляет серьёзную угрозу международному миру и безопасности. Закономерным явления становится принятие межгосударственных соглашений, направленных на противодействие терроризму[1]. Совершение террористических преступлений, в частности, путем поджога и взрыва, приводит не только к разрушениям конструкций и сооружений зданий, но и формирует предпосылки для устрашающего воздействия на население страны, а также к нарушению основных прав и свобод человека и гражданина, прежде всего, к нарушению права на жизнь.

В Федеральном законе от 06.03.2006 N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» одним из основных принципов выделена защита прав человека направленная, в том числе, на обеспечение безопасности лиц содействующих расследованию преступлений террористической направленности, причем данная деятельность определяется законодателем как приоритетная[2]. По оценкам специалистов в России удалось выстроить общегосударственную систему противодействия терроризму, в функции которой входят профилактика и борьба с терроризмом, а также минимизация его последствий[3].

Теоретические и практические аспекты обеспечения безопасности лиц, содействующих расследованию террористических преступлений нашли реальное воплощение в исследованиях целого ряда специалистов.

Так, Т.А. Гончарова, обращает внимание на необходимость сохранения в тайне факта оказания подобного содействия[4]. По мнению В.В. Устинова, в условиях борьбы с терроризмом в отдельных случаях допускается ограничения гражданских прав, при этом необходимо соблюдать международно-правовые нормы регламентирующих права человека, в сфере содействия[5]. В.А.Стекольников, полагает приоритетным обеспечение безопасности свидетелей и потерпевших в расследовании террористических актов[6]. А.Ю. Епихин обосновывает необходимость обеспечения безопасности любой личности как участника уголовного процесса[7], о чем отмечалось и в более ранних работах[8].

Статические данные, полученные из официальных источников, свидетельствуют о некотором снижении зарегистрированных преступлений террористической направленности. Если в 2019 г. было совершено - 654 подобных преступлений, то в 2018 г. зарегистрировано – 1679 преступлений[9]. Тенденция снижения террористической активности отмечается во всем мире[10].

Статистические данные, свидетельствующие о снижении преступлений террористической направленности за последние годы, безусловно, позитивный результат антитеррористической деятельности правоохранительных органов. Однако вызывает беспокойство значительное увеличение количества совершения крупных и резонансных террористических актов. Так в результате теракта в московском аэропорту «Домодедово» 24 января 2011 года количество погибших 37 человек, более 120 были госпитализированы[11]. Теракт 31 октября 2015 г. рейс из Шарм-

эш-Шейха (Египет) в Санкт-Петербург 224 погибших[12]. 3 апреля 2017 г. — теракт в Петербургском метрополитене унёс жизни 16 пассажиров, пострадало 87 человек[13]. Этот список можно было бы продолжить.

Анализ материалов практики показывает, что большая часть преступлений террористического характера совершается в условиях неочевидности, тайно от окружающих, с тщательной предварительной подготовкой и сокрытием следов преступления, что вызывает определённые затруднения в их раскрытии и производстве расследования. В связи с этим очень важным является своевременное производство следственных действий, направленных на формирование доказательной базы.

Так, незамедлительное проведение допроса потерпевших и свидетелей является залогом для получения ценной информации способствующей скорейшему обнаружению и задержанию подозреваемого в совершении преступления террористической направленности, однако следователю при допросе необходимо учитывать эмоциональное, психическое и физическое состояние допрашиваемого потерпевшего и свидетеля. Страх, ужас и паника возникшие у потерпевших и свидетелей в результате террористического акта является нередко заметным препятствием для получения значимой для расследования информации при даче показаний на допросах сразу после совершения преступления.

Причинами негативных эмоций и незаинтересованности в успехе расследования у потерпевших и свидетелей по делам о преступлениях террористической направленности могут быть возможные угрозы со стороны преступников, а также их родственников и близких. Отсутствие желания быть втянутым в длительный процесс досудебного и судебного разбирательства в той или иной степени мотивирует в некоторых случаях потерпевшего и свидетеля на лжесвидетельство.

Согласно результатов наших исследований в целом причинами лжесвидетельства по делам о преступлениях террористической направленности чаще всего являются: а) боязнь мести со стороны подсудимых, их родственников, друзей; б) ложное чувство товарищества, жалость (50,93% опрошенных прокуроров, 55,56% следователей и 47,79% судей)[14].

В этой связи, остается проблемой сохраняющей высокую степень актуальности обеспечение государством безопасности и осуществление защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства, содействующих раскрытию и расследованию преступлений террористической направленности, от возможной угрозы со стороны преступников или их родственников и близких, а также иных лиц заинтересованных в определенном исходе уголовного дела.

Следователь, производящий предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях террористической направленности при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, свидетеля и иных лиц, наличия реальной угрозы жизни и здоровья со стороны

заинтересованных в ином исходе дела лиц вправе засекретить данные об их личности, присвоив псевдоним участника следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Еще одним процессуальным инструментом в сфере обеспечения безопасности лиц, содействующих расследованию преступлений террористической направленности является контроль и запись телефонных и иных переговоров на основании представленного следователем ходатайства, при наличии угрозы совершения насилия, (ч. 2 ст. 186 УПК РФ). В 2018 г. судами удовлетворено 57 тыс. 135 подобных ходатайств[15].

Законом предусмотрены и иные уголовно-процессуальные меры направленные на обеспечение безопасности в рассматриваемой области, в частности, производство судебного заседания в закрытом режиме (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Так, в 2018 г. 32 тыс. 050 уголовных дел, в их число входят и уголовные дела о террористических преступлениях, рассмотрены в закрытом судебном заседании[16].

В юридической литературе высказаны мнения о том, что перечисленные в уголовно-процессуальном законе меры обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей не всегда являются достаточными. Угрозы могут, носит не только прямой, но и косвенный характер. Как показывает практика, нередки случаи повреждения имущества, иного воздействия психологического характера, в частности, демонстративное наблюдение или сопровождение потерпевшего и свидетеля сомнительными лицами, а также попытки шантажа посредством систематических телефонных звонков[17].

Для разрешения вышеназванных проблем по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, в том числе по дела о преступлениях террористической направленности в РФ был принят специальный нормативный акт, регламентирующий Государственную защиту участников уголовного судопроизводства, прежде всего, потерпевших и свидетелей. Таким документом, детализирующим и конкретизирующим меры обеспечения защиты и безопасности, стал Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ, предусматривающий, в том числе, выдачу потерпевшим и свидетелям специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; замену документов; переселение на другое место жительства; изменение внешности и пр.[18]. Отметим, что помимо внепроцессуальных мер государственной защиты, установленных в этом законе, действует система аналогичных мер безопасности, установленных в иных законах[19].

Безусловно, это объективно необходимый и позитивный шаг законодателя. Умелое и правильное применение системы мер государственной защиты, несомненно, повысит эффективность деятельности, направленной на обеспечения безопасности лиц содействующих расследованию, в том числе при расследовании преступлений террористической направленности. Большое количество угроз, поступающих именно участникам расследования данного вида преступлений, обусловлено

тем, что санкция за совершение преступлений террористической направленности обоснованно строгая, вплоть до пожизненного лишения свободы.

Анализ материалов судебной практики показывает действие Федерального закона от 20.08.2004 N 119-ФЗ регулирующего государственную защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства распространяется и на меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве предусмотренного ст. 317.9 УПК РФ.

Так, в судебном разбирательстве Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 26 апреля 2012 года в отношении обвиняемого в совершении преступления по п. "б" ч. 3 ст. 205 УК РФ И.М.Хашагульгова государственный обвинитель подтвердил активное содействие осужденного органам предварительного следствия, в том числе в изобличении причастных к совершению теракта соучастников[20].

Подобное содействие расследованию террористических преступлений может вызвать угрозы жизни и здоровья в отношении лица, способствовавшего раскрытию и расследованию преступлений. Так как досудебное соглашение о сотрудничестве на основании ходатайства подозреваемого (обвиняемого), согласованного защитником составляется, подписывается прокурором, подозреваемым (обвиняемым), его защитником, обеспечение безопасности лиц содействующих расследованию террористических преступлений представляется логичным возложить не только на следователя, но и на надзирающего прокурора, затем данная функция в судебном разбирательстве переходит в обязанности прокурора в уголовно-процессуальном статусе государственного обвинителя.

Так, в материалах приговора Московского городского суда от 29 мая 2012 г. зафиксировано, что прокурор в своем представлении об особом порядке проведения судебного заседания привел конкретные данные, характер и пределы содействия следствию обвиняемым в совершении преступления по п. "а" ч. 2 ст. 205 УК РФ Т.М. Акубековым, а также значение сотрудничества с обвиняемым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления[21].

Ведение судебной процедуры об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве вызвала неоднозначную реакцию среди процессуалистов, от одобрения[22] до негативного отношения[23].

Тем не менее, проведенный анализ статистических материалов свидетельствует, прокуроры довольно часто вносят в суд представления об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве по гл. 40.1 УПК РФ, например, в 2018 г. таких представлений было внесено по 3026 уголовным делам, в отношении 3095 лиц (в эти числа входят в т.ч. лица содействовавших расследованию преступлений террористической направленности)[24].

В случае поступления информации от подозреваемого (обвиняемого) с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, о возникновении угрозы безопасности в отношении самого заявителя, его близких родственников и близких лиц, следователь обязан принять предусмотренные законом меры защиты безопасности: вынести постановление о хранении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; постановление прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в опечатанном конверте.

Подобный опечатанный конверт при поступлении в суд подлежит вскрытию секретарем судебного заседания с целью вызова лиц содействовавших расследованию преступлений террористической направленности в суд. В этом случае не может быть исключена утечка информации об их личности, которая фактически оказывается доступной для подсудимого и его защитника.

С целью исключения возникновения подобной ситуации представляется целесообразным внести соответствующие изменения в закон, предусматривающий вариант пересылки опечатанного конверта непосредственно судье, принявшему к своему производству уголовное дело, обеспечивая тем самым надлежащий режим секретности.

Таким образом, следует констатировать безусловную важность принятия мер по обеспечению безопасности лиц, содействующих расследованию преступлений террористической направленности уполномоченных на то государством органов и должностных лиц. Это должно оставаться приоритетной задачей для субъектов расследования уголовных дел рассматриваемой категории. Выявление, предварительное расследование, а также эффективное осуществление уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности в судебных стадиях уголовного процесса без создания необходимых предпосылок активного содействия доказыванию в виде мер по обеспечению безопасности свидетелей, потерпевших и иных лиц может быть существенно осложнено.

Список литературы

1. Европейская конвенция о взаимной помощи в уголовных делах 1959 года и два Дополнительных протокола к ней, соответственно, 1978 и 2001 г. и др.

2. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018, с изм. от 29.03.2019) "О противодействии терроризму" // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. N 11. Ст. 1146.

3. Фронин В.А. ФСБ расставляет акценты // Российская газета. Федеральный выпуск. 2017. 19 декабря. -№ 288(7454). Электронный

ресурс. https://rg.ru/2017/12/19/aleksandr-bortnikov-fsb-rossii-svobodna-ot-politicheskogo-vliianiia.html

4. Гончарова, Т.А. Первоначальный этап расследования терроризма: дис … канд. юрид. наук / Т.А. Гончарова. – М., 2006. – С. 160.

5. Устинов, В.В. Международно-правовые проблемы борьбы с терроризмом. Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / В.В. Устинов. - М., 2002. – С. 18.

6. Стекольников, В.А. Раскрытие и расследование террористических актов, совершаемых с применением оружия и взрывных устройств: дис … канд. юрид. наук / В.А. Стекольников. – Волгоград., 2008. – С. 104.

7. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004.

8. Епихин А.Ю. Совершенствование правового регулирования безопасности личности в новом УПК РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 1. С. 115-122.

9. Статистический сборник «Состояние преступности в России за декабрь 2018 г.». См.: Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации https://genproc.gov.ruo.

10. Егоров И. Мир без опасности // Российская газета - Федеральный выпуск. 2019. 15 января. - № 7(7765) Электронный ресурс. https://rg.ru/2019/01/15/patrushev-novoe-oruzhie-obespechit-bezopasnost-rossii-na-desiatiletiia.html

11. Российская газета. – 2013. – 11 ноября.

12. Газета.ru. – 2017. – 31 октября.

13. Interfax.ru – 2017. - 21 апреля.

14. Гатауллин, З.Ш. Особенности производства допроса как следственного действия по делам о террористических преступлениях / З.Ш. Гатауллин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. II. С. 42-44.

15. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции». Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) о контроле и записи телефонных и иных переговоров (п. 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). С.39.

16. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls

17. Шадрин, В.С. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, содействующих раскрытию и расследованию убийств и иных преступлений / В.С. Шадрин // Криминалистика. – 2009. - № 9. – С. 43-48.

18. Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства"// Российская газета. – 2004. – 25 августа.

19. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции . 2018. С. 202-211.

20. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2012 г. N 22-О12-4 // СПС Консультант плюс.

21. Кассационное определение от 30 июля 2012 г. N 5-О12-62 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации // СПС Консультант плюс.

22. Александров, А.С. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ / А.С. Александров, И.А Александрова // Уголовный процесс. – 2009. - № 8. – С. – 11

23. Тетюев, С.В. О новых полномочиях прокурора в досудебном производстве / С.В. Тетюев, Е.А. Буглаева // Российская юстиция. – 2010. - № 1. – С. 40.

24. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАДИКАЛЬНЫХ И ЭКСТРЕМИСТКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ СРЕДИ СТУДЕНТОВ

Холоднов В.Г.

к.юр.н. доцент,

зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин

АНО ВО «Академия социального образования».

Галятдинова А.И.

Студентка 3 курса гуманитарно-юридического факультета

уровня подготовки бакалавр

АНО ВО «Академия социального образования»

г. Казань

Аннотация. Проявления различных форм экстремизма среди молодежи свидетельствует о недостаточной ее социальной адаптации, формирования экстремистского сознания, и толерантности, которые приводят к противоправному поведению. Происходящие в мире события, когда различные формы экстремизма представляют реальную угрозу всему обществу, вовлечение лидерами экстремистских группировок молодежи в свои объединения, под предлогом легкого решения всех проблем, заставляют задуматься о будущем. Все эти и другие проблемы свидетельствуют о том, что учащиеся молодежь нуждается в новых формах общественного сознания, характеризующегося высоким уровнем общей культуры, ответственным гражданско-патриотическим мышлением.

Ключевые слова: *экстремизм, противодействие экстремизму, формирование гражданско-патриотического сознания, студенческая среда.*

FORMATION OF CIVIL-PATRIOTIC CONSCIOUSNESS IN THE PROCESS OF EDUCATION IN EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION FOR OVERCOMING RADICAL AND EXTREMISTIC STATES AMONG STUDENTS

Kholodnov V.G.
Ph.D. assistant professor,
Head Department of State Law Disciplines
ChOU VO "Academy of Social Education".

Galyatdinova A.I.
3rd year student of the Faculty of Humanities and Law
Bachelor level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. Manifestations of different forms of extremism among youth confirms its insufficient social adaptation, formations of extremist consciousness, an intolerance, which lead to a delinquent behavior. The events which are taking place in the world when different forms of extremism pose a real threat to all society, involvement by leaders of extremist groups of youth in the associations, under the pretext of the easy solution of all problems, set thinking on the future. All these and other problems demonstrate that pupils the youth needs new forms of the public consciousness which is characterized by the high level of the general culture, responsible civil and patriotic thinking.

Key words: *extremism, counteraction to extremism, forming of civil and patriotic consciousness, student's environment.*

Как формируется гражданско-патриотическое сознание студентов? Какие аспекты и тенденции современного общества влияют на это? Чтобы ответить на эти и другие вопросы, затрагиваемые в данной статье, необходимо определиться с основными проявлениями данной проблемы.

Одним из рассматриваемых проявлений является экстремизм. Данное проявление определяется как деяние, направленное на то, чтобы осуществить насильственный захват власти, насильственное удержание власти или насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них[1].

Другим же проявлением является радикализм – социально-политические идеи и действия, направленные на решительное изменение существующих порядков, заметно проявляющиеся в кризисные, переходные периоды исторического развития.

Как показали многочисленные социальные исследования, наиболее опасным, с точки зрения вхождения в поле экстремистской активности, является возраст от 14 до 22 лет. На это время приходится совмещение двух важнейших психологических и социальных факторов. В психологическом плане подростковый возраст и юность характеризуются развитием самосознания, обострением чувства справедливости, поиском смысла и ценности жизни. Именно в это время подросток озабочен желанием найти свою группу, поиском собственной идентичности. Также ему присуща неустойчивая психика, легко подверженная внушению и манипулированию. Этим и пользуются люди, которые привержены к экстремистским взглядам и радикальным идеям. Молодежь для них – это всего лишь инструмент для реализации своих преступных планов[2].

Рассматривая актуальные проблемы вовлеченности студентов в противоправную деятельность, мы пришли к выводу о том, что у молодежи сформировалось некорректное понимание сущности экстремизма в контексте и с радикальных исламских течений XXI века. Часто мы слышим, о прямой связи экстремизма с Исламом. Если заглянуть в корень данной проблемы, Ислам, как и другие мировые религии проповедует каноны мира и добра. Однако террористические организации, включая запрещенную в Российской Федерации ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта) исказили позитивное содержание религиозных заповедей и тем самым повысили риск межнациональной и межгосударственной розни в субъектах РФ и в Российской Федерации в целом. Для решения данной проблемы следует: во-первых, изменить менталитет нынешней молодежи, способствовать разъяснению и усвоению базовых понятий о противоправном характере экстремизма и радикализма. Во-вторых, развивать у молодежи чувство межнационального и межрелигиозного уважения, толерантности к разным народам и их культурным традициям (праздникам, обычаям, кухне, языку и фольклору)[3].

Важно отметить, что главное влияние на гражданско-патриотическое сознание личности оказывает работа образовательных учреждений. Основным этапом в формировании личности является обучение в школе, колледже, вузе. Поэтому качество знаний, ценностей, моральных норм, заложенных в систему образования напрямую связаны с его дальнейшими взглядами на мир и на его общественное восприятие в отношении различных религиозных конфессий и народных масс. Студенты постоянно включены в те или иные формы общественной жизни, и если отсутствует специальная организация процесса его воспитания, то воздействие на их образ мышления, мировоззрение, чувства (в том числе и правовые), готовность к участию в гражданской, экономической, социальной, культурной, правовой и политической жизни в стране может противоречить традиционным целям воспитания в семье, близком окружении, что может оказаться не просто неэффективным, а более того, пагубным и вредоносным[4].

Профилактика экстремистской деятельности невозможна без целенаправленной и точечной работы по формированию межнациональных отношений в молодежной среде. Значительная часть экстремистских проявлений в молодежной среде происходит на межнациональной и религиозной почве, которая в большинстве случаев исходит от агрессивно настроенных граждан нередко вновь прибывших в нашу страну. Стоит отметить, что влияние факта принадлежности молодого поколения к той или иной религии в целом не противоречит формированию патриотического сознания личности, так как любое вероисповедание ставит перед собой задачу воспитания законопослушной личности. Таким образом, искренне верующий человек обладает дополнительной мотивацией законопослушного поведения и воспринимает право позитивно. Для него принцип неотвратимости (основополагающая идея, закрепленная в законодательстве, заключающаяся в обязательном установлении юридической ответственности за общественно опасные деяния) наказания является принципом абсолютным, принимаемым, без сомнения[5].

В целях профилактики экстремизма и формирования гражданско-патриотического сознания в студенческой среде необходимо:

1. Расширить антиэкстремистское влияния студенческих советов и объединений на жизнь вуза, повысить степень их воздействия на процессы в образовательной среде.

2. Основать в высших образовательных учреждениях факультативные курсы по изучению законодательства в сфере противодействия экстремизму, создать специальные площадки антиэкстремистской направленности, активнее привлекать государственные органы к этой работе.

3. Сформировать мониторинг образовательных программ и пособий для выявления материалов, направленных на разжигание межнациональных конфликтов.

4. Назначить одним из критериев качества воспитательной работы в образовательных организациях высшего образования количественный показатель, отражающий зависимость ее состояния от числа студентов,

привлеченных к уголовной и, в отдельных случаях, к административной ответственности.

5. Произвести и реализовать комплекс мероприятий по развитию межнационального диалога и интернационализма в студенческой среде, включая создание объединений интернациональной дружбы.

6. Сформировать в учебном плане высших учебных учреждений преподавание основ межнационального общения и интернационального воспитания учащихся.

7. В ходе воспитательной работы образовательных учреждений увеличить внимание к мероприятиям по пропаганде культуры и традиций народов России и обучению навыкам бесконфликтного общения, а также по конструктивному просвещению учащихся в сфере антиэстремистской и антирадикальной идеологии в современном мире иокружающей среде.

8. Внедрять в вузах специальные первостепенные программы по адаптации и интеграции студентов из субъектов Российской Федерации и оказывать содействие инициативам по их поддержке со стороны различных общественных организаций, в том численациональных диаспор.

9. Назначить в состав студенческих общежитий специалистов по воспитательной работе с иногородними ииностранными студентами.

10. Создавать в вузах добровольные межнациональные студенческие дружины для поддержания международной и межнациональной дружбы и равным образом предупреждения различных конфликтов на почве этнической неприязни на территории учебных заведений, общежитий и студенческих объединений.

11. Разработать индивидуальную систему подготовки студентов из числа представителей различных национальностей, обладающих общероссийским государственным самосознанием и менталитетом, в целях формирования нового поколения молодежи, для поддержания и развития межнационального сотрудничества и стремительного роста международных отношений. В этих целях необходимо более тщательно отбирать состав участников целевых наборов в вузы и создать систему поиска наиболее одаренных молодых людей в образовательных организациях с целью направления их на дальнейшее обучение в престижные вузы за рубежом, а также в пределах Российской Федерации.

Элементы представленных выше предложений реализуются в той или иной степени и в современной России. Например, министерства и ведомства по делам молодежи реализуют традиционную модель профилактики экстремистской активности, опираясь на деятельность учреждений по работе с молодежью при помощи вовлечения молодых людей и подростков в социально-патриотические формы активности. Самым оптимальным вариантом на сегодняшний день является комплексная модель, которая включает в себя основные вышеназванные элементы.

Основными мероприятиями профилактики экстремистской и радикальной деятельности в молодёжной среде являются:

1. Разработка и важность в общественном сознании молодежи новой ценностной модели личности, основанной на толерантности, национальной дружбе, патриотизме, гражданского сознания молодежи.

2. Учреждение молодежных СМИ (радио, телеканал, газеты, журналы), которые пропагандируют гражданственность, толерантность, здоровый образ жизни, патриотизм, успешность и т.д. в среде молодежи.

3. Организация и проведение фестивалей молодежных музыкальных субкультур (хиппи, рокеры, панки, хип-хоп культура и др.).

4. Создание эффективной системы центров реабилитации подростков и молодежи, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

5. Развитие клубных форм работы, основанных на идеях неформальных отношений, демократизма, самоуправления и самоорганизации.

6. Развитие дворового спорта, организация и проведение соревнований по дворовому футболу, баскетболу, волейболу и т.д.

7. Создание при студенческих общежитиях клубов и центров, организующих досуг обучающихся.

8. Строительство площадок для занятий молодежи экстремальными видами спорта; создание, развитие практической деятельности молодежных советов при органах власти, обеспечение их включения в реальные процессы управления развитием субъекта РФ.

9. В рамках традиционной образовательной деятельности необходим пересмотр не только целей, задач, принципов, методов и форм обучения, но и стандартов, регламентирующих деятельность образовательных учреждений по подготовке специалистов для работы с молодыми гражданами.

Представленные положения могут в синтезированном виде составить основу программы, что позволит оптимизировать деятельность по профилактике экстремистских и радикальных течений и формированию гражданско-патриотического сознания в молодежной среде. На основе вышеперечисленного, были сформированы следующие цели и задачи данной деятельности:

− Создание условий для эффективного снижения напряженности, агрессии, экстремистской и радикальной активности в молодежной среде;

− Создание условий для воспитания эффективной, успешной, патриотичной, толерантной, социально ответственной личности;

− Создание условий для улучшения качества жизни подростков и молодежи, оказавшихся в непростой жизненной ситуации;

− Развитие конструктивной социальной активности подростков и молодежи;

− Развитие позитивных молодежных субкультур, общественных объединений, движений, групп.

Со временем, все это позволит сформировать новые формы сознания молодежи активно противодействующего экстремизму, а также позволит воспользоваться потенциалом молодежи в конструктивных целях, находя тем самым равновесие между интересами молодых людей, общественных объединений, высших учебных заведений, государства и общества в целом.

Список литературы

1. Мелешко Н. П. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 787 с.

2. Информационно-аналитические материалы по профилактике экстремизма в молодежной среде разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России.

3. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. –URL: http://kremlin.ru/supplement/3405

4. Алексеев С.Л., Ахметгалеев Э.Д., Кириллова В.Э., Киямов И.К., Киямова Л.И. Социальное самочувствие как фактор формирования гражданской идентичности современной личности. // В сборнике: Социально-ориентированное проектирование системы формирования гражданской идентичности учащейся молодежи в поликультурном образовательном пространстве. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах / Под редакцией С.Л. Алексеева [и др.].- 2018. - С. 34-38.

5. Алексеев С.Л., Холоднов В.Г., Шамигулов А.Р. Педагогические аспекты формирования правосознания у студентов вузов, направленного на предупреждение экстремизма и коррупционных проявлений / Современные наукоемкие технологии, 2016. – №5-2. – С. 310-314

РАЗДЕЛ IV
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКИ И ПРАКТИКА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Алексеев С.Л.
к.пед.наук, доцент, заместитель ректора, профессор
АНО ВО «Академия социального образования»,
заслуженный юрист Республики Татарстан
e-mail: tany_1313@mail.ru

Шайдуллин Р.Н.
следователь отдела по расследованию преступлений
на территории, обслуживаемой ОП № 17 «Ямашевский»
СУ УМВД России по г. Казани

Аннотация. Освобождение осужденных из мест лишения свободы – сложный и системный вопрос. На освобождение изолированных лиц от наказания влияют различные факторы. Их можно представить в виде трех групп: 1) отсутствие четкой и внятной уголовно-исполнительной политики государства; 2) правовая неурегулированность отдельных направлений деятельности исправительных учреждений, цель которых — подготовка осужденных к освобождению; 3) проблема кадров в исправительных учреждениях и интенсивность деятельности должностных лиц.

На основе анализа факторов влияния и некоторых организационно-правовых проблем процесса освобождения осужденных автор выносит на обсуждение ряд предложений, направленных на развитие воспитательного и социально-психологического направлений в деятельности исправительных учреждений.

Ключевые слова: *осужденные, освобождение от наказания, ресоциализация осужденных, исправительные учреждения, лишение свободы, уголовно-исполнительная система, постпенитенциарная помощь.*

SOME ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS AND FACTORS OF LIBERATION FOR CONDEMNED FROM PLACE FOR DETENTION

Alekseev S.L.
Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor, Deputy Rector, Professor
ANO VO "Academy of Social Education",
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan
e-mail: tany_1313@mail.ru

Shaidullin R.N.
investigator of the police department No. 17 "Yamashevsky",
investigation department
Minister of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan

Abstract. Release of prisoners from places of detention is a complex and systemic issue. Various factors influence the release of individuals from punishment. They can be presented in the form of three groups: 1) the absence of a clear and intelligible criminal executive policy of the state; 2) the lack of legal regulation of certain areas of activity of correctional institutions, the purpose of which is to prepare convicts for release; 3) the problem of personnel in correctional institutions and the intensity of the activities of officials.

Based on the analysis of factors of influence and some organizational and legal problems of the process of release of convicts, the author presents for discussion a number of proposals aimed at the development of educational and socio-psychological areas in the activities of correctional institutions.

Key words: *convicts, exemption from punishment, resocialization of convicts, correctional institutions, imprisonment, the penitentiary system, post-penitentiary assistance.*

Уголовно-исполнительная система России (далее — УИС) — один из немногих правоохранительных органов, задачей которого является вторичная социализация (ресоциализация) человека. Именно исполнение уголовных наказаний, в т. ч. связанных с изоляцией личности, включает в себя целый пласт мер исправительного воздействия, призванных вернуть человека в общество. В то же время на освобожденного от наказания человека влияет много факторов и сопутствующих им организационно-правовых проблем, которые формируются еще в процессе отбывания наказания.

Первый фактор влияния на освобождение осужденных — отсутствие четкой и внятной уголовно-исполнительной политики государства.

ФСИН России с момента разделения полномочий с МВД России в 1998 г. прочно заняла место в системе правоохранительных органов. В нашей стране любой правоохранительный орган традиционно воспринимается с позиций обеспечения им законности, правопорядка, безопасности, предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений. Однако ФСИН России, а в равной степени любое исправительное учреждение (далее — ИУ) в силу своей специфики обладает дополнительными полномочиями, когда наряду с указанными выше функциями воплощает в жизнь систему

мер, направленных на повторную (вторичную) социализацию личности (меры исправительного воздействия: общественно полезный труд, воспитательная работа, образование, общественное содействие). Именно эти меры имеют цель максимально и всесторонне подготовить осужденного к освобождению.

Вообще же сама природа правоохранительной деятельности диктует УИС, как и иным правоохранительным органам, исполнение своих функций в сегменте упреждающих, императивных и силовых компонентов. Причем упреждающий компонент в ИУ традиционно воспроизводится с позиций предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений, а именно ведения профилактического учета осужденных, обысков, досмотров, наблюдения и т.д. Однако остальная часть упреждающих средств деятельности ИУ (беседы, анкетирования, интервью, социометрия, коммуникометрия, тестирования, официальные запросы и др.) как бы остается второстепенной, а ведь именно в этом проявляется деятельность воспитательных, социальных и психологических служб ИУ, функционал которых направлен на реализацию всех обеспечительных процедур освобождения осужденных.

Одной из форм закрепления уголовно-исполнительной политики является уголовно-исполнительное законодательство РФ. Сегодня магистральным документом и десятилетним ориентиром в развитии и реформировании УИС является принятая в октябре 2010 г. Концепция развития УИС до 2020 г. (далее — Концепция). Ее хронология показывает, что данный стратегический документ в аспекте нашей проблемы нельзя охарактеризовать как стабильный.

Так, Концепция в своем первоначальном виде закрепляла одной из своих целей «сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам». Таким образом, предполагалась непрерывность оказания помощи осужденным в периоды до освобождения и, соответственно, после. Однако в сентябре 2015 г. Правительство РФ корректирует данную цель, фактически отказавшись от постпенитенциарного воздействия, представив ее в следующем виде «сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведения в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества». Видимо, в т. ч. и поэтому законодателю не удается принять Федеральный закон «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», хотя подобные законы уже достаточно давно применяются на региональных уровнях.

В настоящих условиях утрачивается позитивный настрой персонала ИУ. Так, в ходе проведенных нами опросов начальники отрядов ИУ Приволжского федерального округа отметили, что цели Концепции недостижимы вообще (71 % опрошенных).

Отсутствие четкой политики государства относительно жизнедеятельности осужденных после освобождения прослеживается еще и в том, что отдельные положения, предусмотренные как Концепцией, так и иными стратегическими документами в сфере развития страны, остаются декларативными. Так, в нашей стране нет службы пробации, создание которой предусматривается Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. А ведь именно на службу пробации должны быть возложены функции обеспечения социально-психологического сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и реабилитационное насыщение применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Представляется, что отсутствие четкой и внятной политики государства относительно вопросов как освобождения из ИУ, так и постосвобождения — результат того, что у государства просто «не доходят руки» и нет достаточных средств на данные вопросы; считается, что в стране есть более серьезные проблемы.

Второй фактор влияния на освобождение осужденных — правовая неурегулированность отдельных направлений деятельности ИУ, цель которых — подготовка осужденных к освобождению.

Нами отмечалось, что подготовка осужденных к освобождению в большей степени выражается в воспитательной, социальной и психологической работе с осужденными. И если сегодня на уровне закона воспитательная работа с осужденными урегулирована (ст. 109, 110 УИК РФ), то социальная и психологическая работа — нет. Все направления деятельности урегулированы на уровне подзаконных нормативных правовых актов. Это тоже выступает негативным фактором влияния. В ходе проведенных нами опросов начальников отрядов было установлено, что 89 % из них положительно отнеслись к необходимости нормативного урегулирования данных направлений деятельности мест лишения свободы в УИК РФ.

Третий фактор влияния на освобождение осужденных — проблема кадров в ИУ и интенсивность деятельности должностных лиц.

Ежегодно в стране освобождается из ИУ более 200 тыс. человек[1], что в абсолютных цифрах сравнимо с количеством населения отдельных субъектов РФ (например, Псков, Великий Новгород, Энгельс). Вопросы освобождения осужденных из ИУ — это вопросы комплексной деятельности большинства должностных лиц мест лишения свободы. Вместе с тем на реализацию данного вопроса в большей степени ориентированы воспитательный и социально-психологический блок каждого ИУ, а также

отделы специального учета (всего четыре подразделения в учреждении). Именно на данные службы ИУ возлагаются полномочия по подготовке осужденных к освобождению. Подготовительные мероприятия осуществляются за полгода до освобождения (ст. 180 УИК РФ) и включают в себя проведение с осужденными лекций и бесед, социальной и психологической диагностики, индивидуального и группового консультирования, направление запросов в органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях и т.д.

Всей подготовительной работой к освобождению осужденных в среднестатистическом ИУ занимается лишь 10-15 % сотрудников и работников. При этом воспитательную работу в отряде проводит всего один сотрудник — начальник отряда, который им и руководит. При этом в отряде от 50 до 100 осужденных. На начальника отряда помимо воспитательной работы и подготовки осужденного к освобождению возложен целый спектр обязанностей: от изучения положения дел в отряде и личных качеств осужденных до документального сопровождения деятельности отряда, в т. ч. освобождения. Кроме того, по своим морально-деловым и личностным качествам начальник отряда — это универсальное должностное лицо каждого ИУ. В его компетенции, помимо воспитательной работы, оперативная, режимная и тыловая работа, касающаяся отряда осужденных, за которым он закреплен. По определению начальник отряда просто физически не способен выполнить тот объем обязанностей, который на него возложен. Так, только для бесед и приема по личным вопросам всех осужденных отряда количеством 100 человек начальник отряда должен затратить на каждого осужденного от 4 до 8 минут рабочего времени. И это без учета остальных (свыше 20-ти) основных обязанностей. О количестве социальных работников и говорить не приходится. Сегодня на 600 тыс. изолированных лиц в учреждениях УИС социальную работу проводит порядка 1,5 тыс. социальных работников[2, с. 100].

Анализируя данный фактор, необходимо учитывать также характеристику осужденных, которая, безусловно, влияет как на подготовку их к освобождению, так и на безопасность персонала, который с ними работает. Осужденные от года к году характеризуются как более сложные. Так, в настоящее время только в исправительных колониях отбывают наказание почти 62,5 % осужденных, которые осуждались к лишению свободы два раза и более (в 2008 г. — 46,7 %)[1]. Вдвое (с 2009 г.) возросла доля осужденных, поставленных на профилактический учет (с 8,2 до 16 %). В среднем в каждом ИУ России сегодня 7 осужденных склонны к нападению на сотрудников и работников ИУ[3, с. 5].

Период освобождения осужденных характеризуется рядом организационно — правовых проблем, как для персонала, осуществляющего подготовку осужденного к освобождению, так и для самих освобождаемых.

В соответствии со ст. 181 УИК РФ и п. 32 приказа Минюста РФ от 13 января 2006 г. № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в ИУ УИС», администрация ИУ обеспечивает освобождаемых осужденных проездными билетами либо деньгами для оплаты проезда к месту жительства. Однако билеты приобретаются в электронном виде, а для этого нужна банковская карта международных платежных систем Visa, MasterCard, Maestro или национальной платежной системы «Мир». В связи с этим в отдельных учреждениях используется личная банковская карта сотрудников (работников), поскольку на ИУ оформить такую карту не представляется возможным, так как денежные средства должны пройти в установленном порядке через федеральное казначейство. Это вызывает различные неудобства для персонала и казусы в приобретении проездных билетов.

В случае освобождения осужденного, который не имеет гражданства и является лицом без определенного места жительства также возникают проблемы с его трудовым и бытовым устройством.

Освобожденное лицо в соответствии с п. 9 Приказа Минтруда России от 24 ноября 2014 г. № 938н «Об утверждении Примерного порядка предоставления социальных услуг в полустационарной форме социального обслуживания» обязано предоставить документ, удостоверяющий личность получателя социальных услуг (представителя). Вопрос во много раз осложняется, если осужденный освобождается судом в связи с болезнями, перечень которых устанавливается Постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54, когда у него нет ни родственников, ни близких, а также места жительства, при этом освобождаемый лишен возможности себя обслуживать. В этом случае у администрации ИУ есть лишь 10 суток (время вступления решения суда в законную силу) на медицинское освидетельствование такого лица для его устройства в организацию, осуществляющую стационарное социальное обслуживание (п. 7 Приказа Минтруда России от 24 ноября 2014 г. № 935н «Об утверждении Примерного порядка предоставления социальных услуг в стационарной форме социального обслуживания»). Однако для вынесения такого заключения необходимы врачи-специалисты, лаборатории для сдачи анализов и др. В связи с этим приходится в срочном порядке направлять осужденных в лечебно-профилактические учреждения, где есть возможность комиссионно вынести заключения. На эти процедуры требуются значительное время и средства.

Мы уже отмечали, что некоторым категориям освобождаемых лиц оказывается помощь в их сопровождении к месту жительства. Однако практика отдельных ИУ территориальных органов ФСИН России Приволжского федерального округа показывает, что на соответствующих статьях расхода бюджета учреждения нет денежных средств для сотрудника, который обеспечивает сопровождение освобожденного лица.

И это лишь некоторые проблемы, выявляемые в практической деятельности по освобождению осужденных.

Результат анализа факторов влияния и некоторых организационно-правовых проблем процесса освобождения осужденных приводит нас к следующим выводам и предложениям:

1) Воспитательное и социально-психологическое направления в деятельности ИУ, видимо, по-прежнему будут оставаться производным компонентом от правоохранительной функции (режима, оперативной работы, охраны). Очевидно, что на сегодняшний день нет предпосылок в уголовно-исполнительной политике для изменения соотношения данных направлений деятельности ИУ;

2) Федеральный законодатель должен обратить внимание и дать свою оценку отсутствию на уровне федерального закона положений о социальной и психологической работе в местах лишения свободы.

В перспективе УИК РФ можно было бы дополнить ст. 1101 «Социальная работа с осужденными к лишению свободы» и ст. 1102 «Психологическая работа с осужденными к лишению свободы».

В проекте Общей части нового УИК РФ, разработанном авторским коллективом под научной редакцией В.И. Селиверстова в 2014-2016 г., уже предложены самостоятельные нормы о социальной и психологической работе (ст. 25, 26). Стоит отметить, что 92 % опрошенных нами начальников отрядов позитивно отнеслись к необходимости введения в УИК РФ норм о социальной и психологической работе с осужденными к лишению свободы;

3) Роль воспитательных и социально-психологических служб ИУ необходимо усиливать. Очевидно, что начальник отряда — это центр воспитательной и социально-психологической работы в учреждении. В связи с этим можно было бы поднять статус начальников отрядов, а также обеспечить его профессиональную деятельность помощниками. Сами начальники отрядов отмечают, что помощники им нужны (88 %). По мнению 52 % начальников отрядов, им необходим один помощник. Для 43% указанной категории сотрудников достаточно двух помощников. 5 % опрошенных полагают, что им необходимо три помощника. Вместе с тем общий процент служб ИУ, обеспечивающих подготовительную работу к освобождению осужденных (отдел воспитательной работы с осужденными, группа социальной защиты, психологические лаборатории и отделы специального учета) тоже не может оставаться на уровне 10-15 % от общего количества персонала учреждений. Если УИК РФ в ст. 1 заявляет в первую очередь о том, что стратегической целью уголовно-исполнительного законодательства является исправление осужденных, а потом уже предупреждение с их стороны преступлений, то вполне очевидно, что значение воспитательной и социально-психологической работы также должно увеличиваться.

Необходимо также учитывать, что ФСИН России уже развивает в экспериментальном порядке отдельные направления воспитательной и

социально-психологической работы с отдельными категориями осужденных. Так, 21 февраля 2018 г. директором ФСИН России подписано распоряжение № 52-р о внедрении в отдельные ИУ России ведомственной программы социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость. Мероприятия программы направлены на подготовку осужденных к освобождению и выработку конкретных рекомендаций для них, нацеленных на формирование предпосылок и установок к право-послушному поведению и отказу от употребления алкоголя и наркотических средств, профилактику совершения ими новых преступлений. Программа предусматривает, что в отдельных изолированных участках будут созданы отряды осужденных, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость. При этом за отрядом будут закреплены отдельные работники ИУ. Вполне понятно, это будет отвлекать и силы, и средства и вновь заставит администрацию ИУ мобилизоваться для решения поставленных задач при помощи тех ресурсов, которые имеются;

4) Подзаконная, в т. ч. ведомственная, нормативно-правовая база, так или иначе связанная с освобождением, должна обновляться и приводиться в соответствие с реалиями. В условиях пробельного ведомственного регулирования как внутреннее (с иными службами ИУ), так и внешнее (с подразделениями заинтересованных ведомств) взаимодействие должно быть максимально отработано.

Проект Фонда президентских грантов РФ «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него» (2018-2021 гг.) может способствовать решению проблем, связанных с освобождением осужденного, а также с его жизнедеятельностью после освобождения. При этом эти два смежных и родственных направления деятельности общества и государства наполнятся как ясным правовым, так и конкретным организационным содержанием.

Список литературы

1. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых [Электронный ресурс]. — URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20.

2. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д.ю.н., проф. В. И. Селиверстова. — М.: ИД « Юриспруденция», 2017. — 320 с.

3. О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в исправительных учреждениях в 2016 году: информационное письмо ФСИН России от 01.03.2017 № 03-12351. — М.: ФСИН России, 2017. – 32 с.

ПРЕДМЕТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Алексеев С.Л.
к.пед.наук, доцент, заместитель ректора, профессор
АНО ВО «Академия социального образования»,
заслуженный юрист Республики Татарстан
e-mail: tany_1313@mail.ru

Саляхов Д.Д.
лабарант криминалистической лабаратории
АНО ВО «Академия социального образования»

Аннотация. В статье дается общая характеристика предмета доказывания в уголовном судопроизводстве, а также обосновывается необходимость установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Ключевые слова: *предмет доказывания в уголовном процессе; обстоятельства, подлежащие доказыванию, уголовное судопроизводство.*

SUBJECTS OF EVIDENCE AND CIRCUMSTANCES TO BE PROVEN IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alekseev S.L.
Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor, Deputy Rector, Professor
ANO VO "Academy of Social Education",
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan
e-mail: tany_1313@mail.ru

Salyakhov D.D.
Lab of the forensic laboratory
ANO VO "Academy of Social Education"

Abstract. The article gives a general description of the subject of proof in criminal proceedings, as well as the necessity of establishing the circumstances subject to proof.

Key words: *subject evidence in criminal proceedings, circumstances to be proved, criminal proceedings.*

Как известно, цель уголовно-процессуального доказывания как важного этапа уголовного судопроизводства заключается в установлении объективной и юридической истины по определенному уголовному делу. Для достижения данной цели, для правильной квалификации уголовно наказуемого деяния

необходимо четкое определение предмета доказывания по каждому конкретному делу.

Невыяснение существенных обстоятельств по тому или иному уголовному делу, как нескольких, так и одного из них, может привести к принятию неверных процессуальных решений, и в итоге дело будет рассмотрено неправильно, в связи с чем будут под угрозой нарушения окажутся права и законные интересы лиц, участвующих в процессе уголовного судопроизводства, либо иного круга лиц.

Понятие обстоятельств, подлежащих доказыванию, или как их именуют в науке уголовно-процессуального права – предмет доказывания, в теории известно достаточно давно, несмотря на отсутствие в законодательстве легального определения.

Исходя, из смысла уголовно-процессуальных норм можно сделать вывод, что предмет доказывания в уголовном судопроизводстве это совокупность юридически значимых фактических обстоятельств, которые в обязательном порядке необходимо установить для надлежащего разрешения любого уголовного дела или принятия процессуальных решений по отдельным правовым вопросам в процессе разрешения дела.

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве, содержит ст. 73 УПК РФ[2]. Итак, в процессе рассмотрения уголовного дела должны быть доказаны следующие обстоятельства:

1) время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления, представляющие собой событие преступления;

2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;

3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;

4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;

5) исключающие преступность и наказуемость деяния обстоятельства;

6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

8) обстоятельства, которые имеют значение для обоснования правомерности конфискации имущества согласно ст. 104.1 УК РФ;

9) обстоятельства, которые способствовали совершению преступления.

Стоит отметить, что предмет доказывания на всех стадиях уголовного процесса един. Совокупность, обстоятельств, подлежащих доказыванию, не зависит от квалификации преступления и применяется единообразно при рассмотрении любых уголовных дел, за исключением случаев, специально предусмотренных законом, когда перечень таких обстоятельств расширяется.

Предмет доказывания – это база, на которой строится позиция стороны обвинения, а также на которую опирается защита, поскольку доказательства, имеющиеся в деле, могут свидетельствовать о невиновности лица, либо о наличии фактов, которые могут влиять на смягчение назначаемого наказания.

Без установления вышеуказанных обстоятельств невозможно решить такие ключевые процессуальные вопросы о том, имело ли место совершение действий,

образующих состав уголовно наказуемого деяния, есть ли вина того или иного лица и в совершении каких именно действий, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, какое данное лицо должно понести наказание в случае признания его виновным, возможно ли освобождение от уголовной ответственности или отбывания наказания[4, с. 290-291].

Прежде всего, должны быть выяснены факты, имеющие непосредственное отношение к событию преступления, на основании чего и возбуждается дело, а также сведения о субъекте совершения преступления, как формальные – фамилия, имя и отчество, возраст, место регистрации и фактического проживания, так и сведения, имеющие непосредственное значение для правильной квалификации и разрешения дела: наличие или отсутствие психических заболеваний, вменяемость в момент совершения деяния, наличие признаков специального субъекта (например, если лицо является военнослужащим, должностным лицом и т.д.), данные, отражающие его социальный статус, мотивы совершения преступления и др.

Что касается деталей события преступления, то здесь ключевое значение имеет не только само установления факта произошедшего события, но и обоснование того, что это событие содержит в себе признаки совершения уголовного наказуемого деяния. Так, например, смерть человека сама по себе еще не может свидетельствовать о совершении преступления, поскольку смерть возможна в силу естественных причин (болезни или старости), несчастного случая или самоубийства, поэтому в подобном случае, прежде всего, необходимо установить причину смерти, чтобы затем прийти к выводу о наличии или отсутствии события преступления.

Некоторые особенности предмета доказывания имеют место в уголовных делах о совершении преступлений несовершеннолетними лицами (ст. 421 УПК РФ), и по уголовным делам о применении к лицу, совершившему противоправное деяние, принудительных мер медицинского характера (ст. 434 УПК РФ). Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, в таких случаях подлежит расширению.

Так, по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним лицом в обязательном порядке подлежат установлению также дополнительные обстоятельства: возраст несовершеннолетнего и дата его рождения; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, с которыми он контактирует в повседневной жизни.

Согласно ст. 434 УПК РФ если субъектом совершения преступления является лицо, находившееся в состоянии невменяемости, или лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, то кроме общих обстоятельств, необходимо также доказать факт совершения уголовно наказуемого деяния таким лицом; наличие у данного лица психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент

совершения деяния, запрещенного уголовным законом, или во время производства по уголовному делу; а также установить связь психического расстройства лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

Одним из принципов уголовного судопроизводства является принцип гуманности, а также соблюдение прав и свобод человека и гражданина. А потому, в целях соблюдения указанных принципов, в процессе уголовно-процессуального доказывания должностными лицами и уполномоченными органами достаточное внимание должно уделяться обстоятельствам, свидетельствующим не только о виновности, но и в пользу обвиняемого (подозреваемого).

Для надлежащего и всестороннего рассмотрения любого уголовного дела первостепенное значение имеет доказывание события преступления, которое предполагает выяснение обстоятельств уголовного дела, необходимых для правильного установления таких элементов состава преступления, как объект и объективная сторона.

Независимо от того, имеет ли это значение для правовой квалификации деяния по каждому уголовному делу обязательному установлению подлежат место и время совершения преступления. Это имеет значение, в том числе, и потому, что в определенных случаях позволяет применить к обвиняемому (подозреваемому) нормы об амнистии или о сроках давности, либо может иметь место взаимосвязь временных рамок совершения преступления и возраста подозреваемого (обвиняемого) на момент совершения противоправных действий. Установление места совершения преступления имеет значение, в том числе, для установления подследственности и подсудности.

Установление способа совершения преступления оказывает прямое влияние на квалификацию деяния и в определенных случаях может выступать в качестве отягчающего обстоятельства.

То же касается и цели совершения преступного деяния, взаимоотношения преступника с потерпевшим.

Под иными обстоятельствами, входящими в понятие события преступления, могут пониматься, например, способы сокрытия совершенного преступления, особенности распределения ролей и степени участия лиц, совершивших преступное деяние в составе группы лиц и т.д.

Имеет немаловажное значение и установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Причем в качестве такого обстоятельства может выступать совершение другого преступления, как совершенного с прямым, так и косвенным умыслом, к примеру, халатность должностных лиц. Нередки случаи совершения преступлений в условиях безысходности, которая может выражаться в различных формах: систематическое физическое или психологическое насилие, тяжелое имущественное положение, бездействие должностных лиц и т.д. Наличие таких обстоятельств может быть признано судом смягчающими уголовную ответственность.

Важное значение может иметь обстановка совершения преступления, наличие или отсутствие состояния аффекта у лица, совершившего преступление.

Установление характера и размера вреда оказывает непосредственное влияние на квалификацию деяния и меру назначаемого наказания и имеет значение для решения вопроса о признании лица, чьи интересы были затронуты совершением преступления, потерпевшим и гражданским истцом[3, с. 108-109].

Кроме того, при доказывании необходимо установить причинную связь между событием преступления и наступившими в результате него последствиями.

При рассмотрении уголовного дела в рамках предмета доказывания в обязательном порядке должны быть установлены обстоятельства, смягчающие (ст. 61 УК РФ), отягчающие (ст. 63 УК РФ), а также исключающие уголовную ответственность (ст.ст. 37-42 УК РФ). При этом обстоятельства, отягчающие ответственность, должны быть выяснены еще на стадии предварительного расследования, иначе они не могут быть учтены судом в ходе судебного разбирательства при назначении наказания.

При производстве мероприятий по доказыванию необходимо помнить о таком их свойстве как допустимость. Так, недопустимыми признаются доказательства, полученные с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства.

Например, недопустимыми доказательствами будут являться показания подозреваемого, обвиняемого, полученные в отсутствие защитника, пусть даже имел место добровольный отказ указанных лиц от защитника. Недопустимыми доказательствами должны быть признаны показания свидетеля, который затрудняется указать источник своей осведомленности, или если его показания основываются на предположениях.

Кроме того, допустимость доказательств зависит от субъекта, выступающего источником доказательств, а также от способа собирания доказательств по уголовному делу, поскольку уголовно-процессуальный закон содержит ряд ограничений относительно лиц, которые могут быть участниками уголовного судопроизводства и способов собирания доказательств, которые могут быть применены.

Для уголовно-процессуального права всегда имеет значение соблюдения процессуальных норм при осуществлении процедур, являющихся элементами доказывания[4, с. 293-294].

УПК РФ содержит нормы, гарантирующие соблюдение правил об относимости и допустимости доказательств. Так, возможно признание доказательства недопустимым судом, прокурором, следователем либо дознавателем при наличии соответствующего ходатайства подозреваемого (обвиняемого) либо по инициативе указанных органов и лиц (ст.ст. 88, 235 УПК РФ).

Кроме того, ст. 125 УПК РФ закрепляет возможность обжалования участниками уголовного судопроизводства незаконных действий (бездействия)

органов расследования и прокурора, а также их решения, принятые в связи с получением доказательств.

Для правильного разрешения любого уголовного дела всегда имеет значение достаточность доказательств или другими словами пределы доказывания. Пределы доказывания представляют собой степень глубины доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, которая зависит от системы (количества и качества) собранных в процессе предварительного расследования преступления и судебного разбирательства уголовного дела доказательств[5].

Пределы доказывания по каждому конкретному делу устанавливаются индивидуально органами и должностными лицами, принимающими решения в ходе производства по уголовному делу: дознавателем, следователем, прокурором и судом.

Они всегда зависят от предмета доказывания по конкретному уголовному делу, активности сторон, качества и количества имеющихся доказательств, представленных сторонами документов, предметов и иных материалов.

Здесь стоит отметить, что при рассмотрении вопроса о достаточности доказательств по тому или иному уголовному делу необходимо учитывать обе крайности данной характеристики – как минимальное количество доказательств, необходимых для объективного разрешения дела, так и максимальное их количество. Чрезмерность доказательств, так же, как и недостаточность, может оказать негативное влияние на процесс уголовного доказывания, замедлить предварительное следствие, загромождая дело излишними и зачастую не имеющими существенного значения материалами и даже исказить определенные факты.

Законодатель не предусматривает иных способов выяснения обстоятельств, являющихся существенными для разрешения уголовного дела, кроме доказывания, а решения, принимаемые в ходе рассмотрения дела, как правило, всегда затрагивают права и законные интересы различных лиц, поэтому такие обстоятельства должны устанавливаться с высокой достоверностью и неукоснительным соблюдением норм уголовно-процессуального права[6].

Таким образом, следует вывод о том, что правильное, всестороннее и полное установление обстоятельств, составляющих предмет доказывания, обеспечивает объективную возможность достигнуть назначения уголовного судопроизводства, способствует вынесению обоснованного и справедливого решения, обеспечивающего соблюдение прав всех участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1996. – N 25. – ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2001. – N 52 (ч. I). – ст. 4921.

3. Гриненко А.В. Уголовный процесс. М.: Норма, 2009. – 496 с.

4. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право РФ. М.: Норма, 2009. – 1072 с.

5. Алексеев С.Л., Вотчель Н.Р. Прокурорский надзор: Учебное пособие / Под редакцией д.ю.н., профессора Ф.Н. Багаутдинова. - Казань: Информационно технологический центр АСО, 2014. - 126 с

6. Алексеев С.Л., Шалканов И.Р. Исторические аспекты уголовного наказания в виде принудительных работ // Фундаментальные исследования. - 2015. - № 2. - С. 4979-498

ДОКАЗЫВАНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ, ПРОБЛЕМЫ

Алиева Г.И.
аспирантка кафедры уголовного процесса
и криминалистики Казанского федерального университета
E-mail: aliewa.gyulnar@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены основные проблемы расследования и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу об уничтожении или повреждении лесных насаждений. Подлежит доказыванию наличие специальных признаков предмета преступления, указанного в ст. 261 УК РФ; определение размера причиненного крупного ущерба и формулирование единообразия следственной и судебной практики в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: *экологическое преступление; лесные насаждения; уничтожение; повреждение; расследование; предмет доказывания.*

PROOF OF OBJECTIVE SIGNS OF DESTRUCTION OR DAMAGE FOREST PLANTS, PROBLEMS

Alieva G.I.
Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure
and forensics of Kazan Federal University
E-mail: aliewa.gyulnar@yandex.ru

Abstract. Consideration of the main problems of the investigation and the existence of circumstances subject to evidence in a criminal case on the destruction

or damage to forest plantations. Subject to proof of the presence of special features of the subject of the crime referred to in Art. 261 of the Criminal Code; determination of the amount of causal and judicial proceedings in the Decrees of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: *environmental crime; forest plantations; destruction; damage; investigation; subject of proof.*

Предварительное расследование по делам об экологических преступлениях в настоящее время вызывает определенные проблемы в связи с определенной латентностью этого вида преступности и оказанием существенного ущерба экологической безопасности и экологическому правопорядку в этой сфере общественных отношений. Действующее национальное законодательство претерпевает многочисленные изменения и дополнений в отраслевых кодексах, свидетельством тому являются многие публикации[5], в том числе на уровне межотраслевых исследований[2].

Установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу является обязательным признаком процесса расследования преступления. Такие обстоятельства указаны в ст. 73 УК РФ и часто именуются как предмет доказывания. Эта теоретическая модель наполняется конкретизацией при производстве по любому уголовному делу, зависит от конкретного состава преступления и его объективных и субъективных признаков. Наш интерес привлечен к уголовно-наказуемому уничтожению или повреждению лесных насаждений как составу преступления, предусмотренному в ст. 261 УК РФ.

Обратим внимание на внесение изменений и дополнений в содержание ст. 261 УК РФ Федеральным законом от 29.12.2010 N 442-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», на основании которого законодателем были усилены санкции статьи[9].

В п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в качестве самостоятельного обстоятельства, подлежащего доказыванию, указано установление «события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления)». Применительно к ст. 261 УК РФ подлежат доказыванию эти признаки объективной стороны преступления.

В п. 15. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» обращено внимание судов на важность установления предмета данного преступления, так как он может являться критерием ограничения уголовно-наказуемого деяний от непреступного. Так «предметом преступлений, предусмотренных ст. 260 и ст. 261 УК РФ, являются как лесные насаждения, то есть деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, так и деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (например, насаждения в

парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья). При этом не имеет значения, высажены ли лесные насаждения или не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы искусственно либо они произросли без целенаправленных усилий человека. Не относятся к предмету указанных преступлений, в частности, деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения (за исключением лесных насаждений, предназначенных для обеспечения защиты земель от воздействия негативных (вредных) природных, антропогенных и техногенных явлений), на приусадебных земельных участках, на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, в лесопитомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, а также ветровальные, бурелломные, сухостойные деревья, если иное не предусмотрено специальными нормативными правовыми актами. Рубка указанных насаждений, а равно их уничтожение или повреждение при наличии к тому предусмотренных законом оснований могут быть квалифицированы как хищение либо уничтожение или повреждение чужого имущества»[7]. Нами умышленно приведена большая по объему цитата из постановления Пленума Верховного Суда РФ по причине важности доказывания свойств предмета преступления исследуемого состава. То есть в других случаях при отсутствии предмета состава преступления нет и эти обстоятельства подлежат установлению в процессе доказывания по уголовному делу.

В п. 25 этого же Постановления Пленума Верховного Суда РФ судам рекомендуется устанавливать наличие или отсутствие доказательств уголовно-наказуемого деяния и квалификацию действий как административного проступка: «в случаях нарушения требований правил пожарной безопасности в лесах следует разграничивать преступления, предусмотренные ст. 261 УК РФ, и административные правонарушения, ответственность за совершение которых установлена ст. 8.32 КоАП РФ». Содержание ст. 8.32 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение правил пожарной безопасности в лесах[4].

Определенным критерием отграничения ч.1 и ч. 2 ст. 261 УК РФ является установленный в Примечании к ст. 261 УК РФ стоимостной признак причиненного материального ущерба. Так, крупным ущербом в этой статье признается ущерб, при котором стоимость уничтоженных или поврежденных лесных насаждений и иных насаждений, исчисленная по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышает пятьдесят тысяч рублей.

При этом, наличие крупного ущерба как квалифицированного признака установлено в ч. 2 ст. 261 УК РФ, является обязательным и усиливает степень общественной опасности совершенного преступления. Такой вывод подтверждается повышенной санкций в этой части ст. 261 УК РФ.

Следовательно, в процессе доказывания крупного ущерба самостоятельному установлению подлежат доказательства, подтверждающие превышение размера ущерба 50000 рублей. При этом, содержание Примечания к ст. 261 УК РФ является бланкетным и для определения суммы ущерба необходимо обращаться к специальным методикам. К нашему сожалению, Постановление Пленума Верховного Суда РФ не дает рекомендации относительно подзаконного нормативного акта, на основе которого предварительное расследование можно быть рассчитать сумму причиненного экологическим преступлением ущерба.

Кроме того, исследуемое деяние может быть квалифицировано по ст. 261 УК РФ только в случае неосторожного «обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности». В этой связи, представляет определенный интерес рекомендация Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который в п. 11 своего Постановления от 05.06.2002 N 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» судам рекомендовано следующее: неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности в смысле ст.168 УК РФ и ч.1 ст. 261 УК РФ может, в частности, заключаться в ненадлежащем обращении с источниками воспламенения вблизи горючих материалов, в эксплуатации технических устройств с не устранёнными дефектами (например, использование в лесу трактора без искрогасителя, оставление без присмотра непогашенных печей, костров либо не выключенных электроприборов, газовых горелок и т.п.)[6].

В п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»[8] указано, что уничтожение лесных и иных насаждений применительно к ст. 261 УК РФ выражается в полном сгорании насаждений или их усыхании в результате воздействия пожара или его опасных факторов, загрязняющих и отравляющих веществ, отходов производства и потребления, отбросов и выбросов. При этом, к повреждению при расследовании дела данной категории и их последующего судебного рассмотрения необходимо относить случаи частичного сгорания насаждений, деградацию их на определенных участках леса до степени прекращения роста, заражение болезнями или вредными организмами и т.д. 1 июля 2019 года начнет работать Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 538-ФЗ “О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений, связанных с обеспечением сохранения лесов на землях лесного фонда и землях иных категорий”.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в нормах действующего уголовного закона содержатся общие объективные признаки уничтожения или повреждения лесных насаждений; в Примечании к ст. 261

УК РФ указана бланкетная норма, относительно определения размера причиненного ущерба, не конкретизирующая правовой акт; в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ целесообразно указать подзаконный акт, на основе которого можно было исчислять размер экологического ущерба в результате данного преступления.

Список литературы

1. Дубовик О.Л. Экологическая преступность в Российской Федерации: состояние, тенденции и связи с транснациональной, коррупционной и организованной преступностью // Криминологический журнал. – 2010. – N 1.

2. Епихин А.Ю. Расширение полномочий суда на понижение категории преступления: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 1(19). – С.105-108.

3. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2018. – С.202-211.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.11.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 1 (ч. 1). – ст. 1.

5. Круглов В.В., Гаевская Е.Ю. Об эффективности мер уголовной ответственности в области охраны окружающей среды, использования и охраны природных ресурсов в РФ // Российский юридический журнал. – 2011. – N 4. – С. 194-200.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 N 14 (ред. от 18.10.2012) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // Российская газета. – N 108. – 2002.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. – N 251. – 2012.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. – N 251. – 2012.

9. Федеральный закон от 29.12.2010 N 442-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – N 1. – Ст. 54.

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАЩИТОЙ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН, КОТОРЫЕ ВОЗНИКАЮТ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Бахарев В.М.
доцент кафедры уголовного процесса
АНО ВО «Академия социального образования»

Галимуллин Н.И.
студент 4 курса, факультета «Юриспруденция»,
направления подготовки «Бакалавр»

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с защитой прав и законных интересов граждан, которые возникают на стадии возбуждения уголовных дел частного обвинения. Проводится анализ процессуального положения лица, в отношении которого подано заявление.

Ключевые слова: *уголовное дело частного обвинения; частный обвинитель, лицо, в отношении которого подано заявление, процессуальный статус; ходатайства.*

PROBLEMS RELATED TO THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS OF CITIZENS WHICH ARISE AT THE STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASES

Bakharev V.M.
Associate Professor, Department of Criminal Procedure
ANO VO "Academy of Social Education"

Galimullin N.I.
4th year student, Faculty of Law,
areas of training "Bachelor"

Abstract. The article is devoted to problems related to the protection of the rights and legitimate interests of citizens, which arise at the stage of excitation of criminal cases of private prosecution, the analysis of the procedural position of the person in respect of whom the application is made.

Key words: *criminal case of private prosecution, the private prosecutor, a person in respect of whom the application is made, procedure, petition.*

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации посвящает производству по уголовным делам частного обвинения

отдельные раздел и главу. Это обусловлено рядом специфических особенностей, возникающих при рассмотрении уголовных дел мировым судьей. Наличие дискуссионных моментов послужило основанием нашей попытки ответить на ряд вопросов.

Особый интерес вызывает вопрос о процессуальном статусе, а точнее – о его фактическом отсутствии, лица, в отношении которого подано заявление частного обвинения до момента принятия дела частного обвинения мировым судьей к своему производству. Тогда как появление потерпевшего как участника уголовного судопроизводства уголовно-процессуальным законом предусмотрено.

Обращаясь в суд в порядке частного обвинения, лицо преследует не общественный (публичный), а свой личный (частный) интерес, заключающийся в необходимости восстановления его правового статуса, нарушенного преступлением. Исходя из толкования Верховным Судом РФ ч. 1 ст. 42 УПК РФ «потерпевшим признается не лицо, в отношении которого вынесено соответствующее постановление, а «лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред». Дальнейшее вынесение постановления надлежащего характера является процессуальным закреплением установленного следователем либо дознавателем факта нанесения такого вреда потерпевшему лицу»[1]. Следовательно, подавая заявление частного обвинения в суд, лицо, которому преступлением причинен вред, уже является потерпевшим. Однако статус потерпевшего не позволяет лицу в полном объеме использовать свои права, предоставленные ему законом, поскольку он не отражает всей самостоятельности и активности лица, подавшего заявление. Закон предусматривает более активное участие, которое заключается в выдвижении и поддержании обвинения по уголовным делам частного обвинения. Таким образом, имеет место переход от статуса потерпевшего к статусу другого участника уголовного судопроизводства – частного обвинителя (правда, без официального оформления).

Спорным остается вопрос, касающийся процессуального положения лица, в отношении которого подано заявление частного обвинения. В специальной научной литературе на данный счет наличествуют различные точки зрения. Получение ответа на такой вопрос имеет важное практическое значение для правильного и своевременного разрешения дела по существу. Не менее важно обеспечить гарантии прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства по делам частного обвинения.

Ряд авторов полагают, что лицо, в отношении которого подано заявление частного обвинения, приобретает статус обвиняемого с момента принятия мировым судьей такого заявления к рассмотрению[2]. Другие высказывают мнение о появлении подсудимого как участника уголовного процесса на более раннем этапе продвижения дела, с момента вручения или направления ему копии поданного заявления и разъяснения прав подсудимого[3,4]. Все действия судьи по ознакомлению лица с материалами

дела, вручению ему копии заявления, разъяснению прав и обязанностей подсудимого фиксируются в письменной форме и скрепляются подписью лица, в отношении которого подано заявление частного обвинения. При изучении данного аспекта мы столкнулись и с предложением введения в уголовный процесс по делу частного обвинения нового самостоятельного участника – частного обвиняемого, с закреплением за ним конкретных прав и обязанностей[4]. Логично, что если потерпевший выдвинул обвинение, то, соответственно, должно быть и лицо, которому оно предъявляется,
– обвиняемый. Однако, на наш взгляд, ознакомление лица с его процессуальными правами нельзя отнести к наделению его статусом подсудимого. В силу закона (ч. 2 ст. 319 УПК РФ) такое лицо, несомненно, является стороной по делу, тем не менее, при отсутствии процессуального закрепления статуса невозможно быть стороной защиты[5].

Подобное положение не позволяет наделить лицо, в отношении которого подано заявление, правом на защиту, хотя на практике такому лицу необходима квалифицированная юридическая помощь. Подобная ситуация возникает уже на этапе ознакомления его с материалами в момент вызова в суд (для оказания содействия в достижении примирения, решения вопроса о ходатайстве, об оказании помощи в собирании доказательств, решения вопроса о целесообразности и подготовки встречного заявления и т.д.). Немаловажным видится и то, что лицу должно быть обеспечено его право ознакомиться с материалами уголовного дела в присутствии своего защитника. Как должен поступить в данной ситуации мировой судья – удовлетворить или отказать в удовлетворении заявленного лицом ходатайства?

На практике мировые судьи допускают к ознакомлению защитника, делая об этом специальную отметку в материалах. А значит, мировые судьи руководствуются положениями российского законодательства, гарантирующими обвиняемому право на защиту. Тогда на мирового судью должна быть возложена обязанность в каждом случае знакомить лицо с правом как самостоятельно пригласить защитника, так и заявлять ходатайство об обеспечении ему квалифицированной юридической помощи в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ.

В противном случае лицо, в отношении которого выдвинуто частное обвинение, останется без надлежащей правовой защиты, что недопустимо. В уголовном процессе по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения каждому подозреваемому, обвиняемому предоставляется право пользоваться помощью защитника, свидетель также имеет право являться на допрос или на очную ставку со своим адвокатом.

Полагаем, что вполне оправданным в данном случае для иллюстрации сложившегося положения будет провести параллель между такой формой предварительного расследования, как дознание, и производством по уголовному делу частного обвинения у мирового судьи.

Во-первых, обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и другими материалами по делу; мировой судья в свою очередь также обязан вызвать лицо, в отношении которого подано заявление частного обвинения, для вручения ему копии поданного заявления, где знакомит с имеющимися материалами.

Во-вторых, данные действия фиксируются в письменной форме для последующего подтверждения при возникновении спорных вопросов (дознаватель делает отметку в протоколе ознакомления с материалами; мировой судья берет у лица подписку).

Как мы уже выяснили выше, квалифицированная юридическая помощь лицу, в отношении которого подано заявление, необходима уже на самых ранних этапах уголовного судопроизводства. Конституцией РФ в ст. 48 гарантируется право задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу, предъявления обвинения. В Конституции РФ ничего не говорится о таком праве для подсудимого. Однако из смысла процессуального закона подсудимым становится лицо, которому ранее было предъявлено обвинение, в отношении которого назначено судебное разбирательство. Таким образом, подсудимому, чтобы иметь возможность пользоваться правом на защиту, необходимо ранее быть в статусе обвиняемого. А значит, предъявление обвинения обязательно по всем категориям уголовных дел, в том числе и по делам частного обвинения. Предъявление обвинения имеет важное практическое значение, поскольку связывает реальное обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь у обвиняемого.

Необходимо определить момент предъявления обвинения лицу по уголовному делу частного обвинения. В соответствии с УПК РФ потерпевший по делу частного обвинения самостоятельно формулирует и выдвигает обвинение. В заявлении по уголовному делу частного обвинения он указывает событие преступления, время, место, обстоятельства совершенного преступления, анкетные данные лица, привлекаемого к уголовной ответственности, обращение к суду о возбуждении уголовного дела частного обвинения, перечень свидетелей, которым известны обстоятельства совершенного преступления. Действующее законодательство позволяет обвинителю внести изменения в заявление, но лишь в тех случаях, когда такие изменения не ухудшают положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, либо вовсе отказаться от обвинения.

Мировой судья обязан предъявить обвинение в соответствии со ст. 319 УПК РФ. Если говорить точнее, то его действие при принятии заявления можно толковать как предъявление обвинения. В соответствии с действующим законодательством и руководствуясь принципом состязательности сторон процесса, обвинение выдвигается частным обвинителем именно через мирового судью. И здесь нельзя относить судью к стороне обвинения, поскольку он выполняет лишь «посреднические»

функции в силу особенности данного уголовного правоотношения. В уголовном правоотношении одной из сторон всегда выступает «субъект управления» – орган либо должностное лицо, наделенные государственно-властными полномочиями. Поэтому аналогичные отношения всегда строятся по принципу «власти и подчинения»[6]. В силу этого на орган государственной власти законом накладывается обязанность в случае возникновения тех или иных обстоятельств выполнить определенные действия, полномочия. Само же обвинение исходит исключительно от заявителя.

Суд никогда не стоит на стороне обвинения или защиты. Задача судебных органов состоит в обеспечении отправления правосудия, создания необходимых условий для справедливого разрешения уголовного дела, соблюдения прав и законных интересов участников процесса. Мировой судья лишь проверяет соблюдение законности при подаче заявления, выясняет, отвечает ли поданное заявления установленным требованиям. Отношения между участниками весьма сложны, поскольку обвинитель формулирует и выдвигает обвинение, которое судья должен передать лицу, в отношении которого оно выдвинуто, после чего тот становится обвиняемым. Получив статус обвиняемого, лицо наделяется полным объемом прав и обязанностей как участник уголовного судопроизводства[7].

Мировой судья обязан разъяснить лицу, в отношении которого подано заявление частного обвинения, в момент его явки в суд право самостоятельно обеспечить участие в деле своего адвоката (защитника) либо ходатайствовать о предоставлении ему квалифицированной юридической помощи в порядке ст. 50 УПК РФ.

Полагаем, что таким положением необходимо дополнить ч. 3 ст. 319 УПК РФ. Аналогичный пробел в законодательстве содержится и в гл. 52 УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». В случаях, когда к уголовной ответственности привлекаются лица, перечисленные в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, решение по представлению прокурора принимается в его присутствии, а также при участии самого лица, в отношении которого представление подано, и его защитника. Обвинение еще не предъявлено, лицо не получило процессуального статуса обвиняемого, а юридической помощью с целью защиты своих прав и законных интересов уже пользуется.

На наш взгляд, данная проблема весьма актуальна и требует выработки единообразного решения при осуществлении практической деятельности по делам частного обвинения. Государство обязано обеспечить каждому вовлеченному в уголовное судопроизводство равную защиту его прав и свобод, поскольку именно эта задача является главенствующей, первоочередной в поле реформирования и преобразования современной правовой системы Российской Федерации.

Список литературы

1. Постановление N 244п02пр по делу Кирякова // БВС РФ. – 2003. – N 3. – С. 14.
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: МГЮА, 2013. – 815 с.
3. Дорошков В.В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. – М.: Норма, 2011. – 272 с.
4. Настольная книга мирового судьи, рассматривающего гражданские дела / Под ред. А.Ф. Ефимова, И.К. Пискарева. – М., 2014. – 846 с.
5. Шитин Д.Ю. О процессуальном статусе обвиняемого и частного обвинителя по делам частного обвинения // Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и практика его применения / Под ред. А.П. Гуськовой. – Оренбург, 2002. – С. 350-356.
6. Гриненко А.В. Уголовный процесс: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 334 с.
7. Алексеев С.Л., Холоднов В.Г., Шамигуллов А.Р. Проблемы профессиональной ориентации и трудоустройства выпускников юридических специальностей (на примере юридического факультета Академии Социального Образования) // Трудоустройство выпускников вуза: реалии и перспективы: материалы научно-практической конференции. - Казань, 2015. - С. 30.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ И БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН

Бахарев В.М.
доцент кафедры уголовного процесса
АНО ВО «Академия социального образования».

Мурзанов Е.С.
Студент 2 курса гуманитарно-юридического факультета
уровня подготовки магистратуры
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние института банкротства, с учетом современного законодательства. Рассматриваются особенности криминальных банкротств и банкротства граждан.

Ключевые слова: *предпринимательство, банкротство, криминальные банкротства, арбитражные суды.*

FEATURES OF CRIMINAL BANKRUPTCY AND BANKRUPTCY OF CITIZENS

Bakharev V.M.
Associate Professor, Department of Criminal Procedure
ANO VO "Academy of Social Education".

Murzanov E.S.
2nd year student of the Faculty of Humanities and Law
Master level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The article considers the current state of the institution of bankruptcy with the use of modern legislation. Considers the peculiarities of criminal bankruptcy and bankruptcy citizens.

Key words: *entrepreneurship, bankruptcy, criminal bankruptcy, arbitration courts.*

Экономика государства на сегодняшний день имеет свойство нестабильности, что не редко отражается на финансовой неплатежеспособности хозяйствующих субъектов. Проблема банкротства в настоящее время становится особенно значимой: с каждым годом число дел о несостоятельности, рассмотренных арбитражными судами (далее – АС РФ) растет. Это, несомненно, свидетельствует о том, что институт банкротства в России занимает одно из ведущих мест в развитии нормальных экономических отношений среди участников хозяйственного оборота. Данный институт всегда выступал в качестве одного из ключевых регуляторов экономических процессов в обществе, обеспечивал стабильность и устойчивость хозяйственного оборота. Со временем стали выделять банкротство как сопутствующее явление коммерческой деятельности.

Действующее российское законодательство о несостоятельности (банкротстве) представляет собой сложную систему правовых норм, основанием которой являются положения Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ). Центральное место в системе правового регулирования несостоятельности (банкротства) занимает Федеральный закон 2002 года, задачами которого являются исключение из оборота неплатежеспособных субъектов и предоставление возможности добросовестным предпринимателям улучшить свои дела под контролем АС РФ и кредиторов и вновь достичь финансовой стабильности.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ[1] (далее – Закон 2002г.) несостоятельность (банкротство) представляет собой признанную

арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. В цивилистике, в связи с синонимичностью понятий «несостоятельность» и «банкротство» сложилось множество подходов к данной проблеме, например «Банкротство слагается из двух элементов, из которых один (несостоятельность) — понятие гражданского права, другой (банкротское деяние) — понятие уголовно-правовое ».

Следует обратить внимание на еще один аспект понятия банкротства, банкротство – это один из способов ликвидации юридического лица. Пункт 1 ст. 65 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает, что признание судом юридического лица банкротом влечет за собой его ликвидацию. При этом, если стоимости имущества ликвидируемой коммерческой организации потребительского кооператива, благотворительного или иного фонда недостаточно для удовлетворения требований кредиторов, такие юридические лица (за исключением казенных предприятий) могут быть ликвидированы только путем банкротства. Однако стоит заметить, что в соответствии со ст. ст. 25 и 65 ГК РФ банкротство должника может быть осуществлено принудительно или добровольно.

Ст. 22 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[2] (далее – АПК РФ) определяет подведомственность дел, Арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам, возникающим из гражданских, административных и иных правоотношений. Данная статья базируется на положениях ст. 127 Конституции Российской Федерации[3] и ст. ст. 4 и 5 Федеральном конституционном законе «Об арбитражных судах в Российской Федерации», в соответствии с которыми к ведению АС относится рассмотрение экономических споров и иных дел в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности. Тем самым разграничивается компетенция АС РФ и других органов, в том числе судов общей юрисдикции.

Как и во многих областях хозяйствующей деятельности, институт несостоятельности имеет ряд проблем как на практике и теории, так и в законодательном закреплении проблемы. С уголовно-правовой стороны проблемы на практике появляются в связи с рассмотрением фиктивного и преднамеренного банкротств. То есть речь в данном случае идет о взаимосвязи между возбуждением уголовного дела правоохранительными органами и постановлением АС РФ. Ввиду того, что Закон 2002 г. не называет прокурора в числе лиц, имеющих право на обращение в суд с исками, связанными с недействительностью сделок должника по специальным основаниям, предусмотренным Законом 2002 г., прокурор не может обращаться в АС с исками подобного рода. В связи с этим, автор полагает, нужно дать прокурору такую возможность, полагаясь на то, что сама природа недействительных сделок ухудшает и без того неблагоприятное положение сторон в делах о банкротстве.

Практика показала проблемы и в трансграничных банкротствах, в связи с внедрением в дела о банкротстве иностранного элемента, встает проблема государственной подсудности и применения законодательства субъектов – участников. Для решения проблемы трансграничного банкротства, автор полагает, что в связи с тем, что законодательство о банкротстве одних государств является превалирующим ликвидации должника и удовлетворения требований кредиторов, других – превалирующим восстановления платежеспособности должника. Следовательно, для разрешения проблем трансграничной несостоятельности необходимо повышение уровня доверия между странами, сближение национальных законодательств о банкротстве и на этой основе – достижение международно-правовой унификации регулирования трансграничной несостоятельности.

Не до конца законодательно урегулированным остается вопрос защищенности рабочих организации-банкрота, что негативно отражается на социально-правовой позиции государства. Вопросы банкротства физического лица в большей степени стали на слуху в период нового экономического этапа России и появления законопроекта «О банкротстве физических лиц», однако Германия, не пренебрегая данным институтом, давно реализовала его в жизнь. Полагается, что введение Закона «О несостоятельности (банкротстве) граждан (физических лиц)» в российскую действительность с одной стороны, дает большую возможность гражданину брать на себя кредитные обязательства, с другой стороны, беря указанные обязательства, злоупотреблять доверием банка. Хотя на сегодняшний день и имеется законопроект рассматриваемый вопросы граждан в полной мере, однако данный законопроект нашел как сторонников, так и противников. На сегодняшний день данная область остается законодательно не закрепленной. На территории субъектов в АС РФ отсутствует подобного рода судебная практика.

Необходимо отметить, что законодательство о несостоятельности (банкротстве) должно включать в себя не только акты федерального уровня, но и акты субъектов РФ, принимаемые по отдельным вопросам с учетом особенностей экономического развития отдельных субъектов РФ, специфики государственного управления в регионах, специфики отношения субъектов РФ к несостоятельным субъектам гражданского оборота, спецификой контроля и надзора со стороны органов государственной власти.

Предлагается доработать нормы УПК РФ в плане конкретики назначения экспертиз по делам о криминальных банкротствах. Полагается, что следует ужесточить ответственность управляющих за неправомерные действия при банкротстве, более детально доработать нормы Закона 2002 г. в плане закрепления обязанностей управляющих. Также стоит обратить внимание и на момент, когда управляющие подлежат дисквалификации на определенный срок, автор полагает, что следует таких субъектов дисквалифицировать и не давать дальнейшей возможности осуществлять

данный вид деятельности. В связи с тем, что экономические стороны предпринимательства позволяют преднамеренно доводить хозяйствующий субъект до банкротства, полагается нужным и возможным ужесточить ответственность по нормам УК РФ[4]. Вполне реально внести в закон санкцию в плане ареста имущества приобретенного недобросовестным предпринимателем, в том числе банковских счетов за период банкротства предприятия. В данном случает, выявляется необходимость проверки гражданско-правовых сделок предпринимателя, в том числе и сделок дарения, так как показывает практика, что в данных случаях предприниматели, при объявлении АС предприятие банкротом, стараются
«спихнуть» свое имущество родственника, в большинстве случаев именно по сделкам дарения. Конечно, данная позиция происходит при наличии криминального элемента, в большинстве случаев при преднамеренном банкротстве[5].

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 2002. – N 43. – ст. 4190.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Парламентская газета, 2012. – N 140-141.

3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ // СПС Консультант ПЛЮС.

4. Алексеев С.Л., Вотчель Н.Р. Прокурорский надзор: Учебное пособие / Под редакцией д.ю.н., профессора Ф.Н. Багаутдинова. - Казань: Информационно технологический центр АСО, 2014. - 126 с

5. Алексеев С.Л., Салимзянова Р.Р. Криминология: вчера, сегодня, завтра. // - 2013. - С. 212.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Габдрахманова Л.Г.
к. филоф. н. доцент,
заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин
АНО ВО «Академия социального образования»
e-mail: karimova.lan@mail.ru

Ионина Е.Г.
Студентка 2 курса гуманитарно-юридического факультета
уровня подготовки магистратуры
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. Статья посвящена изучению виктимологической характеристики потерпевших. Рассматривает вопросы формирования системы виктимологической защиты населения Российской Федерации, предлагая методики потенциальных жертв насильственной преступности.

Ключевые слова: *насильственная преступность, виктимологическая профилактика, личность потерпевшего, жертва преступлений.*

VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF FORCIBLE CRIME

Gabdrakhmanova L.G.
K. Filof. n assistant professor,
Head of the Department of Public Law Disciplines
ANO VO "Academy of Social Education"
e-mail: karimova.lan@mail.ru

Ionina E.G.
2nd year student of the Faculty of Humanities and Law
Master level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The article is devoted to the study of victimological characteristics of the victims. Considers the formation of a system of victimological protection of the population of the Russian Federation, offering methods for potential victims of forced punishment.

Key words*: violent crime, victimological propnylaxis, the taentity of the victim, crime victim.*

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных Конституцией Российской Федерации – основная задача общества, от степени решения, которой зависит судьба российского государства. В связи с этим представители различных наук все глубже проникают в механизм объективных и субъективных причин и условий такого негативного социального явления, как преступность[1]. При этом следует отметить, что большинство исследований направлено на изучение правонарушителя, его социально-психологических характеристик и качеств, поскольку преступник посягает на общественные установления, права и интересы отдельных граждан, охраняемые нормами права и государством. Поэтому при разработке мер, направленных на защиту от преступных посягательств, внимание в первую очередь обращается на правонарушителя, и его асоциальное поведение.

Однако при этом почти не учитывается немаловажное для организации борьбы с преступностью положение о том, что правонарушитель, хотя и главное, но не единственно действующее лицо в противоправном действии.

Преступление в подавляющем большинстве случаев представляет собой системное образование, возникшее как результат единства трех взаимосвязанных элементов: правонарушителя противоправного действия или бездействия и потерпевшего.

В соответствии со ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда. Таким образом, потерпевший с точки зрения уголовного процесса является лицо, которому действительно причинен реальный вред, и после официального его признания таковым он имеет установленные для него как участника уголовного судопроизводства, права и обязанности (ч. 2, 5 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)[2].

Однако не во всех случаях лицо, которому противоправным деянием причинен физический, имущественный, моральный вред, признается потерпевшим. Таким образом, с точки зрения виктимологии, преступление или иное противоправное деяние является системным образованием, состоящим как минимум из трех элементов: лица, совершившего противоправное деяние, самого деяния и жертвы.

Жертва преступления, в свою очередь более широкое понятие, чем понятие потерпевший от преступления, определяющееся как человек, понесший моральный, физический или имущественный вред от противоправного деяния, независимо от того, признан он в установленном законом порядке потерпевшим от данного преступления или нет. Из чего следует, что жертва – это понятие виктимологическое, потерпевший – уголовно-процессуальное. Однако, в сферу воздействия уголовно-процессуального права попадает далеко не каждая жертва преступления, а лишь та, которая официально признается участником уголовного процесса.

В свою очередь виктимностью можно назвать неспособностью общества и государства оградить своих граждан от преступных посягательств. В настоящее время во многих странах правоохранительные органы активно стремятся использовать возможности виктимологической профилактики различных преступлений. Профилактическая работа с потенциальными жертвами – это широкая предупредительная деятельность, как правило сотрудников органов внутренних дел с населением, целью которой является снижение виктимности, то есть уменьшение опасности стать жертвой преступления.

Одной из таких профилактических работ является «Методика исследования склонности к виктимному поведению» О.О. Андронниковой[3]. Данная методика исследования является стандартизированным тестом-опросником, предназначенным для измерения предрасположенности подростков к реализации различных форм виктимного поведения. Тест-опросник представляет собой набор специализированных

психодиагностических шкал, направленных на измерение предрасположенности к реализации отдельных форм виктимного поведения. По результатам диагностики формируется группа людей (на сегодняшний день данная методика применяется в отношении подростков), с которыми осуществлялась коррекционная работа в рамках реализации авторской профилактической программы «Мой безопасный мир».

Результаты апробации авторской профилактической программы позволяют утверждать, что комплексное коррекционное и профилактическое воздействие, изменяет их личностные характеристики, снижая их уровень виктимизации, снабжая эффективными моделями безопасного поведения и увеличивая личностный ресурс[4].

Однако данная методика на сегодняшний день существует в рамках выявления подростков с виктимным поведением, в связи с чем возникает необходимость применения введения, как этой, так и иных программ по организации социально-виктимологической работы, включающие в себя несколько этапов:

– использование организационных мер предупреждения виктимизации населения, подразумевающая изучение жертвы, проведения масштабных виктимологических исследований в целях получения необходимой информации для профилактики преступлений;

– введение определенных качественных различий в комплексе обычных, повседневных действий и типов образа жизни для различных социальных групп, с учетом комплекса их основных статусных характеристик.

При этом выделить те из них, которые сопряжены с наибольшей степенью криминальной угрозы;

– организация и сбор систематических исследований виктимности и процессов виктимизации социальных статусов (на федеральном уровне);

– разработка методик, позволяющие потенциальным жертвам учиться быстро и верно оценивать противника и ситуации, в том числе по физическим данным, речи, осанке, выражению лиц и глаз, в которой совершается посягательство, определение адекватной тактики поведения в криминальной ситуации;

– и прежде всего разработка познаний жертвам собственных сил, оценки собственных возможностей, недостатков и преимуществ как потенциальной жертвы преступного посягательства, а также подготовки и психологической готовность к вероятному криминальному нападению.

Таким образом, являясь одним из направлений обеспечения криминологической безопасности, виктимологическая профилактика выступает методологической основой поддержания особого подвида безопасности – виктимологической, которая обеспечивает защищенность граждан от проявления присущих им виктимных свойств и качеств, создает благоприятные условия дающие возможность выявлять, устранять или нейтрализовывать факторы и ситуации, способствующие совершению

преступлений в отношении конкретных лиц, выявлять группы риска или конкретных лиц с повышенной степенью виктимности, воздействовать на них с целью восстановления или активизации их защитных свойств, а также разрабатывать либо совершенствовать уже имеющиеся специальные средства защиты граждан от преступлений и их последующей виктимизации[5].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 31. – ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – N 52 (ч. I). – ст. 4921.

3. Андроникова О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков. – Новосибирск, 2005. – 213 с.

4. Алексеев С.Л., Алексеева Ю.С. Учебное пособие "Основы антикоррупционного права" / Под редакцией А.Ю. Епихина, доктор юридических наук, профессор. - Казань: ЧОУ ВО «Академия социального образования», 2013. - 184 с.

5. Алексеев С.Л. Криминология: методические рекомендации для преподавателей по организации изучения дисциплины/С.Л.Алексеев, Р.Р.Салимзянова. -Казань: ООО РПП "Ассоль", 2013.-144 с.

СОЦИАЛЬНО-ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Габдрахманова Л.Г.
к.филол.н. доцент,
заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин
АНО ВО «Академия социального образования»
E-mail: karimova.lan@mail.ru

Фаизова Р.И.
Студентка 2 курса гуманитарно-юридического факультета
уровня подготовки магистратуры
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье рассматривается виктимологический аспект уголовного законодательства Российской Федерации, в частности социально-

виктимологические признаки потерпевшего, выделяемые законодателем в качестве характеристики личности потерпевшего.

Ключевые слова: *насильственная преступность, виктимологическая профилактика, личность потерпевшего, жертва преступлений.*

SOCIO-VICTIMOLOGICAL SIGNS OF THE PERSONALITY OF THE VOTER IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Gabdrakhmanova L.G.
Ph.D. assistant professor,
Head of the Department of Public Law Disciplines
ANO VO "Academy of Social Education"
E-mail: karimova.lan@mail.ru

Faizova R.I.
2nd year student of the Faculty of Humanities and Law
Master level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The article deals with the victimological aspect of the criminal legislation of the Russian Federation, in particular the social and victimological features of the victim, which are distinguished by the legislator as a characteristic of the victim's personality.

Key words: *violent crime, victimological propnylaxis, the taentity of the victim, crime victim.*

Рассматривая личность в правовом аспекте, следует отметить, что это те лица, подпадающие под действие законов и подзаконных актов государства, приобретающие при этом определенные правовые свойства, предусмотренные в законодательстве (например: должностное лицо, потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый и т.д.).

Для всех жертв преступлений, вне зависимости от возраста, социального положения, профессии идеологических убеждений, характерны личностные особенности. Личность рассматривается как социальное существо, обладающее совокупностью таких свойств, которые складываются в нем в процессе развития общества, а также как индивид, который наделен чувствами, эмоциями, а главное, сознанием, и он в состоянии воспринимать как уже нанесенный личный ущерб, так и возможный вред, оценить его и в соответствии с этим способен из множества вариантов поведения выбрать для себя наиболее приемлемый. Именно поэтому главным объектом

виктимологии (учения о жертве), как в теоретическом, так и в практическом смысле, является человек (личность).

Исходя из изложенного, жертвой следует считать человека, который понес физический, моральный или имущественный ущерб не только от действий других лиц, но и, нередко, от собственного поведения. Отметим, что на законодательном уровне понятие «жертва преступления» тесным образом соотносится с понятием «потерпевший». Так, согласно ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда. Таким образом, потерпевший с точки зрения уголовного процесса является лицо, которому действительно причинен реальный вред, и после официального его признания таковым он имеет установленные для него как участника уголовного судопроизводства, права и обязанности (ч. 2, 5 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1].

Однако не во всех случаях лицо, которому противоправным деянием причинен физический, имущественный, моральный вред, признается потерпевшим. Таким образом, с точки зрения виктимологии, преступление или иное противоправное деяние является системным образованием, состоящим как минимум из трех элементов: лица, совершившего противоправное деяние, самого деяния и жертвы.

Для целей виктимологической профилактики используется виктимологическое понятие жертвы преступления, которое по содержанию шире, чем уголовное или уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, определяющееся как человек, понесший моральный, физический или имущественный вред от противоправного деяния, независимо от того, признан он в установленном законом порядке потерпевшим от данного преступления или нет. Из чего следует, что жертва – это понятие виктимологическое, потерпевший – уголовно-процессуальное.

В том числе, анализируя понятие жертвы преступления, рассматривается не только лицо, которому непосредственно был причинен вред, но и социальную среду, окружающую потерпевшего, в том числе круг близких людей, которым вред причинен опосредованно. Кроме того, для предоставления более полной картины виктимизации населения, виктимологию интересуют также латентные жертвы преступлений и потенциальные жертвы преступлений (например, при террористическом акте моральный вред причинен неопределенному количеству граждан).

В связи с чем, рамках 42 статьи уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации рассмотрим социально-виктимологические признаки личности, характеризующие ее как потенциальную жертву противоправного деяния. Однако не во всех случаях лицо, которому противоправным деянием причинен физический, имущественный, моральный вред, признается потерпевшим. Таким образом, с точки зрения виктимологии, преступление

или иное противоправное деяние является системным образованием, состоящим как минимум из трех элементов: лица, совершившего противоправное деяние, самого деяния и жертвы.

Жертва преступления, в свою очередь более широкое понятие, чем понятие потерпевший от преступления, определяющееся как человек, понесший моральный, физический или имущественный вред от противоправного деяния, независимо от того, признан он в установленном законом порядке потерпевшим от данного преступления или нет. Из чего следует, что жертва – это понятие виктимологическое, потерпевший – уголовно-процессуальное.

В свою очередь, в сферу воздействия уголовно-процессуального права попадает далеко не каждая жертва преступления, а лишь та, которая официально признается участников уголовного процесса. Те признаки, в которые законодатель закладывает основу характеристики определенных качеств потерпевшего, подлежащего уголовно-правовой защите в пределах конкретных норм уголовного законодательства. В свою очередь, вероятность стать потерпевшим (жертвой) какого-либо преступления распределяется среди населения неравномерно. Наиболее высокая уязвимость от насильственных преступлений присуща несовершеннолетним, женщинам, престарелым людям, лицам с физическими и умственными нарушениями, а также эмоциональным людям. В том числе повышенная виктимность лиц, определяется не только их личностными особенностями (эмоциональной неустойчивостью, тревожностью, низким порогом фрустрации, повышенной агрессивностью, неадекватной самооценкой, нарушением процесса социальной адаптации, отсутствием ощущения поддержки), но и социальными ролями, с которыми они себя оппозиционируют в системе общественных отношений, в том числе и с местом, которое они занимают в семье. Это в свою очередь определяется в большей части для несовершеннолетних лиц, как системообразующий фактор возникновения виктимной предрасположенности и ее реализации в форме виктимного поведения различных типов – стратегии семейного воспитания родителями, влияние воспитания каждого родителя в отдельности, отсутствие ощущения социальной поддержки.

Изучение жертвы в более широком смысле, то есть исследование поведения не только потерпевшего от преступления, но и от других противоправных деяний, в уголовно-правовом плане имеет важное значение. Так, например, жертва хулиганских действий, квалифицируемых по ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», и потерпевший от преступных деяний, квалифицируемых по ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», могут иметь абсолютно одинаковую виктимологическую характеристику[2].

Следовательно, результаты изучения поведения жертв могут служить фундаментом для виктимологических исследований и разработки на этой основе профилактических мер и снижения уровня виктимности в обществе, а

в свою очередь взаимодействие социально - виктимологических факторов психологического, социального характера, а также профессиональной, возрастной и ролевой виктимности с личностью будущего преступника, в конкретной криминогенной ситуации, выступают в качестве необходимых или достаточных условий (или сопутствующих, в зависимости от криминологической ситуации) общественно опасного поведения, способствуя созданию конкретной виктимогенной ситуации. В том числе для профилактики рассматриваемых преступлений важно не только кто, но и что способствовало их совершению с точки зрения процесса виктимизации потерпевшего.

Согласно исследованиям характеристики состояния преступности в Российской Федерации за 2018 год составила 1841,3 тыс. зарегистрированных преступлений. А в Республике Татарстан 1186,4 зарегистрированных преступлений[3]. При этом латентность преступлений по различным категориям не одинакова. Например, такие преступления, как дача и получение взяток являются особо высоколатентными преступлениями, умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои, торговля людьми. Кража, мошенничество и ряд других преступлений являются высоколатентными[4]. В результате чего, граждане, пострадавшие от данных преступлений не получают правовой помощи и компенсации за причиненный вред.

В приказе МВД России от 17.01.2006 года № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», который закрепляет обязанности сотрудников по профилактике, имеющий норму о виктимологической профилактике, а именно п. 14.4. в котором говорится об обязанностях сотрудников органов внутренних дел по предупреждению преступлений[5]. Сотрудники дознания должны осуществлять профилактическую деятельность среди лиц, которые ранее претерпевали в отношении себя преступные посягательства, для изменения их виктимного поведения. Данные меры виктимологической профилактики сведены к защитно-воспитательной работе с гражданами, ранее ставшими потерпевшими от преступных посягательств, но выявление лиц с повышенным уровнем виктимности не ведется.

В том числе для получения информации о преступности и жертвах преступлений в практике Российской Федерации на сегодняшний день действует форма №5 «Статистическая карточка о потерпевшем» (действует с 01.07.2006 года), куда включаются данные: квалификация преступления, является ли потерпевший физическим или юридическим лицом, пол потерпевшего, характеристика потерпевшего – физического лица (новорожденный, малолетний, несовершеннолетний и т.д.), сведения о причиненном материальном ущербе, социальное положение, должностное положение, гражданство, страна проживания, цель приезда (для иностранных граждан), национальность, сведения о месте совершения преступления. Статистическая карточка формы № 5 выставляется по материалам

уголовного дела на каждого потерпевшего, проходящего по уголовному делу[5].

Аналогичные сведения о потерпевшем включаются в форму № 1 «Статистическая карточка на выявленное преступление» (реквизиты 30-38), которая действует с 01.01.2006 года. Так в реквизите 30 отражается информация о количественном, половом, возрастном составе потерпевших, погибших, лицах здоровью которых причинен тяжкий вред. В число потерпевших включаются также лица, личность которых не установлена. Таким образом, сведения, которые заносятся в указанные статистические карточки, несомненно, способствуют полноте расследования уголовного дела, т.е. это сведения уголовно-правового и уголовно-процессуального характера. Однако данных сведений не всегда достаточно для виктимологических исследований о потерпевших (жертвах преступлений). В связи с чем, для получения виктимологически значимой информации необходимо либо внесение дополнительных признаков в перечень показателей криминальной виктимности в статистическую карточку, либо установить новую дополнительную форму отчетности, в которую будут внесены наравне со сведениями, отражающими социально-демографическую и уголовно-правовую характеристику личности потерпевшего, данные о его культурно-образовательных и нравственно-психологических признаках, а также иные сведения (о наличии или отсутствии повторности рецидива виктимности, характере, отношений преступника и потерпевшего, типичные по возникновению и реализации криминальные ситуации, повторяющиеся типы жертв и др.). Данные методы по выявлению лиц с повышенным уровнем виктимности позволяет органам внутренних дел осуществлять профилактику еще до момента «зарождения» преступления, в результате чего это поможет существенному снижению количества преступлений насильственного характера за счет понижения виктимности у населения и «готовности» потенциальному потерпевшего «столкнуться» с опасной ситуацией, что позволит ему выбрать правильное поведение.

В заключение, отметим, что предупреждение преступлений – это более гуманное и экономически выгодное средство борьбы с криминальными явлениями.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – N 52 (ч. I). – ст. 4921.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 25. – ст. 2954.

3. Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года» [Электронный ресурс]. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/15304733/

4. Шестаков Д.А. Латентная преступность: вопросы теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Тр. СПб. криминологического клуба. – 2009. – № 1(16). – С. 133-137.

5. Приказ МВД России от 17.01.2006 N 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»).

6. Приказ Генпрокуратуры России N 39, МВД России N 1070, МЧС России N 1021, Минюста России N 253, ФСБ России N 780, Минэкономразвития России N 353, ФСКН России N 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 N 7339).

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Гатауллин З.Ш.
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и судебной деятельности Елабужский институт (филиал) ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: Zufar.gataullin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемных аспектов возникающих в процессе уголовного преследования в апелляционной инстанции уголовного судопроизводства. С целью более глубокого научного анализа хода производства в апелляционной инстанции автор использовал достаточно большой объем статистических данных полученные из официальных источников. Изложена авторская позиция практики применения положений Федерального закона от 29.12.2010 N 433-ФЗ относительно апелляционной проверки судебных решений вынесенные по первой инстанции. Внесены конкретные предложения, направленные на эффективное осуществление функции уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности в апелляционной инстанции.

Ключевые слова: *уголовное преследование, террористическое преступление, первая инстанция, апелляционная инстанция, апелляционное представление, апелляционная жалоба.*

IMPLEMENTATION OF THE FUNCTIONS OF CRIMINAL PROSECUTION IN CASES OF TERRORIST CRIMES ON APPEAL

Gataullin Z.S.
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Judicial Activities, Elabuga Institute (branch) ofFSAEI HPE Kazan (Volga Federal University)
E-mail: Zufar.gataullin@mail.ru

Abstract: the article is devoted to problematic aspects encountered in the process of criminal prosecution in the appeal of criminal proceedings. For a more in-depth scientific analysis of the conduct of the proceedings in the appellate instance, the author used a fairly large amount of statistical data obtained from official sources. Author's position practice the application of the provisions of the Federal law of 29.12.2010 No. 433-FZ of appeal regarding the verification of judicial decisions rendered in first instance. Made specific proposals aimed at effective implementation of the functions of criminal prosecution in cases of terrorist crimes on appeal.

Key words: *criminal prosecution of terrorist crime, the first instance, the court of appeal, the appeal submission, the appeal.*

Уголовное преследование по делам о преступлениях террористической направленности в судебном разбирательстве в первой инстанции вынесением приговора не завершается, находит свое продолжение в суде апелляционной инстанции, поскольку как отечественное[12], так и международное законодательство[7] претерпевает существенные изменения. Этот процесс преследования имеет свои специфические особенности, связанные со многими факторами сложного процесса доказывания[3,4].

Российское законотворчество в области уголовного судопроизводства установило право на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией в более широких правомочиях. Так, с 1 января 2013 г. Федеральным законом от 29.12.2010 N 433-ФЗ в полном объеме введена апелляционная проверка судебных решений, распространяющаяся на все акты суда, вынесенные по первой инстанции[14]. В связи с этим участники уголовного судопроизводства правом пересмотра приговора вышестоящей судебной инстанцией пользуются достаточно часто. Так, Ефремов П.В. и Федорушкин Д.Д. 8 февраля 2013 года за совершение террористических преступлений были осуждены Ростовским областным судом. Осужденные Ефремов П.В. и Федорушкин Д.Д., а также их адвокаты Куюмджи А.Б. и Шилов А.Т. на приговор суда первой инстанции подали апелляционные жалобы. Апелляционная инстанция, посчитала, что приговор суда первой инстанции вынесен на основе законности, обоснованности и справедливости, поэтому жалобы оставила без удовлетворения[1].

Динамика пересмотра приговора суда первой инстанции апелляционной, вышестоящей судебной инстанцией выглядит следующим образом: в 2013 г. рассмотрено по существу 918 тыс. 260 дел, обжаловано в апелляционном порядке 148 тыс. 501 дело (16%), внесены апелляционные представления по 42 тыс. 183 делам (28%), поданы апелляционные жалобы 104 тыс. 482 делам (70%); в 2014 г. рассмотрено по существу 910 тыс. 530 дел, обжаловано в апелляционном порядке 141 тыс. 105 дел (15%), внесены апелляционные представления по 38 тыс. 769 делам (27%), поданы апелляционные жалобы 101 тыс. 359 делам (71,8%); в 2015 г. рассмотрено по существу 936 тыс. 302 дела, обжаловано в апелляционном порядке 141 тыс. 865 дел (15%), внесены апелляционные представления по 37 тыс. 999 делам (27%), поданы апелляционные жалобы 103 тыс. 020 делам (73%); в 2016 г. рассмотрено по существу 932 тыс. 569 дела, обжаловано апелляционном порядке 141 тыс. 865 дел (15%), внесены представления по 37 тыс. 999 делам (27%), поданы апелляционные жалобы 103 тыс. 020 делам (73%); за первое полугодие 2017 г. рассмотрено по существу 421 тыс. 562 дела, обжаловано апелляционном порядке 67 тыс. 603 дела (16%), внесены апелляционные представления по 17 тыс. 691 делу (27%), поданы апелляционные жалобы 49 тыс. 531 делу (73%)[10].

Статистические данные, полученные из официальных источников, свидетельствуют о том, что большая часть дел рассмотренных апелляционной инстанцией инициированы стороной защиты путем подачи апелляционной жалобы. Данное обстоятельство объясняется стремлением стороны защиты попытаться в апелляционной инстанции добиться смягчения приговора суда первой инстанции. Сравнительный анализ количества внесенных апелляционных представлений по годам свидетельствует об эффективности осуществления уголовного преследования прокуроров в суде в качестве государственных обвинителей.

Осенью 2019 года произойдет разделение судов общей юрисдикции. Будут созданы отдельные новые суды для апелляционной и кассационной инстанций.

Апелляция – пересмотр уже вынесенного, но еще не вступившего в силу решения суда первой инстанции. **Кассация** – пересмотр уже вступившего в силу решения суда, обычно после апелляции.

Сейчас в областных судах апелляционные и кассационные жалобы рассматривались одним и тем же судом. Конечно же судьи были разные, но из одного коллектива, сидящие в соседних кабинетах. Фактически Президиум пересматривал дела своего же областного суда.

После судебной реформы апелляционная и кассационная инстанции будут выведены в отдельные подразделения и будут рассматривать дела независимо друг от друга. Для этого к 1 октября 2019 года будут созданы 5 апелляционных судов и 9 кассационных судов общей юрисдикции.

Осуществляя уголовное преследование в суде, независимо от инстанции прокурор всегда выступает в качестве государственного

обвинителя, обеспечивая его законность и обоснованность, однако новеллы, введенные в УПК РФ, в частности апелляционная проверка судебных решений с его участием, неоднозначно восприняты научным сообществом[9].

Например, в обновленном УПК РФ субъектами обжалования судебного решения в апелляционном порядке законодателем помимо иных участников определены государственный обвинитель и (или) вышестоящий прокурор, однако по неизвестным нам причинам среди субъектов обжалования не назван прокурор осуществляющий надзор за исполнением законов органами следствия и участвующий в судебных процедурах в ходе досудебного производства, следовательно, он лишен права подавать апелляционные представления на противоречащие закону судебные решения.

К вышеизложенному добавим, отсутствие четкой редакции положений п. 1 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ в части «участия государственного обвинителя и (или) прокурора», в апелляционной инстанции, также вызывает ряд справедливых вопросов, например, наличие союза «или» позволяет одному из них не участвовать. Действительно, в каких случаях обязательно одновременное участие гособвинителя и прокурора, а в каких достаточно присутствия одного из них.

В более ранних работах нами было описаны случаи возникновения аналогичных сложностей для правоприменителя, например, положения, изложенные в ст. 425 УПК РФ обязывают следователя при допросе несовершеннолетнего обеспечить участие педагога или психолога. Кого и в каких случаях необходимо вызвать педагога или психолога Закон не указывает, между ними ставит знак равенства, надо понимать решение остается за следователем[2].

Каково же правовое содержание этих двух понятий «государственный обвинитель» и «прокурор»? Первый в соответствии с п. 6 ст. 5 УПК РФ поддерживает от имени государства обвинение в суде, а второй охватывает всех должностных лиц органов прокуратуры том числе Генерального прокурора РФ (п. 31 ст. 5 УПК РФ).

Помимо этого в положениях ч. 2 ст. 35 Федерального закона о прокуратуре[13] и в ст. 46 Модельного закона о прокуратуре прописано, что осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. Действующая редакции УПК РФ указывает на обязательное участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве (ч. 2 ст. 246), а также на обязанность представлять доказательства (ч. 5 ст. 246), следовательно, можем уверенно констатировать, речь должна идти именно о государственном обвинителе. Задачами, которого на этапе уголовного преследования в апелляционной инстанции по делам о террористических преступлениях являются, прежде всего, отстаивании позиции обвинения исследованных и подтверждённых судом первой инстанции, на основе имеющихся в материалах дела опровержение доводов защиты.

Именно так действовал государственный обвинитель Абакаров А.Т., грамотно опровергая доводы защиты, добился желаемого результата, суд апелляционной инстанции приговор оставил без изменения, жалобу адвоката Мусиева А.А. без удовлетворения, тем самым цели обвинения в уголовном преследовании Абдрахманова Я.Д. за участие в незаконном вооруженном формировании достигнуты, задачи государственного обвинителя выполнены[1].

Список литературы

1. Апелляционное определение от 13 июня 2013 г. N 20-АПУ13-9 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации на приговор Верховного суда Республики Дагестан от 18 марта 2013 г. // http://www.vsrf.ru/indexA.php?i1p1.
2. Гатауллин З.Ш. Участие педагога (психолога) при допросе несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в совершении террористических преступлений / З.Ш. Гатауллин, М.И. Гатауллина // Юридические и социально-педагогические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Елабуга, 17 апреля 2015 г.). – Елабуга: изд-во ЕИ КФУ, 2015. – С. 39-41
3. Быков В.М., Епихин А.Ю. Отложение судебного разбирательства и проблема истребования новых доказательств //Российская юстиция. 2007. – № 4. – С. 46-50.
4. Епихин А.Ю. Наложение ареста на имущество как мера обеспечения исполнения приговора в виде значительного штрафа // Российский следователь. 2012. – № 16. – С. 15-20.
5. Ковтун, Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в российском уголовном процессе: ожидания практики / Н.Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2012. - № 11. – С. 26-33.
6. Колоколов, Н.А. апелляция: пересмотр промежуточных решений / Н.А. Колоколов / // Уголовный процесс. – 2012. - № 11. – С. 39-43.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом N 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984))
8. Куприянов, А.А. Новые правила апелляции: восстановление практики поворота к худшему / А.А. Куприянов // // Уголовный процесс. – 2012. - № 11. – С. 34-38.
9. Лазарева, В.А. Какие недоработки в Законе № 433-ФЗ важно устранить до вступления в силу / В.А. Лазарева // // Уголовный процесс. – 2011. - № 3. – С. 44-51.

10.Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ //http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775

11.Ринчинов, Б.А. Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебно-правовой реформ: Дисс. … канд. юрид. наук / Б.А. Ринчинов. – М., 2013.

12.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // СПС Консультант плюс.

13.Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-I (в ред. от «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г., N 8, ст. 366.

14.Федеральный закон от 29.12.2010 N 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014) "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации" // СПС Консультант плюс.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Гатауллин З.Ш.

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и судебной деятельности Елабужский институт (филиал) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

E-mail: Zufar.gataullin@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены основные особенности поддержания обвинения и уголовного преследования в апелляционной инстанции по делам о преступлениях террористической направленности. Приведены примеры из судебной практики, указывающие на неоднозначные судебные решения по делам исследуемой группы преступлений. Представлена дискуссия о наименовании прокурора (государственного обвинителя) и его статуса в апелляционном суде. Рассмотрено соотношение уголовно-процессуального законодательства и ведомственных Приказов Генпрокурора.

Ключевые слова: *преступления террористической направленности; прокурор; государственный обвинитель; апелляция; судебный контроль.*

CRIMINAL PERSECUTION IN THE APPEAL INSTANCE FOR CASES ON CRIMES OF TERRORISTIC DIRECTION

Gataullin Z.S.
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Judicial Activities, Elabuga Institute (branch) of FSAEI HPE Kazan (Volga Federal University)
E-mail: Zufar.gataullin@mail.ru

Abstract. The main features of maintenance of charge and criminal prosecution of the court of appeal on cases of crimes of terrorism are considered. The examples from judicial practice indicating ambiguous judgments for the studied group of crimes are given. The discussion about the name of the prosecutor (the state accuser) and his status in Court of Appeal is presented. The ratio of the criminal procedure legislation and departmental Orders of the Prosecutor General is considered.

Key words: *crimes of terrorism; prosecutor; state accuser; appeal; judicial control.*

Реализация судебного контроля исправления судебной ошибки, допущенной в суде первой инстанции, устанавливает важные гарантии обеспечения прав и законных интересов личности, интересов общества и государства. Проверка не вступивших в законную силу приговоров и судебных решений в апелляционном порядке предусматривает некоторые особенности, связанные с возможностью апелляционного суда вынести новое по уголовному делу решение. При этом судебный контроль включает в себя как итоговые судебные решения, так и отдельных видов процессуальной деятельности[5]. В апелляционном порядке осуществляется проверка, например, законности принятия решения о наложении ареста на имущество[6] и пр. При необходимости может быть принято решение об отложении судебного разбирательства[3]. Соответственно этому имеет свои особенности и реализация уголовного преследования после вынесения судом первой инстанции приговора.

Несмотря на то, что после введения Федеральным законом от 29.12.2010 N 433-ФЗ[17] изменений в апелляционное судопроизводство, предусматривающие функционирование иного института пересмотра не вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам прошло достаточное время, дискуссии по этим новеллам продолжаются как с участием теоретиков, так и практиков[7].

Основанием для подобных дискуссий является то, что судами общей юрисдикции ежегодно рассматриваются порядка миллиона уголовных дел. В 2017 г. по статьям 205-227 УК РФ (преступления против общественной безопасности и общественного порядка), судами осуждено 11 тыс. 761 лиц, в их число входят и преступления террористической направленности, например, по ст. 205 УК РФ осуждено 28 лиц обвиняемых в совершении

террористического преступления. Для сравнения в 2013 г. общее количество осужденных было 10 тыс. 966 лиц, по ст. 205 УК РФ 16 лиц[12]. Статистические данные свидетельствуют о сохранении роста осужденных лиц судами первой инстанции.

Уголовное преследование в суде первой инстанции, где рассматривается уголовное дело по существу, в случае принесения жалобы или представления на окончательное, либо промежуточное решение суда первой инстанции может найти свое продолжение в апелляционной инстанции, которая предоставляет возможность повторного и непосредственного исследования доказательств вышестоящим судом. Участвовавший в суде первой инстанции прокурор, внесший апелляционное представление в суд апелляционной инстанции должен быть готовым еще раз участвовать в судебном разбирательстве по тем же правилам, что и в суде первой инстанции. По решению суда могут быть вызваны ранее допрошенные в суде свидетели, повторно исследованы заключения экспертов, документы, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и решений.

Прокурору повторно на основе тех же обвинительных доказательствах, сформированных еще на предварительном следствии опираясь на которые в суде первой инстанции не удалось отстоять свою обвинительную позицию, а также на основе новых до этого не исследованных в суде доказательств необходимо будет вновь попытаться отстоять свою правоту.

В целях реализации функции уголовного преследования в апелляционной инстанции законодатель наделил прокурора полномочиями внесения апелляционных представлений (ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ). Он вправе направить усилия на отмену оправдательного приговора и постановления обвинительного (ч. 2 ст. 389.24 УПК РФ), а также добиваться изменения обвинительного приговора, в сторону ухудшения положения осужденного судом первой инстанции (ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ).

В случае, если не удалось добиться вынесения судом обвинительного приговора, когда государственный обвинитель не согласен с окончательным решением суда первой инстанции с точки зрения законности, обоснованности и справедливости, прокурор вправе внести апелляционное представление (ч.1 ст. 389.1 УПК РФ), его участие в суд апелляционной инстанции является обязательным (п.1 ч.1 ст. 389.1 УПК РФ).

Помимо этого прокурор наделен правом, как внесения изменений в текст первоначального представления, так и внесения дополнительного представления при соблюдении срока внесения, однако вопрос об ухудшении положения осужденного не может быть поставлен, если такое требование не отражено в содержании предыдущего представления[16].

Предметом судебного разбирательства в апелляционном порядке является проверка законности, обоснованности и справедливости решения принятого судом первой инстанции, доказанность вины осужденного, правильность квалификации его действий, соблюдение требований УК РФ и

УПК РФ в ходе предварительного следствия и при рассмотрении дела по существу.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод определяет: «каждый человек, осужденный судом за совершение уголовного преступления, имеет право на то, чтобы его приговор или наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией» (ст. 2 Протокола № 7)[8]. Как жалоба, так и протест в данном контексте есть акт реагирования на решение суда. С точки зрения уголовного преследования их предназначение – добиться объективного изобличения лица, виновного в совершении преступления, и применения к нему справедливых мер уголовно-правового воздействия.

Динамика пересмотра судебных решений первой инстанции выглядит следующем образом: в 2017 г из общего количества 867 тыс. 810 уголовных дел рассмотренных судом 1-й инстанции, (в их число входят и преступления террористической направленности, например, по статьям 205 УК РФ рассмотрено 29 уголовных дел) 116 тыс. 726 уголовных дел (13%) пересмотрены в апелляционном порядке. Для сравнения в 2013 г. из общего количества 870 тыс. 824 уголовных дел рассмотренных судом 1-й инстанции (в их число входят и преступления террористической направленности, например, по статьям 205 УК РФ рассмотрено 19 уголовных дел) 93 тыс. 629 уголовных дел (11%) пересмотрены в апелляционном порядке. В 2017 г. из внесенных 37 тыс. 092 апелляционных представлений, удовлетворено 35 тыс. 004 апелляционных представлений (94%), для сравнения в 2013 г. из внесенных 36 тыс. 644 апелляционных представлений, удовлетворено 28 тыс. 090 апелляционных представлений (77%)[11].

Количество удовлетворенных судами апелляционных представлений на основе статистических данных полученных из официальных источников в 2017 г. по сравнению с 2013 г. свидетельствует об эффективной деятельности органов прокуратуры в уголовном преследовании в суде апелляционной инстанции, лишь незначительная часть внесенных апелляционных представлений отклонены судами апелляционных инстанций (6 %).

З.Д.Еникеев, справедливо утверждал, в процессе уголовного преследования в суде первой инстанции субъекты обвинения по различным основаниям могут быть не согласны как с обвинительным, так и оправдательным приговором[4].

Безусловно, прокурор в суде в статусе государственного обвинителя может и не согласиться вынесением оправдательного приговора суда первой инстанции, так как до судебного разбирательства выразил свое согласие не только с обвинением, сформулированным и обоснованным следователем, но и с позицией прокурора утвердившего обвинительное заключение. Если государственному обвинителю не удалось в суде первой инстанции отстоять позиции стороны обвинения, убедить иных участников, прежде всего, суд в обоснованности выдвинутого обвинения, следующая задача продолжить

уголовное преследование в суде апелляционной инстанции путём внесения апелляционного представления.

Например, государственный обвинитель С.В.Кладкина внесла апелляционное представление на приговор Дальневосточного окружного военного суда от 18 июля 2017 г. в отношении гражданина Республики Таджикистан Оятуллои Абдурахмона, обвиняемого в совершении преступления по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ. Гособвинитель считает необходимым из приговора исключить активное способствование расследования преступления, которое в материалах уголовного дела отсутствует, просит усилить наказание до 10 лет лишения свободы[1].

Не только оправдательный, но и обвинительный приговор суда первой инстанции может не устраивать государственного обвинителя, например, ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, существенным нарушением уголовно-процессуального закона, неправильным применением уголовного закона, мягкого характера либо несправедливостью приговора. Так, Дальневосточный окружной военный суд от 18 декабря 2017 г., в судебном заседании рассмотрел уголовное дело в отношении Х.М. Саидова обвиняемого в т.ч. в совершении преступления ч. 2 ст. 205.2 УК РФ. Не согласившись с обвинительным приговором суда первой инстанции государственный обвинитель – заместитель прокурора Красноярского края О.Д. Нарковский в апелляционном представлении указал на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ определила приговор суда отношении Х.М.Саидова отменить, уголовное дело направить на новое судебное разбирательство[2].

Таким образом, и государственный обвинитель, и прокурор представлены как должностные лица органов прокуратуры участвующие в уголовном преследовании по уголовным делам. Следовательно, каждый государственный обвинитель является прокурором, назначается из числа прокуроров прокуратуры для поддержания обвинения со стороны государства, однако, не каждый прокурор может иметь статус государственного обвинителя, а только тот который назначен в этом качестве и обязан участвовать в рассмотрении уголовного дела по существу в суде первой инстанции.

Представляется, развернутая среди процессуалистов дискуссия по поводу статуса прокурора в суде второй инстанции носит больше теоретический характер, чем практический. Осуществляя уголовное преследование в суде, независимо от инстанции прокурор всегда выступает в качестве представителя государства – государственного обвинителя, обеспечивая его законность и обоснованность.

В положениях ч. 2 ст. 35 Федерального закона о прокуратуре[18] и в ст. 46 Модельного закона о прокуратуре[10] прописано, что осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. Действующая редакция УПК РФ (ч.ч. 2 и 5 ст.

246), как и прежняя редакция УПК РФ (п. 1 ч. 3 ст. 364 УПК РФ), приказы Генпрокуратуры России от 22.10.2009 N 339[15] и от 25.12.2012 N 465[14] и другие акты устанавливают обязательное участие именно государственного обвинителя.

Безусловно, материалы судебной практики отражают различие участников со стороны обвинения, например, должностного лица подающего апелляционное преставление именуют государственным обвинителем, а поддерживающее – называют прокурором.

Действительно, в суде первой инстанции, где уголовное дело рассматривается по существу вопроса, обвинение по делам публичного, в том числе террористического характера поддерживается прокурором в статусе государственного обвинителя (ч.2 ст. 246 УПК РФ). В материалах судебной практики апелляционной инстанции указано на участие именно прокурора, а не государственного обвинителя.

С одной стороны можно согласиться с утверждением того, что вынесением приговора судом первой инстанции государственное обвинение заканчивается. В апелляционной инстанции не обвинение является предметом рассмотрения, а спорность законности, обоснованности и справедливости приговора изложенная в представлении (жалобе). С другой стороны можно возразить, так как с вынесением приговора деятельность государственного обвинителя (государственное обвинение) не заканчивается, в случае несогласия с приговором суда первой инстанции может быть продолжено, государственный обвинитель вправе внести апелляционное представление (ч.1 ст. 389.1 УПК РФ). Несмотря на то, что приговор вынесен, деятельность государственного обвинителя не приостановлено.

В Российской Федерации судопроизводство на всех этапах, включая апелляционную инстанцию, осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ). В суде апелляционной инстанции по делам преступлений террористического характера прокурор представляя сторону обвинения, противостоит стороне защиты, доказывая правоту своей позиции, одновременно опровергает её доводы.

Список литературы

1. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. N 208-АПУ17-4 // СПС Консультант плюс.

2. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 марта 2018 г. N 208-АПУ18-2 // СПС Консультант плюс.

3. Быков В.М., Епихин А.Ю. Отложение судебного разбирательства и проблема истребования новых доказательств // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 46-50.

4. Еникеев З.Д. Уголовное преследование. Учебное пособие. Уфа: Изд-во БашГУ. 2000. – С.130.

5. Епихин А.Ю. К вопросу о надзоре (контроле) за обеспечением безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 359.

6. Епихин А.Ю. Наложение ареста на имущество как мера обеспечения исполнения приговора в виде значительного штрафа // Российские следователь. – 2012. – № 16. – С. 15-20.

7. Калиновский, Б.К., Лаков, А.В. 16 вопросов о производстве в суде апелляционной инстанции // Уголовный процесс. – 2017. № 2. – С. 28-37.

8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом N 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – N 3.

9. Кудрявцева, А.В., Дик Д.Г. Возможности пересмотра постановления о заключении под стражу в суде апелляционной инстанции // Уголовный процесс. – 2018. № 3. – С. 66-71.

10. Модельный закон о прокуратуре. Принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление N 27-6 от 16 ноября 2006 года) http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/997_g19

11. Официальный сайт генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://genproc.gov.ru/

12. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cdep.ru

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 N 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Российская газета. – N 270. – 2015.

14. Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 N 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС Консультант плюс.

15. Приказ Генпрокуратуры РФ от 22.10.2009 N 339 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму» // СПС Консультант плюс.

16. Тушев А.А. Прокурор в российском уголовном процессе: система функций и полномочий: Дис доктора юрид. наук / А.А. Тушев.
– Краснодар, 2006. – С. 275.

17. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 29.12.2010 N 433-ФЗ // СПС Консультант плюс.

18. Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-I (в ред. от «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г. – N 8. – ст. 366.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ У СТУДЕНТОВ КАЗАНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА

Горбунов В.А.
д.п.н, доцент кафедры ГПД
АНО ВО
«Академия социального образования»
E-mail:vik.gorbunow2016@ yandex.ru

Новожилова Н.В.
аспирант ФГБНУ ИППиСП
E-mail:nata01@list.ru

Нечаева Л.П.
преподаватель
ГАПОУ «Казанский медицинский колледж»

Аннотация: В статье рассматривается реализация принципов здоровьесбережения у студентов медицинского колледжа, экспериментальная составляющая, коэффициент уровня сформированности валеологической культуры студента, анализ результатов исследования.

Ключевые слова: принципы здоровьесбережения, здоровый образ жизни, направления здоровьясбережения, уровни сформированности.

IMPLEMENTATION OF PRINCIPLES OF HEALTH STUDENTS OF THE KAZAN MEDICAL COLLEGE

Gorbunov V.A.
Ph.D., Associate Professor, Department of GPA
ANO VO «Academy social education »
Email: vik.gorbunow2016 @ yandex.ru

Novozhilova N.V.
Postgraduate Student, FSBSI IPPiSP
E-mail: nata01@list.ru

Nechaeva L.P.
teacher
GAPOU "Kazan Medical College"

Abstract: The article discusses the implementation of the principles of health conservation among students of a medical college, the experimental component, the coefficient of the formation level of the student's valueological culture, and the analysis of research results.

Key words: *principles of health saving, healthy lifestyle, directions of health saving, formation levels*.

Сегодня недостаточно исследований посвященных реализации принципов здоровьесбережения студентов медицинского колледжа, выявления специфики принципов. При этом с точки зрения обеспечения сущностной непрерывности здоровьеформирующего образования на его разных уровнях актуальной становится проблема выработки теоретико-методологических и дидактических оснований, обеспечивающих содержательное и функциональное единство здоровьеформирующего образования как педагогического феномена[1, с. 7].

Наиболее полезными дисциплинами со стороны знаний о здоровье и здоровом образе жизни студенты отмечают «Здоровый человек и его окружение» (68%), физиологию (60,2%), специализацию (50,1%), гигиену (32,1%), анатомию (23%) и психологию (15%). Более половины выпускников 2018г.(65,3%) считают, что имеют полное представление о ЗОЖ, (в 2018г. только 22% студентов). Такая самоуверенность, по-видимому, обусловлена неадекватным определением понятия «здоровье», и результат зависит от того, что в это понятие вкладывается. Тем более, что аббревиатура «ЗОЖ» многими психологически воспринимается, как строгое ведение образа жизни, определенное ограничение свободы. В этом случае человек воспринимает понятие «ЗОЖ», как давно всем известное и подразумевает под ним отказ от вредных привычек, выполнение правил гигиены, следование рациональному питанию, использование физической культуры (79,8%). Только немногие (10,2%), понимая целостность здоровья, включают такие компоненты, как психогигиена, общение, нравственное поведение. И лишь 6,5% студентов предполагают, что знаний в этой области у них недостаточно (в 2018г. уже 20%). Осознание недостатка валеологических знаний студентами выпуска 2018г. стало происходить благодаря появлению большого количества новой информации о здоровье человека.

Известно, что профессиональные знания, умения, навыки определяют и характер профессионального поведения медработника. Но это лишь один из показателей уровня валеологической культуры студента. При диагностике уровня сформированности валеологической культуры студента Казанского медицинского колледжа учитывалось, что каждое качество формируется в

связи с общим развитием личности студента, мотивов деятельности, совершенствованием профессионального кругозора и умелости.

Реализация поставленных задач осуществляется через внедрение элементов здоровьесберегающих технологий по следующим направлениям.

Первое направление – здоровьесберегающая инфраструктура колледжа:

- содержание помещений колледжа в соответствии с гигиеническими нормативами: ежедневная влажная уборка, проветривание учебных аудиторий, холлов, озеленение помещений колледжа комнатными растениями; - оснащенность спортивного зала необходимым оборудованием и спортивным инвентарем, укомплектованность аптечкой первой помощи; - организация работы процедурного кабинета; - организация работы кафе колледжа; - организация питьевого режима в образовательном учреждении (стационарные питьевые фонтанчики, вода, расфасованная в емкости).

Второе направление – рациональная организация учебного процесса: - соблюдение гигиенических норм и требований к организации и объему учебной нагрузки студентов; - строгое соблюдение всех требований к использованию технических средств в обучении; - рациональная и соответствующая требованиям организация уроков физической культуры и занятий активно-двигательного характера. - контроль за условиями теплового режима, освещенности учебных аудиторий.

Третье направление – мониторинг состояния здоровья студентов: - анализ основных характеристик состояния здоровья студентов, поступивших на 1 курс; - мониторинг заболеваемости студентов; - ежегодная диспансеризация студентов, выявление отклонений в состоянии здоровья; - мониторинг состояния здоровья студентов в период сезонного роста заболеваемости ОРВИ и гриппа.

Четвёртое направление - организация оздоровительной работы: - вакцинация и ревакцинация студентов и сотрудников колледжа; - осуществление контроля за своевременным прохождением флюорографического обследования студентов и сотрудников колледжа; - повышение двигательной активности студентов через проведение занятий по общефизической подготовке, Дней здоровья; - работа секций, факультативных занятий по физической культуре; - спартакиады колледжа по различным видам спорта; - организация и участие спортивных команд студентов в соревнованиях различного уровня.

Пятое направление – организация просветительской работы со студентами, направленной на формирование ценностного отношения к здоровью: - проведение тематических классных часов , бесед, консультаций по проблемам сохранения и укрепления здоровья; - подготовка волонтеров по актуальным вопросам валеологии; - выпуск информационного материала об особенностях укрепления физического, психического здоровья; — оформление информационных стендов по пропаганде здорового образа жизни; - организация встреч с узкими специалистами по проблемам здоровья; — организация круглых столов по теме «Здоровый образ жизни»

(актуализация проблемы); — организация родительских собраний с приглашением специалистов для обсуждения актуальных вопросов валеологии; — подготовка проектов и участие в городских, краевых мероприятиях валеологической направленности.

Шестое направление – организация досуговой деятельности: - вовлечение студентов колледжа во внеклассную и внеучебную деятельность (культурно — массовые, спортивно-массовые мероприятия, факультативы, кружки и секции, клубы); — участие в муниципальных, региональных мероприятиях (фестивали, семинары, акции, слеты, и т.д.)

Седьмое направление — социальное партнерство в рамках реализации Программы «Здоровье +» — Лечебно-профилактические учреждения; — Учреждения культуры (библиотеки, дворец культуры, музей); — Комитет по образованию и делам молодежи, Комитет по физической культуре и спорту ; — Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав; — Центр территориальной помощи населению; - Образовательные учреждения города; — Местное отделение ВОО «Молодая гвардия Единой России.

Общее число студентов, участвующих в констатирующем эксперименте (диагностический этап), составило 399 человек, на этапе формирующего эксперимента 151 человек, что позволяет считать выборку репрезентативной по отношению к критериальным показателям валеологической культуры студента. Экспериментальная группа (151 ч.) была создана на базе сестринского отделения, контрольная группа (123 ч.) была выбрана из числа фельдшерского отделения Казанского медицинского колледжа. Сравнительный анализ полученных данных позволили выявить динамику в самооценках качества студента в экспериментальной группе в процессе обучения, отражающий уровень общей валеологической подготовленности. Для анализа результатов формирующего эксперимента в условиях изучения процесса формирования валеологической культуры студента мы использовали анкеты количественного и качественного анализа, разработанные нами на основе структурных компонентов валеологической культуры. Анкета самооценки уровня валеологической культуры студента медицинского колледжа, состоит из диагностических признаков, отражающих содержание компонентов валеологической культуры.

Коэффициент уровня сформированности валеологической культуры студента Казанского медицинского колледжа вычислялся по формуле:

$$К = \frac{а(+2)+б(+1)+в(0)+г(-1)+д(-2)}{Н}$$

где К – коэффициент самооценки:

а – число ответов с твердой положительной оценкой «да» (+2 балла);

б – число ответов с положительной оценкой «скорее да, чем нет» (+1 балл);

в – число ответов с сомневающейся, неопределенной оценкой «затрудняюсь ответить» (0 баллов);

г – число ответов с почти отрицательной оценкой «скорее нет, чем да» (-1 балл);

д – число ответов с твердо отрицательной оценкой «нет» (-2 балла);

Н – число диагностических признаков: знаний и умений, свойств, качеств личности студента.

Исходя из указанных критериев самооценки в каждой анкете выделялись степени сформированности всей совокупности умений, свойств, качеств личности, отражающих содержание компонентов структуры валеологической культуры.

Низкий уровень считался, если коэффициент составил от (-0,7) до (-2), средний от (-0,6) до (+0,7), высокий от (+0,7) до (+2).

Таблица №1

Количество студентов, обладающих различным уровнем валеологической культуры студента медицинского колледжа до и после эксперимента.

Градация баллов для определения коэффициента уровня валеологической культуры студента	Экспериментальная группа 151 чел.		Контрольная группа 123 чел.	
	до	после	до	после
Уровни: Высокий +2 –(+7)	42	66	30	35
Средний +0,7 – (-0,6)	68	74	51	56
Низкий -0,7- (-2)	41	11	42	32

Таким образом, коэффициент уровня валеологической культуры студента медицинского колледжа повысился с 0,3 до 0,6.

Рациональное сочетание разнообразных форм и методов позволяют моделировать в учебном процессе профессиональное содержание валеологической деятельности, формировать не только интеллектуальные функции, но и потребности успешной профессиональной деятельности[4].

В результате проведенной научно-исследовательской работы в Казанском медицинском колледже выявлено, что в колледже проводится не только постоянный мониторинг теоретических знаний по специально разработанным тестовым заданиям, но и два раза в год – мониторинг качества практического обучения на основе специально разработанных проблемно-ситуационных задач с демонстрацией алгоритма выполнения конкретных медицинских услуг[2, с.148].

Важно акцентировать внимание преподавателей на возрастной психологии в процессе валеологического образования, на такие вопросы как: психология здоровья, психические состояния, эмоции, стресс, неврозы, суицид, саморегуляция психических состояний, двигательная активность,

«ролевые функции в жизнедеятельности, уверенность, достижение цели, смысл жизни, релаксация как основной источник эмоционального выживания, понятие «личность» и «индивидуальность» и др. »[3, с.50].

Анализ результатов исследований позволил сделать следующие выводы:

1. До изучения специальных дисциплин по здоровеьесбережению, возрастной психологии, педагогики здоровья, проведения психологических тренингов, у студента медицинского колледжа было ограниченное представление о сущности валеологической культуры и о его значении в будущей профессиональной деятельности.

2. Среди теоретических знаний, усваиваемых студентами, знания по валеологической педагогике, возрастной психологии, педагогике здорового образа жизни являются важнейшим фактором формирования валеологической культуры студента медицинского колледжа.

3. Результаты формирующего эксперимента показали продуктивность разработанной системы принципов здоровьесбережения, по каждому из них в процессе работы со студентами медицинского колледжа были получены позитивные изменения.

Список литературы

1. Бутакова О.А. Теория и дидактика непрерывного здоровьеформирующего образования в системе повышения квалификации. Автореф. дисс. к.п.н. – Оренбург. - 2010. – С.7

2. Новожилова Н.В. Образовательная среда как основа формирования валеологической культуры студента медицинского колледжа. //Проблемы современного педагогического образования. – КФУ, - 2016. – С. 148

3. Трегубова Т.М. Международные проекты в области поликультурного образования студентов в ситуации террористических угроз // Казанский педагогический журнал. – Казань. – 2015. - № 1. – С. 50-55

4. Алексеев С.Л. Криминология: методические рекомендации для преподавателей по организации изучения дисциплины/С.Л.Алексеев, Р.Р.Салимзянова. -Казань: ООО РПП "Ассоль", 2013.-144 с.

ЗАЩИТА ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Гребенкина Н.Н.
проректор по воспитательной работе
АНО ВО «Академия социального образования»

Сафина Д.Р.
Студентка 3 курса гуманитарно-юридического факультета
уровня подготовки магистратуры
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье проанализированы особенности защиты жилищных прав несовершеннолетних. Исследован механизм защиты жилищных прав несовершеннолетних при расторжении брака родителями.

Ключевые слова: *защита жилищных прав несовершеннолетних, судебное разбирательство, решение по делу, механизм охраны и защиты, несовершеннолетние, расторжение брака.*

PROTECTION OF THE HOUSING RIGHTS OF MINORS

Grebenkina N.N.
Vice-rector for educational work
ANO VO "Academy of Social Education"

Safina D.R.
3rd year student of the Faculty of Humanities and Law
Master level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. In article features of protection of the housing rights of minors are analysed. The mechanism of protection of the housing rights of minors at divorce by parents is investigated.

Key words: *protection of the housing rights of minors, judicial proceedings, decision on business, mechanism of protection and protection, minors, divorce.*

Конституция Российской Федерации гарантирует право каждого на жилище и невозможность произвольного лишения жилища.

Одной из наименее защищенных в социальном плане категорий населения являются несовершеннолетние. Именно поэтому вопрос защиты их жилищных прав приобретает особую актуальность.

Особенность правового статуса несовершеннолетних характеризуется тем, что они не имеют возможности повлиять на решения, принимаемые их родителями и иными законными представителями, поэтому, не могут должным образом осуществлять защиту своих прав, в том числе и жилищных. В этой связи встает вопрос об обеспечении надлежащей правовой охраны интересов тех, кто в силу своего возраста не может самостоятельно реализовывать свои правомочия.

Ответственность родителей за воспитание и развитие своих детей, обязанность заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии предусмотрена Семейным кодексом Российской Федерации[4]. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание на то, что ни расторжение брака, ни раздельное

проживание родителей не могут влиять на жилищные права ребенка. В п.14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» обращается внимание на то, что прекращение семейных отношений между родителями несовершеннолетнего ребенка, проживающего в жилом помещении, находящемся в собственности одного из родителей, не влечет за собой утрату ребенком права пользования жилым помещением.

Приведем пример из практики. Г.Г. обратилась в суд с иском к Г.В., Г.Е., действующие в интересах своего несовершеннолетнего сына Г.К.В. о признании утратившим право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета[1].

Свои требования истица мотивировала тем, что в Г.В. вступил в брак с Г. (В.). От брака у них родился ребенок Г.К.. Ребенок зарегистрирован по месту жительства отца, в квартире, нанимателем которой, является истица без ведома Г.Г.. Ребенок в квартире не проживал и не проживает. Его вещей в квартире нет, и не было. Брак между Г.Е. и сыном истицы Г.В. расторгнут. После его расторжения, между родителями было достигнуто соглашение о проживании ребенка с матерью. Истица неоднократно предлагала ответчикам снять с регистрационного учета ребенка, и зарегистрировать его по месту жительства матери. Поскольку между Г.В. и Г.Е. прекращены семейные отношения, внук проживает фактически отдельно, истица просит признать Г.К.В., утратившим право пользования жилым помещением, и снять его с регистрационного учета по указанному месту жительства.

Дав оценку, установленным по делу доказательствам, судебная коллегия считает, что суд при прекращении брачных отношения между Г.В. и Г.Е., семейные отношений между отцом Г.В. и его несовершеннолетним сыном Г.К.В. не прекращаются. Несовершеннолетний Г.К.В. наделен правами по пользованию жилым помещением, при этом в силу возраста, лишен возможности самостоятельно реализовать свое право на проживание при отсутствии соглашения родителей, и пришел к правильному выводу о целесообразности сохранения за несовершеннолетним права пользования спорным жилым помещением, отказывая в удовлетворении исковых требований Г.Г.

Рассматривая исковые требования Г.Г., основываясь на правовых нормах, регулирующих спорные правоотношения, суд первой инстанции, правомерно исходил из того, что при раздельном проживании Г.В. и Г.Е., сохраняются семейные отношения между несовершеннолетним сыном и его отцом, поэтому не утрачивается право ребенка на пользование жилым помещением, в котором проживает его отец Г.В., в связи с чем, довод апелляционной жалобы о том, что непроживание внука в жилом помещении носит постоянный характер, не имеет правового значения, при рассмотрении данного дела.

В настоящее время по рассматриваемому вопросу правовая позиция судов характеризуется направленностью на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Это связано с тем, что они, не способных в силу возраста самостоятельно реализовать свое право пользования жилым помещением и проживающих на той жилой площади, которая определяется им в качестве места жительства соглашением родителей.

В качестве примера, когда суд защитил оспариваемые одним из родителей права несовершеннолетнего на пользование жилым помещением, приведем Определение Ленинградского областного суда от 27 августа 2014 г. № 33-4292/2014 по гражданскому делу о признании несовершеннолетнего не приобретшим право пользования жилым помещением, обязании отделения УФМС России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в Приозерском районе снять его с регистрационного учета.

В своем исковом заявлении истец сослался на то обстоятельство, что в период брака вместе с супругой и сыном он проживал в квартире родителей супруги, однако ребенок был зарегистрирован по адресу принадлежащей истцу квартиры, поскольку родители супруги отказывались зарегистрировать внука на их жилой площади. До момента прекращения семейных отношений и расторжения брака несовершеннолетний в принадлежащую истцу квартиру не вселялся и фактически не проживал в ней; с рождения и по настоящее время ребенок проживает с матерью по ее месту жительства[2].

Оставляя без изменения решение суда первой инстанции об отказе в иске, суд второй инстанции указал следующее: поскольку родители избрали местом жительства ребенка спорную жилую площадь, суд сделал правильный вывод, признав факт возникновения у несовершеннолетнего права пользования спорной квартирой, и то обстоятельство, что в настоящее время несовершеннолетний не проживает по данному адресу вместе со своим отцом, не является свидетельством отсутствия у ребенка права пользования спорным жилым помещением, поскольку в силу своего малолетнего возраста он не может самостоятельно осуществлять свои права, в том числе право на выбор места жительства.

Приведем еще один пример судебной защиты жилищных прав несовершеннолетних, в отношении которых заявлен иск о выселении.

Истец при обращении в суд указала, что является собственником квартиры, в которой зарегистрированы ответчики - бывшая жена родного брата с двумя несовершеннолетними детьми. Удовлетворяя иск, суд первой инстанции сослался на положения ст. ст. 209, 288, 292 ГК РФ; ст. ст. 30, 31, 35 ЖК РФ и исходил из того, что ответчики не являются членами семьи нового собственника спорного жилого помещения, отец несовершеннолетних прекратил право пользования этим жилым помещением и снялся с регистрационного учета, регистрация ответчиков нарушает права истца на реализацию правомочий собственника квартиры. Отменяя указанное решение и принимая новое – об отказе в удовлетворении иска, суд

апелляционной инстанции признал, что судом первой инстанции неправильно применены нормы материального права.

Суд второй инстанции установил, что отец несовершеннолетних ответчиков после расторжения брака с их матерью подарил принадлежавшую ему на праве собственности квартиру (по адресу данной квартиры с рождения проживали и были зарегистрированы его дети) своему отцу, а тот, в свою очередь, передал квартиру в дар дочери, которая впоследствии и обратилась в суд с иском о выселении несовершеннолетних племянников. Сославшись на положения ст. 10 ГК РФ, ст. ст. 17, 38, 40 Конституции Российской Федерации, нормы ст. ст. 55 и 63 СК РФ, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, Конвенцию ООН о правах ребенка, суд второй инстанции пришел к выводу о злоупотреблении со стороны отца несовершеннолетних ответчиков и его близких родственников своими правами. Отчуждая жилое помещение, отец несовершеннолетних не предпринял никаких действий по обеспечению их другим жильем. Как видно из установленных судом фактических обстоятельств дела, действия отца несовершеннолетних детей и его близких родственников по передаче друг другу в короткий промежуток времени права собственности на спорную квартиру осуществлялись исключительно для того, чтобы прекратить право пользования жилым помещением несовершеннолетних детей.

Особо следует выделить такую категорию несовершеннолетних граждан, для которых государственная защита и поддержка являются жизненно важным аспектом: это дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», существенно расширено содержание государственных гарантий по предоставлению таким гражданам жилых помещений[5].

На сегодняшний день ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» достаточно подробно регламентированы гарантии прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на имущество и жилое помещение[6].

Важные изменения и дополнения, внесенные Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ в ЖК РФ, касаются обеспечения жильем указанной категории граждан (в частности, данный Кодекс дополнен статьями 98.1, 109.1, а в ст. 103 включена ч. 5).

Так, детям-сиротам, достигшим 18 лет, предоставляется право на получение жилого помещения из специализированного фонда по срочному договору найма на пять лет. До 2013 года жилые помещения предоставлялись детям-сиротам, достигшим совершеннолетия, по договору социального найма или приобретались на социальные выплаты. При этом указанные

граждане часто становились жертвами мошенников либо необдуманно, вопреки собственным интересам, распоряжались полученным жильем вскоре после его приобретения. Одной из новелл жилищного законодательства является и то, что действие срочного договора найма жилого помещения, полученного из специализированного фонда, в некоторых случаях может быть продлено еще на пять лет; по истечении этого срока сироты смогут получить свое жилье по договору социального найма. При определенных условиях жилье может быть предоставлено и до того, как ребенку исполнится 18 лет.

Право на обеспечение жилыми помещениями по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ, сохраняется за лицами, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, до фактического обеспечения их жилыми помещениями. Кроме того, ст. 103 ЖК РФ, дополненная ч. 5, устанавливает запрет на выселение лиц указанной категории из специализированных жилых помещений без предоставления других благоустроенных жилых помещений, которые должны находиться в границах соответствующего населенного пункта.

В заключение можно отметить, что судебная практика по вопросам, связанным с жилищными правами несовершеннолетних, скорректированная правовыми позициями высших судов Российской Федерации, идет по пути всемирной защиты прав и интересов ребенка, как того требуют нормы международного права и российского законодательства.

Список литературы

1. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 17.05.2016 по делу № 33-5599/2016 по гражданскому делу о признании утратившим право пользования жилым помещением, снятии с регистрационного учета [Электронный ресурс]. – Доступ: http://www.consultant.ru.

2. Определение Ленинградского областного суда от 27 августа 2014 г. № 33-4292/2014 по гражданскому делу о признании несовершеннолетнего не приобретшим право пользования жилым помещением, обязании отделения УФМС России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в Приозерском районе снять его с регистрационного учета [Электронный ресурс]. – Доступ: http://www.consultant.ru.

3. Определение Тульского областного суда от 13 ноября 2014 г. по делу № 33-3131/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ: http://www.consultant.ru.

4. Семейным кодексом Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. – № 17. – 1996.

5. Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»// Российская газета. – № 46. – 2012.

6. Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»// Российская газета. – № 248. – 1996.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Гусева Л.А.
кандидат политических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права
АНО ВО «Академия социального образования»,
судья высшего квалификационного класса

Васина К.В.
Студентка 2 курса гуманитарно-юридического факультета
уровня подготовки бакалавр
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье автором рассматривается вопросы участия прокурора в арбитражном процессе. Так, Прокуратура РФ составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации. Полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются Федеральным законом «О прокуратуре РФ», согласно которому Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: *прокурор, арбитражный суд, защита прав и законных интересов, процессуальный истец.*

PARTICIPATION OF A PUBLIC PROSECUTOR IN AN ADJUDICATORY PROCEEDING

Guseva L.A.
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law
ANO VO "Academy of Social Education",
high qualification judge

Vasina K.V.
2nd year student of the Faculty of Humanities and Law
Bachelor level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. In the article the author considers issues of participation of the prosecutor in the arbitration process. So, the Prosecutor's Office of the Russian Federation is a single centralized system in which inferior prosecutors are subordinate to superior prosecutors and to the Prosecutor General of the Russian Federation. The powers, organization and the procedure of activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation are defined by the Federal law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation», according to which the Prosecutor's Office of the Russian Federation – a single, federal, centralized system of bodies exercising on behalf of the Russian Federation the supervision over compliance with the Constitution of the Russian Federation and execution of the laws in force within the territory of the Russian Federation.

Key words: *public prosecutor, arbitration court, protection of rights and legal interests, procedural plaintiff.*

В соответствии со ст. 129 Конституции Российской Федерации Прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации[3].

Полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются Федеральным законом «О прокуратуре РФ», согласно которому прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Действует прокуратура в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В целях реализации своих полномочий прокурор вправе принести протест, представление, предостережение, возбудить административное

производство, и как последнее средство, если восстановить законность не получается этими мерами реагирования, обращение в суд.

Частью 3 ст. 1, ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определено, что прокурор в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации участвует в рассмотрении дел судами, арбитражными судами (далее – суды), вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства[4].

Полномочия прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дел, определяются процессуальным законодательством Российской Федерации.

В арбитражном судопроизводстве прокурор участвует на основании ст.52 АПК РФ. Прежде всего, надо отметить, что арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности (ст. 27АПК РФ)[1].

В целях обеспечения полного и эффективного решения органами прокуратуры задач в арбитражном процессе Генеральным прокурором Российской Федерации издан Приказ № 223 «Об обеспечении участия прокуроров в арбитражном процессе» от 25.05.2012, п.1 которого предписано прокурорам рассматривать участие прокуроров в арбитражном процессе как действенное средство укрепления законности и предупреждения правонарушений в экономической сфере, защиты государственных и общественных интересов.

В соответствии с АПК РФ прокурор является лицом, участвующим в деле. Прокурор, обратившийся в арбитражный суд, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца.

Процессуальные права и обязанности лиц, участвующих в деле, а следовательно, и прокурора, определены ст. 41 АПК РФ. Вместе с тем, правовое положение прокурора в арбитражном процессе отличается от правового положения иных лиц, участвующих в деле. Это обусловлено, конечно, особым положением вообще органов прокуратуры в системе государственных органов, ее ролью и задачами в государстве и отсутствием своего материального интереса.

Поэтому прокурор в гражданском или арбитражном процессе, обращаясь в суд, решая задачи, стоящие перед органами прокуратуры – это процессуальный истец, то есть он обращается в суд за защитой чьих-то прав. Особый статус прокурора в арбитражном процессе всегда вызывал немало вопросов, и его правовое положение менялось с каждым новым арбитражным процессуальным законом.

Прокурор в экономических спорах появился с момента введения в действие первого АПК РФ в 1992 г. и принимал участие в арбитражном процессе в случаях предъявления иска в арбитражный суд либо принесения протеста на решение арбитражного суда.

В АПК РФ 1995 г. участие прокурора в арбитражном деле сформулировано в соответствии с ФЗ «О прокуратуре», в котором предусмотрено его право обращения в арбитражный суд с иском в защиту государственных и общественных интересов.

Действующий АПК РФ 2002 г. предусматривает возможность обращения прокурора в арбитражный суд лишь в конкретных случаях, с конкретными требованиями.

В соответствии со ст. 52 АПК РФ прокурор вправе обратиться в арбитражный суд:

– с заявлениями об оспаривании нормативных правовых актов, ненормативных правовых актов органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, затрагивающих права и законные интересы организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

– с иском о признании недействительными сделок, совершенных органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов Российской Федерации, доля участия муниципальных образований;

– с иском о применении последствий недействительности ничтожной сделки, совершенной органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов Российской Федерации, доля участия муниципальных образований.

Но на практике по-прежнему возникало много вопросов применения данной статьи, в связи с чем Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ Постановлением № 15 от 23.03.2012 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе», а также Постановлением от 30 июля 2013 г. № 58 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов» дал некоторые разъяснения.

В частности, ст. 52 АПК РФ предусмотрено право прокурора обратиться в суд с заявлениями об оспаривании нормативных правовых актов, ненормативных правовых актов органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, затрагивающих

права и законные интересы организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Статьей 192 АПК РФ определено, что правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании нормативного правового акта недействующим обладает прокурор, если полагает, что такой оспариваемый акт или отдельные его положения не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту, имеющим большую юридическую силу, и нарушают права и законные интересы граждан, организаций, иных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Вместе с тем Пленум ВАС РФ (п.3.3 Постановления № 58 от 30.07.2013) разъясняет, что прокурор, а также государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы могут обратиться с заявлением о признании нормативного правового акта недействующим исходя из положений ст. 52 и 53 АПК РФ в их взаимосвязи с положениями ч. 2 ст. 192 Кодекса.

При обращении прокурора или соответствующего органа в арбитражный суд в заявлении о признании нормативного правового акта недействующим должно быть указано, в частности, в чем заключается нарушение (угроза нарушения) оспариваемым актом или его отдельными положениями публичных интересов или прав и (или) законных интересов граждан, организаций, иных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Таким образом, прокурор вправе обратиться в суд в защиту публичных интересов.

Право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании ненормативного правового акта недействительным предусматривается не только ст. 52, но и ст. 198 АПК РФ. Данной статьей также предусмотрено право прокурора на обращение в суд с требованиями о признании решений и действий (бездействия) незаконными.

В соответствии с п. 2 ст. 198 АПК РФ прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если полагает, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы граждан, организаций, иных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

Вместе с тем п.3. Постановления Пленума № 15 несколько ограничивает возможность обращения прокурора в суд с такими требованиями, говоря о том, что прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным ненормативного правового акта, если полагает, что оспариваемый акт нарушает права и законные

интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Если при рассмотрении заявления прокурора об оспаривании ненормативного правового акта арбитражный суд установит, что оно предъявлено в интересах конкретного лица (лиц), в отношении которого акт принят, суд со ссылкой на п. 1 ст. 150 АПК РФ прекращает производство по делу об оспаривании ненормативного правового акта.

В этом случае заинтересованное лицо вправе самостоятельно обратиться в арбитражный суд с заявлением на основании ст. 4 и ч. 1 ст. 198 АПК РФ. Разъяснения относительно оспаривания ненормативных правовых актов, содержащиеся в настоящем постановлении, применяются и при оспаривании решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия. Таким образом, интересы конкретного лица в арбитражном процессе при рассмотрении дел данной категории прокурор защищать не вправе.

Арбитражному суду также подведомственно рассмотрение дел об оспаривании решений административных органов о привлечении юридических лиц и предпринимателей к административной ответственности, производство по которым согласно ст. 207 АПК РФ возбуждается на основании заявлений юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, привлеченных к административной ответственности в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также на основании заявлений потерпевших.

Прокурор здесь не назван в качестве заявителя, но судебная практика пришла к выводу о наличии такого права прокурора, что нашло закрепление в Постановлении Пленума ВАС № 15, в котором говорится, что с учетом ч. 1 ст. 207 АПК РФ, поскольку гл. 25 Кодекса не установлено иное, полномочия прокурора на участие в делах об административных правонарушениях определяются в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях[2].

В соответствии с ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, обжалуется в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством. На основании ст. 25.11 КоАП РФ прокурор в пределах своих полномочий вправе приносить протест на постановление по делу об административном правонарушении независимо от участия в деле, а также совершать иные предусмотренные федеральным законом действия[5].

Статья 30.10 КоАП РФ также определяет, что не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении и (или) последующие решения вышестоящих инстанций по жалобам на это постановление могут быть опротестованы прокурором в

порядке и в сроки, установленные ст. 30.1, 30.2, ч. 1 и 3 ст. 30.3 настоящего Кодекса[6].

При обращении в суд с заявлениями данной категории прокурор фактически выступает в качестве процессуального истца, обратившегося в суд в защиту прав юридического лица либо индивидуального предпринимателя. Вместе с тем он пользуется правами и обязанностями заявителя, на него распространяются требования закона о сроках обжалования незаконного постановления, судебного акта[7].

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 30. – ст. 3012.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 1 (ч. 1). – ст. 3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 31. – ст. 4398.

4. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – N 47. – ст. 4472.

5. Алексеев С.Л., Салимзянова Р.Р. Криминология: учеб. пособие для бакалавров. Казань: ЧОУ ВПО «Академия социального образования», 2013. 212 с.

6. Алексеев С.Л., Сергеева Ю.С., Шайдуллин Р.Н. Учебно-методическое пособие дополнительной профессиональной программы профессиональной переподготовки «Юриспруденция»//С изучением основ противодействия коррупции./Под редакцией доктора медицинских наук, профессора И.Ш.Мухаметзянова.-Казань, 2016.-88 с.

7. Алексеев С.Л., Вотчель Н.Р. Прокурорский надзор: Учебное пособие / Под редакцией д.ю.н., профессора Ф.Н. Багаутдинова. - Казань: Информационно технологический центр АСО, 2014. - 126 с

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НАЛОГОВЫХ СПОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гусева Л.А.

кандидат политических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права
АНО ВО «Академия социального образования»,
судья высшего квалификационного класса

Фаизова Р.И.
Студентка 2 курса гуманитарно-юридического факультета
уровня подготовки магистратуры
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы определения понятия налогового спора. Автором сделан вывод о том, что налоговый спор является юридическим разногласием, возникающим между сторонами налоговых правоотношений по поводу контроля законности нормативных актов, законности действий или решений государственного органа, а также правильности и своевременности исполнения налоговых обязательств. Все позиции в целом сходятся, однако считаем необходимым включить понятие налогового спора в Налоговый кодекс Российской Федерации с целью предотвращения формирования практических проблем, связанных с отсутствием единого подхода к пониманию налогового спора.

Ключевые слова: *налоговый спор, налогоплательщики, налоговые агенты, плательщики сборов, налоговые органы, таможенные органы.*

LEGAL NATURE OF TAX DISPUTES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Guseva L.A.
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law
ANO VO "Academy of Social Education",
high qualification judge

Faizova R.I.
2nd year student of the Faculty of Humanities and Law
Master level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The article discusses debatable issues of determining the concept of a tax dispute. The author concludes that the tax dispute is a legal disagreement arising between the parties to tax legal relations regarding the control of the legality of normative acts, the legality of actions or decisions of the state body, as well as the correctness and timeliness of the fulfillment of tax obligations. All positions as a whole converge, but we consider it necessary to include the concept of a tax dispute in the Tax Code of the Russian Federation with a view to

preventing the formation of practical problems related to the lack of a unified approach to understanding a tax dispute.

Key words: *tax dispute, taxpayers, tax agents, payers of fees, tax authorities, customs authorities.*

В науке налогового права часто имеет место проблема отсутствия единой трактовки тех или иных категорий и явлений. Нередко за неимением легального понятия рождаются дискуссии, возникает большое количество подходов к пониманию определенного явления, что обусловливает формирование практических проблем различного характера. К числу таких понятий относится налоговый спор. Отсутствие законодательно закрепленного определения данного понятия вызывает характерный вопрос: что подразумевать под налоговым спором? В доктрине сформировано несколько взглядов на указанный вопрос.

Так, С.В. Овсянников трактует налоговый спор как «протекающий в законодательно регламентируемой форме и разрешаемый компетентными государственными органами юридический спор (субъективно-правовой спор), связанный с исчислением и уплатой налогов, одной стороной которого является государство»[9, с.186]. Разделяя мнение С.В. Овсянникова, Д.Б. Орахелашвили отмечает: «Налоговый спор, по сути, является переданным на рассмотрение уполномоченного юрисдикционного органа разногласием сторон правоотношения, касающимся исчисления и уплаты налогов, их взаимных прав и обязанностей и обстоятельств их реализации, требующим разрешения посредством правовой оценки адекватности предполагаемых прав сторон и контроля правомерности действий управомоченной властью стороны»[8, с. 72].

Несколько иных взглядов придерживаются Ю.В. Воробьева и В.С. Семушкин, указывающие на особый характер спорных правоотношений. Исследователи отмечают возникновение правоотношений «по поводу своевременности и правильности исполнения налоговых обязательств, адекватности законодательных актов о налогах и сборах»[10, с. 24].

Обобщая приведенные определения, можно отметить, что налоговый спор заключается в юридическом разногласии, возникающем между сторонами налоговых правоотношений по поводу контроля законности нормативных актов, законности действий или решений государственного органа, а также правильности и своевременности исполнения обязательств по уплате налогов. Следует подчеркнуть, что в источниках юридической литературы не встречается разногласий в трактовке налогового спора. Все аспекты в целом похожи, однако не исключается возможность включения понятия «налоговый спор» в Налоговый кодекс Российской Федерации с целью предотвращения формирования практических проблем, обусловленных отсутствием единого подхода к определению налогового спора. Предмет доказывания различается в соответствие с тем, какой

налоговый спор принимается на рассмотрение арбитражным судом; в этой же связи дифференцированно решаются вопросы распределения бремени доказывания[2, с. 56].

Невзирая на отсутствие законодательной регламентации понятия налогового спора, в Налоговом кодексе Российской Федерации четко закреплена процедура разрешения налоговых споров с предоставлением каждому лицу права на обжалование актов налогового органа ненормативного типа, а также действий или бездействия его должностных лиц. Наряду с тем, законодатель определяет важное основание права на обжалование – «если, по мнению данного лица, такие акты, действия или бездействия нарушают его права»[6]. В научной литературе же высказываются различные мнения относительно предмета налогового спора, т.е. его основания. К примеру, Н.Ю. Хаманевой рассматривается в качестве основания для возникновения административного спора жалоба лица, позиционирующаяся как реакция гражданина на нарушение его прав и свобод[11, с. 32].

Интересную позицию представляют исследования А.К. Соловьева и Л.А. Николаева. Указанные авторы полагают, возникновение публично-правового спора обусловливается нарушением субъектами государственной власти либо местного самоуправления индивидуальных публичных прав организаций и граждан. Нарушение может содержаться в действиях субъекта публичной власти, в издании им индивидуального или нормативного правового акта государственного или местного самоуправления, регулирующего трудовые, земельные, налоговые, финансовые, избирательные, административные правоотношения. Причина возникновения спора может состоять в бездействии субъекта публичного управления и невыполнении им своих обязанностей[7. с. 22]. Вышеуказанная позиция поддерживается А.Б. Зеленцовым, который полагает, что в основе административного спора непосредственным его поводом являются административные правонарушения, в том числе административные проступки, связанные с посягательством на административно-правовые запреты, а также неисполнение правовых обязанностей, определяющихся административно-правовыми нормами[4, с. 14].

Следует отметить, что в ч. 2 ст. 138 Налогового кодекса Российской Федерации содержатся нормы обязательного административного порядка разрешения налоговых споров, кроме случаев обжалования актов ненормативного типа, принимаемых в результате рассмотрения жалоб, актов ненормативного типа федерального органа исполнительной власти, контролирующего и осуществляющего надзор в сфере налогов и сборов, действий или бездействия конкретных должностных лиц[5, с. 19].

Такое законодательное закрепление позволяет избегать судебные тяжбы, обеспечивает возможность разрешения спора в досудебном порядке, при этом значительно снижается загруженность судов делами, связанными с разбирательством налоговых споров.

Согласно содержанию ст. 9 Налогового кодекса Российской Федерации субъектами правоотношений в сфере налогов являются: физические лица и организации, являющиеся исходя из норм Налогового кодекса Российской Федерации плательщиками сборов или налогоплательщиками; физические лица и организации, признаваемые согласно Налогового кодекса Российской Федерации налоговыми агентами; таможенные органы; налоговые органы.

Перечисленные субъекты налоговых правоотношений выступают в роли инициаторов и соответственно участников налоговых споров. Вместе с тем, исходя из специфики содержания налоговых правоотношений, определяемой в соответствие со ст. 2 Налогового кодекса Российской Федерации, налоговые споры могут реализовываться только между частными лицами данных правоотношений в лице налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сборов, с одной стороны, и, с другой стороны – публичными субъектами налоговых правоотношений в лице налоговых органов и таможенных органов. При этом по делам, сопряженных с оспариванием законодательных актов о налогах и сборах в роли публичной стороны налогового спора может выступить лицо, которое в случаях, приведенным в законодательстве о налогах и сборах, вправе в рамках своей компетенции издавать законодательные акты по вопросам налогообложения и сборов (п. 1 ст. 4, п. п. 3, 4 ст. 12 Налогового кодекса Российской Федерации).

Предмет административного или публично-правового (в широком понимании этого слова) спора, одной из форм которого считается также налоговый спор, чаще всего состоит в правах и обязанностях участников публичных правоотношений[4, с.15]. Это исходит и из действующего законодательства Российской Федерации. Так, согласно ч. 1 ст. 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ[1] граждане, организации и другие лица наделены правом оспаривания в арбитражных судах ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) органов, реализующих публичные полномочия, должностных лиц, если считают, что оспариваемый акт, решение или действие (бездействие) не соответствует закону или другому нормативному правовому акту и способствуют нарушению их прав и законных интересов в сфере предпринимательской и какой-либо другой экономической деятельности, незаконно возлагают на них те или иные обязанности, создают другие препятствия для реализации предпринимательской и другой экономической деятельности. В то же время, согласно ч. 1 ст. 213 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации контрольные органы наделены правом обращения в арбитражные суды с заявлением о взыскании с лиц, реализующих предпринимательскую и другую экономическую деятельность, санкций и платежей, обязанность уплаты которых установлена законодательно. Наряду с тем, права и обязанности ответчиков и истцов прямо указываются в качестве предмета спора в п. 2 ст. 46 приводимого кодифицированного источника.

Предмет налогового спора может заключаться в защите налогоплательщиками, плательщиками сборов, налоговыми агентами прав, предписываемых им ст. 21 Налогового кодекса Российской Федерации.

С другой стороны, предмет притязаний со стороны налоговых органов может состоять в требовании соблюдения налогоплательщиками их обязанностей, которые определены п. 1 ст. 23 Налогового кодекса Российской Федерации.

Об обязанностях плательщиков сборов говорится в п. 4 ст. 23 Налогового кодекса Российской Федерации.

Предмет требований, предъявляемых налоговыми органами к налоговым агентам, может заключаться в соблюдении ими обязанностей, установленных п. 3 ст. 24 Налогового кодекса Российской Федерации.

В то же время, налоговые споры могут также иметь место не только в отношении прав и обязанностей сторон налоговых правоотношений, но и в отдельности по поводу соответствия законодательных актов о налогах и сборах и других нормативных правовых актов о налогах и сборах иным нормативным правовым актам более высокой юридической силы, т.е. в отношении их законности.

Так, согласно ст. 137 Налогового кодекса Российской Федерации, каждое лицо имеет права на обжалование как актов налоговых органов ненормативного типа, действий или бездействия их должностных лиц, так и нормативных правовых актов указанных органов в порядке, регламентируемом федеральным законодательством. Возможность оспаривания в арбитражных судах нормативных правовых актов в области налогообложения прямо закреплена также в п. 1 ч. 1 ст. 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а в гл. 23 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации определен порядок рассмотрения подобных дел.

Перейдем к рассмотрению видов налоговых споров. Классификация налоговых споров может быть проведена в соответствие с различными критериями.

1. Исходя из того, требуется ли в процессе разрешения налогового спора применение специальных познаний в сфере бухгалтерского учета, следует выделить споры: сопряженные с неисполнением налогоплательщиком основных налоговых обязательств (исчислением налогов, формированием налоговой базы); сопряженные с неисполнением факультативных обязанностей (нарушением срока постановки на налоговый учет, уклонением от постановки на налоговый учет и т.п.). В ходе разрешения споров, сопряженных с неисполнением налогоплательщиком основных налоговых обязательств, суд устанавливает факты, касающиеся предмета доказывания, исходные сведения о которых содержатся в регистрах бухгалтерского учета.

2. В соответствии со способом взимания различаются налоговые споры: сопряженные с исчислением и уплатой прямых налогов; сопряженные

с исчислением и уплатой косвенных налогов. Относительно предмета доказывания подобная классификация интересна в первую очередь тем, что при установлении такого юридического факта, как налоговое правонарушение, суду следует иметь четкие представления о механизмах и экономической сущности конкретного налога[2, с. 87].

3. По фактическому содержанию в числе налоговых споров следует выделить споры: сопряженные с разногласиями о фактическом составе; сопряженные с разногласиями в трактовке налогово-правовых норм.

4. Согласно виду обжалуемых актов в числе налоговых споров выделяются: споры о нормативных правовых актах; споры о ненормативных правовых актах.

Очевидно, на современном этапе не существует легального толкования понятия «налоговый спор», вследствие чего возникает плюрализм мнений в осмыслении налогового спора. Однако в целом всеми исследователями даются определения, сходные по своему смыслу.

Что касается признаков налогового спора, то, во-первых, среди признаков налоговых споров как материальных отношений с возможностью будущего рассмотрения в арбитражном суде следует выделить: субъектный состав – отечественные и иностранные организации, индивидуальные предприниматели, с одной стороны, и налоговые органы – с другой; содержание налогового спора состоит в разногласиях по поводу реализации требований законодательства о налогах и сборах; неразрешенность конфликта – налоговые споры возникают в результате несоответствия различных мнений налоговых органов и налогоплательщиков относительно объема прав и обязанностей налогоплательщиков.

Во-вторых, к признакам налоговых споров как процессуальных отношений относятся: характер спора – налоговый спор представляет собой разновидность спора экономического; суд выступает в качестве обязательного субъекта; разрешение налоговых споров в строго установленной процессуальной форме.

В-третьих, если налоговый спор сопряжен с осуществлением предпринимательской деятельности, однако на момент подачи заявления статус индивидуального предпринимателя налогоплательщиком утрачен, то подобный конфликт подлежит разрешению в арбитражном суде.

В-четвертых, в законодательных актах Конституционного Суда Российской Федерации не должны заключаться новые налогово-правовые нормы, поскольку это ведет к возникновению в судебной практике еще большего числа налоговых споров. Наряду с тем, имеет место единообразное применение законодательства о налогах и сборах.

В-пятых, административные процедуры представляют, по сути, перспективный способ разрешения налоговых споров. Для повышения эффективности этого метода возникает необходимость, как детального нормативного регулирования административных процедур, так и комплекса организационных мер.

Споры, участниками которых являются фискально-обязанные лица, представляют сложную категорию дел и самые распространенные споры с участием предпринимателей и организаций. Сложность рассмотрения таких налоговых споров вызывает несовершенство и частые изменения налогового законодательства, а также несформированность стандартов доказывания по некоторым видам налоговых споров.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что налоговый спор является юридическим разногласием, возникающим между сторонами налоговых правоотношений по поводу контроля законности нормативных актов, законности действий или решений государственного органа, а также правильности и своевременности исполнения налоговых обязательств.

В научной литературе по юриспруденции не встречаются разногласия в толковании налогового спора. Все позиции в целом сходятся, однако считаем необходимым включить понятие налогового спора в Налоговый кодекс Российской Федерации с целью предотвращения формирования практических проблем, связанных с отсутствием единого подхода к пониманию налогового спора.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 30. – ст. 3012.

2. Бартунаева Н.Л. Налоговые споры. Распределение обязанности по доказыванию // Вестн. Бурят. ун-та. Сер. 12: Юриспруденция. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006.

3. Зеленцов А.Б. Теоретические основы правового спора: Диссертация д-ра юрид. наук. – М., 2005.

4. Корнилов А.И. Понятие и виды налоговых споров // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 3.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – N 31. – 1998. – ст. 3824.

6. Николаева Л.А., Соловьева А.К. Административная юстиция и административное судопроизводство: зарубежный опыт и российские традиции // Сб. СПб., 2004.

7. Орахелашвили Д.Б. Понятие налоговых споров и отдельные направления их разрешения в Российской Федерации: диссертация канд. юрид. наук: 12.00.14 // Москва, 2004. – 185 с.

8. Первышов Е.А., Абрамян Д.С. К вопросу о понятии налогового спора // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 1.

9. Семушкин В.С., Воробьева Ю.В. К вопросу о понятии и основаниях возникновения налоговых споров // Налоговые споры: теория и практика. – 2004. – № 12.

10. Хаманева Н.Ю. Теоретические проблемы административно-правового спора // Гос-во и право. – 2014. – №12.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОРУЖИЯ

Димитриев А.Н.
проректор по общим вопросам
АНО ВО «Академия социального образования»

Соколов И.Н.
Студент 3 курса гуманитарно-юридического факультета
уровня подготовки бакалавр
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье представлен анализ теоретических аспектов квалификации преступлений с использованием оружия. Предложено авторское определение понятия оружия, выделены его существенные признаки, обоснована позиция автора относительно юридической оценки и соотношения понятий использования и применения оружия.

Под применением оружия автор предлагает понимать умышленное использование его поражающих свойств для воздействия на живую цель, т.е. когда оружием причинен вред жизни или здоровью человека либо предпринята попытка такого причинения. Факт угрозы оружием должен расцениваться как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность и наказание.

Ключевые слова: *квалификация, вооруженное преступление, оружие, огнестрельное оружие, вооруженная преступность, использование оружия, применение оружия.*

QUALIFICATION OF CRIMES USING WEAPONS

Dimitriev A.N.
Vice Rector for General Affairs
ANO VO "Academy of Social Education"

Sokolov I.N.
3rd year student of the Faculty of Humanities and Law
Bachelor level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The article presents an analysis of the theoretical aspects of qualifying crimes with the use of weapons. The author's definition of the concept of weapons is proposed, it’s essential features are highlighted, the author’s position on the legal assessment and the relationship between the concepts of use and use of weapons is substantiated.

Under the use of weapons, the author proposes to understand the deliberate use of its damaging properties to influence a living target, that is, when the weapon harms the life or health of a person or attempts are made to cause it. The threat of a weapon should be regarded as an aggravating circumstance of criminal liability and punishment.

Key words: *qualification, armed crime, weapon, firearms, armed crime, use of weapons, use of weapons.*

Насильственная преступность, сопровождая человечество на протяжении всего существования, приобретает новые качества: криминальный профессионализм, высокий уровень вооруженности, организованность, связь с терроризмом, экстремизмом и коррупцией.

Особую опасность представляют насильственные посягательства с применением оружия и иных предметов, используемых в качестве оружия. Данные преступления представляют повышенную общественную опасность, поскольку причиняют вред одновременно жизни и здоровью человека и другим общественным отношениям. Проблема борьбы с вооруженными преступлениями еще более обострилась в условиях возросшей социальной напряженности, многочисленных межнациональных конфликтов, отсутствия эффективного контроля за оборотом оружия.

При совершении насильственного преступления с применением оружия основным признаком, определяющим характеристику деяния в целом и его составляющих, является само оружие. Очевидно, что многообразие предметов и устройств, применяемых в процессе совершения преступлений, не ограничивается только огнестрельным или холодным оружием, указанным в уголовно-правовых нормах. При совершении преступлений часто используется не только стандартное оружие, конструктивно предназначенное для поражения живой цели, но и самые разнообразные предметы, отличающиеся от стандартного оружия по внешнему виду, конструктивным особенностям, поражающим факторам и другим свойствам. В большинстве случаев различие между оружием и указанными предметами оказывает существенное влияние на уголовно-правовую квалификацию.

В разнообразии признаков, характеризующих оружие, можно выделить главные, системообразующие признаки, раскрывающие наиболее типичные и устойчивые свойства оружия.

Опасность оружия, заключающаяся в способности вызвать тяжкие последствия, обусловливается рядом факторов, среди которых особое

значение имеют следующие – характер его целевого назначения и, как следствие, конструктивные особенности. Оружие изначально предназначено для поражения живой силы и причинения физического вреда, но не исключено, что оружие может быть использовано для удовлетворения хозяйственно-бытовых потребностей и нужд человека. Именно по конструктивному предназначению тот или иной предмет следует относить к оружию.

Итак, в определении оружия должны найти отражение следующие существенные признаки, выделяемые учеными:

1) оружие – устройства и предметы, конструктивно предназначенные или специально приспособленные для поражения живой или иной цели;

2) оружие – предмет, способный поражать живой организм;

3) оружие – предметы, изъятые или ограниченные в гражданском обороте: совершение входящих в него действий возможно лишь при соответствующем документальном оформлении компетентными государственными органами.

Таким образом, оружие – это ограниченные в обороте устройства и предметы, конструктивно предназначенные или специально приспособленные для поражения живой или иной цели.

Использование средств и орудий при совершении преступления не меняет родовой принадлежности и характера общественной опасности деяния, но опасность вооруженного преступления приобретает дополнительные качества, которые оказывают существенное влияние на характер общественной опасности содеянного в целом.

Часто применение оружия является признаком объективной стороны многообъектных преступлений. Характерная особенность этих преступлений состоит в том, что их основным объектом выступает многообразная группа общественных отношений: личная свобода человека, отношения собственности, общественная безопасность, общественный порядок и т. д. Однако оружие, используемое при совершении насильственного преступления, всегда направлено на человека.

Деяния, совершенные с применением оружия, законодатель, как правило, относит к преступлениям повышенной общественной опасности – к квалифицированным составам.

Характеризуя применение оружия как квалифицирующий признак состава преступления, необходимо выделить важные моменты, связанные с определением цели использования и роли оружия при совершении конкретного преступления. Не всякое преступление, в котором использовано оружие, может рассматриваться как совершенное с применением оружия. Для наличия анализируемого квалифицирующего признака необходимо, чтобы оружие или предметы, находящиеся у преступника, были применены.

Не вызывают проблем с квалификацией ситуации, когда оружие находится у преступника, но он никак не использует его в процессе совершения разбойного нападения. Еще А. А. Пионтковский утверждал: «от

разбоя следует отличать открытое похищение имущества (простой грабеж), совершенное вооруженными лицами. Наличие оружия у нападающего само по себе не составляет признаков разбоя и не превращает грабеж в разбой, если оружием никто не грозил»[1].

Общепризнанно, что понятие «применение оружия» включает в себя причинение смерти либо вреда здоровью потерпевшего, а также попытку их причинения, когда по причинам, не зависящим от воли виновного, реальный вред здоровью или смерть не наступает. Но единого мнения относительно угроз оружием или другими предметами до сих пор нет.

Конечно, при демонстрации оружия создается реальная возможность наступления общественно опасных последствий, но виновный не использует поражающих свойств оружия для причинения физического вреда человеку, а пытается достигнуть своих целей посредством психологического воздействия на потерпевшего. Но угроза предусматривается как конструктивный, т.е. обязательный признак основного состава насильственного преступления. Говорить о наличии квалифицированного состава насильственного преступления в таких случаях не следует.

Угроза негодным оружием или его имитацией реальной опасности для жизни и здоровья потерпевшего не представляет. Виновный, угрожающий игрушечным пистолетом, не только не может причинить реальный вред личности, но и заведомо не имеет намерения прибегать к физическому насилию. Содержание умысла преступника, использующего заведомого негодный предмет, никак не может включать в себя использование поражающих свойств оружия, необходимое для квалификации по анализируемому признаку. Субъективное убеждение потерпевшего, не находящее оснований в объективной действительности, не может быть положено в основу обвинения преступника в совершении действий, не входящих в его намерения и объективно не могущих быть совершенными из-за отсутствия у него орудий насилия.

В нормативных и других источниках при характеристике действий с оружием наряду с термином «применение» оружия употребляется термин «использование» оружия. Несмотря на то, что в русском языке эти слова близки по смыслу (использовать – употребить с пользой, применить – осуществить на деле, на практике), как юридические термины они имеют различное содержание[2].

А.И. Каплунов, исследуя соотношение этих двух терминов в качестве мер административного принуждения, приходит к выводу о том, что «применение» и «использование» огнестрельного оружия различаются в зависимости от того, на какой объект направлено воздействие. «Использование» оружия так же, как и «применение», состоит в производстве выстрела из огнестрельного оружия. Вместе с тем, при использовании огнестрельного оружия выстрелы из него производятся для повреждения транспортного средства, поражения животного, предупреждения о намерении использовать поражающие свойства

огнестрельного оружия, подачи сигнала тревоги или вызова помощи, а, следовательно, нейтрализация опасности, возникшей для охраняемых законом общественных отношений, предполагается без нанесения телесных повреждений человеку»[3].

По мнению Т.Т. Шиктыбаева, «под применением оружия следует понимать производство любого выстрела, независимо от его цели, умысла, законности и т.д.». Хотя цитируемые авторы рассматривают эти два понятия с точки зрения применения оружия сотрудниками правоохранительных органов либо гражданами для защиты законных прав и интересов, смысл анализируемых терминов применительно к использованию оружия преступниками от этого не меняется.

Позволим себе не согласиться ни с первым, ни со вторым автором. Для этого вспомним законодательное определение оружия – устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, а также для подачи сигналов.

На наш взгляд, говорить о применении оружия следует только в случае использования оружия по его прямому назначению. Следовательно, в отдельных ситуациях, приведенных А.И. Каплуновым: повреждение транспортного средства, поражение животного – оружие применяется, так как используются его поражающие свойства. Но в других случаях (предупреждение о намерении использовать поражающие свойства огнестрельного оружия, подача сигнала тревоги или вызов помощи) оружие не выполняет своего прямого назначения.

Говорить о применении оружия по назначению мы можем, пожалуй, только в случае, если для подачи сигналов используется сигнальное оружие. Все иные действия с оружием: предупреждение о намерении произвести выстрел путем демонстрации оружия, употребление огнестрельного оружия в качестве предмета для нанесения ударов, – применением огнестрельного оружия не являются. В этих случаях можно говорить об использовании оружия – об употреблении с пользой (в соответствии с грамматическим значением слова «использовать») других свойств оружия, например, его тяжести, массивности и т.п. Подобное использование оружия при совершении преступления должно либо расцениваться как применение предметов, используемых в качестве оружия (в случае причинения вреда жизни или здоровью человека), либо учитываться как отягчающее уголовную ответственность обстоятельство при назначении наказания.

А.И. Каплунов предлагает включить применение оружия в понятие оборота оружия, закрепленного в ст. 1 Федерального закона «Об оружии», в качестве самостоятельного элемента оборота оружия: «именно данное действие оружием, как никакое другое, глубоко вторгается в сферу основных закрепленных Конституцией Российской Федерации прав граждан (права на жизнь, на личную неприкосновенность) и, в конечном счете, определяет необходимость всех остальных элементов оборота оружия, таких как

производство, экспонирование оружия, торговля оружием, его продажа, приобретение, учет, хранение, ношение»[3].

На наш взгляд, рассматривать применение огнестрельного оружия в качестве самостоятельного элемента оборота оружия излишне. Необходимо и достаточно в законе дать определение понятия «использование оружия», которое, по нашему мнению, в качестве составной части включает в себя его применение.

Итак, обобщая имеющиеся позиции ученых по термину «применение оружия», можно говорить о трех вариантах действий:

1) реальное применение оружия, т.е. использование его по прямому назначению – для причинения смерти или вреда здоровью человека;

2) попытка применения оружия – действия, направленные на использование оружия по прямому назначению (указанному выше), но не приведшие к желаемому результату;

3) демонстрация оружия – действия, направленные на принудительное воздействие на психику человека.

Очевидно, что соответствующая юридическая оценка деяния должна исходить из общественной опасности указанных действий виновного с оружием для жизни и здоровья потерпевшего. На наш взгляд, характер и направленность действий в указанных вариантах позволяют объединить первые два в одну группу, и именно эти действия понимать как «применение оружия».

Демонстрацию оружия следует расценивать как угрозу, которая предусматривается как конструктивный, т. е. обязательный признак основного, но не квалифицированного состава насильственного преступления[4].

Таким образом, под применением оружия следует понимать умышленное использование его поражающих свойств для воздействия на живую цель, т. е. когда оружием причинен вред жизни или здоровью либо предпринята попытка такого причинения. Факт угрозы оружием должен расцениваться как отягчающее уголовную ответственность и наказание обстоятельство.

Список литературы

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть [Электронный ресурс]: учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. В.С. Комиссаров, Н.Е. Крылова, И.М. Тяжкова. – Электрон. текстовые данные. – М.: Статут, 2014. – 879 с.

2. Активный словарь русского языка. Том 1 [Электронный ресурс] / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева [и др.]; под ред. Ю. Д. Апресян. – Электрон. текстовые данные. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 404 с.

3. Каплунов А.И. О понятиях «использование и «применение» огнестрельного оружия как элементах оборота оружия // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 51-58.

4. Алексеев С.Л., Вотчель Н.Р. Прокурорский надзор: Учебное пособие / Под редакцией д.ю.н., профессора Ф.Н. Багаутдинова. - Казань: Информационно технологический центр АСО, 2014. - 126 с

БАНКРОТСТВО ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ И ПУТИ ЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Димитриева Н.Т.
канд. юрид. наук, доцент, ректор
АНО ВО «Академия социального образования»
e-mail: prorectorisgz@gmail.com

Шакирова А.Р.
Студентка 2 курса гуманитарно-юридического факультета
уровня подготовки бакалавр
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. На сегодняшний день каждая организация пытается перейти в стадию «расцвета» и остаться в ней как можно дольше. Одним из способов продления стадии «расцвета» является реализация инвестиционного проекта. Способность к реализации инвестиционного проекта организацией определяется при помощи финансового анализа. Благодаря своевременному выявлению финансового кризиса, предприятие сможет продолжить свою деятельность, а также выявить свои слабые стороны, ликвидация которых позволит повысить эффективность и прибыльность деятельности предприятия.

Ключевые слова: *несостоятельность (банкротство), стадии развития организации, инвестиционный проект, финансовый анализ, рентабельность, ликвидность, финансовая устойчивость, деловая активность.*

BANKRUPTCY OF LEGAL ENTITIES IN RUSSIA AND WAYS OF ITS WARNINGS

Dimitrieva N.T.
Cand. legal sciences, associate professor, rector
ANO VO "Academy of Social Education"
e-mail: prorectorisgz@gmail.com

Shakirova A.R.
2nd year student of the Faculty of Humanities and Law
Bachelor level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. To date, each organization is trying to move into the «flowering» stage and stay in it as long as possible. One way to extend the «flowering» stage is to implement an investment project. The ability to implement an investment project by an organization is determined through financial analysis. Due to the timely detection of the financial crisis, the company will be able to continue its activities, as well as identify its weaknesses, the liquidation of which will increase the efficiency and profitability of the enterprise.

Key words: *insolvency (bankruptcy), the stage of development of the organization, investment project, financial analysis, profitability, liquidity, financial stability, business activity.*

Для любой организации процедура банкротства является сложнейшим испытанием. Она сопровождается финансовыми расходами, стрессами, судебными разбирательствами, потерей репутации и положительного имиджа предприятия-банкрота. При этом следует отметить, что за рубежом существуют и более активно применяются различные методики, препятствующие доведению компании до банкротства. К примеру, в Западной Европе около 75% «проблемных» предприятий восстанавливают свою платежеспособность до начала процесса судебного разбирательства. В случае же, если банкротство неизбежно, данная процедура рассматривается как судебный способ реструктуризации бизнеса организаций-должников.

Для того чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке товаров и услуг в современных экономических условиях, компании должны быть ориентированы на повышение эффективности деятельности, так как они могут столкнуться с проблемой неустойчивого финансового состояния, неплатежеспособностью и, как следствие, банкротством. Поэтому корректное планирование деятельности любого предприятия включает разработку и внедрение методов противодействия при возможном возникновении финансовой несостоятельности[1].

Глобальный финансовый кризис показал, что даже ведущие международные компании должны постоянно контролировать свое финансовое положение, анализировать финансовую стабильность и платежеспособность. Процессы глобализации мировой экономики только усложняют общение и увеличивают неопределенность между контрагентами в отношении их финансовой независимости. Негативные последствия глобального экономического кризиса вызвали начало периода, который ряд экономистов называют эпохой глобальной неопределенности и

нестабильности, а характерными особенностями которого является резкое увеличение числа банкротств организаций[4].

На сегодняшний день проблема банкротства предприятий – одна из основных проблем российской экономики. Выживание предприятия в условиях кризиса во многом зависит от своевременного и правильного решения руководства. И если негативное влияние внешних угроз деятельности предприятия не всегда можно нейтрализовать, то пути выхода предприятия из кризиса целиком и полностью возложены на руководство и зависят от своевременного реагирования, умения и знания предотвращения подобной ситуации и недопущения банкротства предприятия.

В российском законодательстве термин «банкротство» («несостоятельность») определяется как «признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей»[3].

Число российских компаний, признанных банкротами, в 2018 году сократилось на 3,1% по сравнению с 2017 годом - до 13117. Число введенных судами реабилитационных процедур (внешнее управление и финансовое оздоровление) снизилось до 297 шт. или 1,2% всех процедур в 2018 году, по сравнению с 395 шт. или 1,5% в 2017 году.

Следует отметить, что в России ухудшалась статистика, связанная с несостоятельностью юридических лиц: в 2017 году количество компаний, признанных банкротами, составило 14,7 тысяч. Это почти на 1 % больше, чем показатель 2016 года (14,5 тыс. компаний). Количество банкротств, в целом, увеличилось, это и свидетельствует об ухудшении экономической ситуации. Многие компании сейчас находятся в очень непростой ситуации. Банкротствам в 2017 году способствовало ухудшение бизнес-среды, повышение страховых взносов для малого бизнеса и конкуренция в условиях замедления роста экономики. Немаловажным аспектом возникновения проблем в финансовой сфере также является и нестабильная курсовая ситуация в нашей стране. При возникновении финансовых сложностей необходимо немедленно принимать меры по их устранению для того, чтобы избежать банкротства.

Как показывает статистика, в настоящее время значительно увеличилось число компаний, приближающихся к банкротству, следствие которого может явиться полное или частичное прекращение деятельности. Оба варианта непосредственно связаны с проблемами в финансовой сфере, а это означает, что предприятия должны уделять достаточное внимание при решении своих финансовых вопросов. Важно понимание всей серьезности данной проблемы и ее последствий, а так же принятие мер, с помощью которых можно избежать банкротства. Следует отметить, что стремительный рост количества обанкротившихся и ликвидированных предприятий требует

поиска путей решения проблемы не только на уровне отдельно взятого предприятия или отрасли, но и на уровне государства.

Российским законодательством о банкротстве в настоящее время предусмотрена одна ликвидационная процедура, которая включает в себя конкурсное производство и три реабилитационных: финансовое оздоровление, внешнее управление и мировое соглашение. Исходя из анализа статистических данных судебной практики по делам о банкротстве, функционирование института несостоятельности в подавляющем большинстве случаев приводит к ликвидации предприятия, а среди реабилитационных процедур наиболее востребованной является внешнее управление. Процедура финансового оздоровления практически не применяется в российской практике. Это связано с несвоевременной подачей заявления о признании должника банкротом, а также тем, что руководители организаций-должников и сторона арбитражных управляющих практически не заинтересованы в проведении данной процедуры.

Предупреждение банкротства – это деятельность, которая направлена непосредственно на улучшение характеристик и отношений фирмы с целью обнаружения и избежания угрозы банкротства. Процесс предусматривает поиск и разрушение явлений, способствующих распространению умышленного и фиктивного банкротства, признаков негативного влияния отдельных лиц на деятельность фирмы, устранение любых факторов, приводящих к банкротству.

Своевременное прогнозирование банкротства наряду с выявление факторов, приводящих к банкротству, могут помочь руководству предприятий, находящихся в трудном финансовом положении, определить причины и вовремя принять необходимые меры по оздоровлению финансового состояния предприятия[4].

Благодаря своевременному выявлению финансового кризиса, предприятие сможет продолжить свою деятельность, а также выявить свои слабые стороны, ликвидация которых позволит повысить эффективность и прибыльность деятельности предприятия. Несвоевременное выявление финансового кризиса на предприятии и его углубление могут привести к банкротству. Исходя из этого, можно выделить ряд рекомендаций по предупреждению и преодолению финансового кризиса на предприятии:

— постоянное планирование, анализ и проверка результатов деятельности организации, что обеспечит предварительное выявление и недопущение финансового кризиса;

— своевременная финансовая диагностика деятельности предприятия с использованием современных методик (отечественных и зарубежных);

— внедрение системы контроллинга на предприятии для предотвращения кризисных явлений;

— определение вида, фазы, стадии финансового кризиса на предприятии, на основании которых будут использоваться соответствующие антикризисные меры;

— мгновенное реагирование на финансовый кризис, применение всех необходимых антикризисных мер и недопущение углубления кризиса, который может привести к банкротству.

В качестве мероприятий по оздоровлению организации, можно выделить такие как: повышение квалификации персонала, модернизация, получение кредитов, ликвидация обособленных подразделений, заключение выгодных контрактов, взыскание дебиторской задолженности и др. Выбор той или иной меры зависит от причин, порождающих опасность банкротства. Главной целью в такой ситуации является повышение платежеспособности должника и обеспеченности финансовыми ресурсами, что позволит либо избежать появления признаков банкротства, либо сделать возможным введение реабилитационных процедур[5].

Конкурсные кредиторы являются главными инициаторами банкротства юридических лиц. Интересно, что в январе — июне 2019 года ФНС подало 12,4% заявлений. В прошлом году за аналогичный период территориальные органы ФНС РФ направили 14,5% заявлений.

Возможно, региональные ИФНС сократили подачу заявлений после вынесения 05.03.2019 г., Конституционным Судом РФ Определения № 14 — П. В нем Конституционный Суд РФ указал фискальным органам, что ИФНС не должна подавать заявление о банкротстве, если оно повлечет «напрасные траты для бюджета».

Совсем иная картина открывается в ходе банкротства граждан. Здесь главными заявителями выступают сами должники. В первом полугодии 2018 года они инициировали 84,5% дел. В январе — июне 2019 года на долю должников пришлось 89,8% заявлений.(Рис.1)

Отрасль экономики	Количество конкурсных производств введенных в первой половине 2019 года
Торговля	1683
Строительство	1173
Обрабатывающее производство	635
Недвижимость	703
Консалтинг и научно — техническая деятельность	318
Транспортировка и хранение (логистика)	316

Сельское, лесное и рыбное хозяйство	278
Энергетика	128
Финансы и страхование	150
Административная деятельность	138
Гостиницы и общепит	103
ЖКХ	96
Добыча полезных ископаемых	55
Информация и связь	68
Сфера услуг	36
Культура и спорт	24
Здравоохранение	20
Образование	5
Государственное управление и социальное обеспечение	3

(Рис.1)

Для того чтобы заранее определить потенциальные угрозы и стабилизировать деятельность предприятия в кризисных условиях развития, необходимо сочетание стратегических направлений предупреждения банкротства с квалифицированным и реактивным менеджментом.

Подводя итоги, следует отметить, что в периоды нестабильности экономики России увеличивается число банкротств предприятий.

Таким образом, одним из приоритетов государственной экономической политики должно являться «оздоровление» и улучшение бизнес-среды и инвестиционного имиджа страны[6].

Список литературы

1. Баклаева Н.М., Финансовый анализ (продвинутый уровень): Учебное пособие для студентов экономических вузов. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2014. – 400 с.

2. Баклаева Н.М., Финансовый анализ: Методические указания для проведения семинарских и практических занятий. – Пятигорск: РИА на КМВ, 2010. – 96 с.

3. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 43. – ст. 4190.

4. Коммерсантъ картотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.kartoteka.ru/.

5. Алексеев С.Л., Киямов И.К., Киямова Л.И., Николаева А., Шайдуллин Р.Н. Перспективы развития отечественной цифровой экономики в современных реалиях как фактор экономической безопасности государства// Вестник НЦБЖД. 2018. -№ 3 (37). - С. 69-76

6. С.Л. Алексеев, И.И. Поникаров, У.А. Казакова Интеграция гуманитарной и профессиональной подготовки студентов: проектный метод. Вестник Казан. технол. ун-та, 2014, т.17, № 7, с.341-348.

ПРИЗНАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЯХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ПОИСК КРИТЕРИЕВ

Епихин А.Ю.
доктор юридических наук, профессор
АНО ВО «Академия социального образования»

Гайфуллина Л.И.
магистрант 2 курса направления подготовки
АНО ВО «Академия социального образования»

Аннотация. Уголовно-процессуальный закон и судебная практика не дают однозначного ответа на вопрос о том, какие нарушения при производстве следственных действий по уголовному делу влекут безусловное признание полученных таким путем доказательств недопустимыми. Необходимо учитывать, насколько допущенные при производстве того или иного следственного действия нарушения являются существенными с точки зрения их несоответствия принципам уголовного судопроизводства, требованиям уголовно-процессуальной формы, закрепленным в УПК РФ, правам заинтересованных участников процесса и другим процессуально значимым факторам. По результатам исследования резюмируется, что основанием принятия решения о недопустимости доказательств должна являться существенность нарушений требований закона, допущенных при производстве конкретного следственного действия. Степень существенности зависит от того, насколько они ограничивают права

заинтересованных участников процесса, противоречат требованиям уголовно-процессуальной формы и другим процессуально значимым факторам, блокируют возможность полноценной реализации принципов уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, доказательства, недопустимость доказательств, существенные нарушения закона, судебно-следственная практика, протокол следственного действия.*

TYPES OF VIOLATIONS INVOLVING THE RECOGNITION OF EVIDENCE AS UNACCEPTABLE

Epikhin A.Yu.
Doctor of Law, Professor
ANO VO "Academy of Social Education"
Gaifullina L.I.
2-year undergraduate
ANO VO "Academy of Social Education"

Abstract. Criminal procedure law and judicial practice don’t give a clear answer to the question of what violations during investigative actions on a criminal case involve admitting evidence obtained by this way inadmissible. It’s necessary to take into account how significant are the violations, committed during particular investigative action, from the perspective of their inconsistency with the principles of criminal proceedings, the requirements of criminal procedure form set out in the RF Criminal Procedure Code, the rights of the participants in the proceedings and other procedural significant factors. It’s summarized that the significance of the violations of the requirements of law, occurred during specific investigative action, should be the basis for the decision on the inadmissibility of evidence. The degree of significance depends on how they restrict the rights of participants in the proceedings, contradict the requirements of criminal procedure form and other relevant factors, block the possibility of full implementation of the principles of criminal justice.

Key words: *criminal proceedings, evidence, inadmissibility of evidence, significant violations of law, judicial and investigative practice, record of investigative action.*

Отдельные аспекты доказывания и доказательств в уголовном судопроизводстве России всегда были и остаются в центре особого внимания не только ученых-процессуалистов, но и практических работников. Не является исключением в этом смысле проблема допустимости доказательств. Рассматривая вопрос допустимости доказательств, полученных при производстве по уголовному делу, Пленум Верховного Суда РФ указывает на необходимость реализации положений ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, а также

выполнения требований ст. 75 УПК РФ. При этом разъясняется, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами. В пункте 2 постановления от 5 марта 2004 года N 1 Пленума Верховного Суда РФ обращается внимание судов на то, что при решении вопроса о признании доказательства недопустимым по основаниям, указанным в п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, необходимо в каждом случае выяснять, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение. Следовательно, не всякое нарушение требований УПК РФ влечет признание доказательства недопустимым, о чем свидетельствует складывающаяся судебная практика[15].

Как следует из вышеприведенных разъяснений высшего судебного органа Российской Федерации, начиная с 1995 года и по сегодняшний день, Пленум Верховного Суда РФ не приводит в своих постановлениях четких, однозначных критериев разграничения нарушений уголовно-процессуального закона на те, которые влекут признание доказательств недопустимыми, и те, которые таких правовых последствий не создают. Данное обстоятельство не может не отразиться на практике рассмотрения судами общей юрисдикции вопросов недопустимости (допустимости) доказательств[14].

Так, еще в период действия УПК РСФСР 2000 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 4 июля 2000 года отменила приговор Советского районного суда г. Владивостока, кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда, постановление Президиума Приморского краевого суда ввиду того, что в основу всех отмененных решений было положено недопустимое доказательство - протокол предъявления для опознания обвиняемого Ч. в единственном числе, вопреки требованиям ст. 165 УПК РСФСР, согласно которой общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех[13].

Нарушение требований ст. 165 УПК РСФСР явилось основанием для признания протокола опознания недопустимым доказательством.

Из материалов уголовного дела N 2-37/98, рассмотренного Ростовским областным судом, постановлением прокурора был исключен протокол обыска, проведенного 19 марта 1997 года заместителем начальника ОУР Азовского ОВД, как недопустимое доказательство. Основанием для признания доказательства недопустимым послужило производство данного следственного действия неуполномоченным лицом, так как в материалах

уголовного дела отсутствовало соответствующее поручение со стороны следователя, производившего предварительное расследование[12].

Достаточно примеров, свидетельствующих о неоднозначной практике признания доказательств недопустимыми, можно обнаружить и после вступления в силу УПК РФ 2001 года[11].

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан и все последующие судебные решения были отменены ввиду того, что производство судебно-медицинской экспертизы в отношении потерпевшего Н. было поручено эксперту И., которому разъяснялись права, обязанности и ответственность, предусмотренная ст. 307 УК РФ, однако само экспертное исследование в отношении Н. проведено экспертом Г., которому права, обязанности и ответственность по ст. 307 УК РФ не разъяснялись[8].

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ своим определением N 83-009-34 обоснованно исключила из числа доказательств заключения фоноскопических экспертиз, поскольку органами предварительного следствия не были надлежащим образом выполнены требования ст. 202 УПК РФ, а именно: образцы голосов для сравнительного исследования были получены скрытно от обвиняемых и в отсутствие их защитников[9].

7 мая 2008 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ кассационным определением N 81-008-6

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 дек. 2008 г. N 49-Д08-107 (Извлечение) Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. N 8[12].

Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2009 года Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. N 5.

Липецкий районный суд Липецкой области в рамках рассмотрения уголовного дела N 1-64/2013 по ходатайству защитника К. признал недопустимыми доказательствами два протокола предъявления для опознания. Основаниями для принятия таких решений послужили: предъявление для опознания по фотографиям при наличии реальной возможности предъявления для опознания «вживую» (нарушение требований ч. 5 ст. 193 УПК РФ); отсутствие в протоколе предъявления для опознания указания на индивидуально определенные признаки, позволяющие идентифицировать опознаваемое лицо (нарушение требований чч. 2, 7 ст. 193 УПК РФ)[10].

Аналогичные нарушения закона с точки зрения их существа, заключающиеся в игнорировании однопорядковых по своей значимости требований УПК РФ, предъявляемых к содержанию протокола следственного действия, процедуре его оформления, в других случаях не воспринимались судами как существенные (грубые) и, как следствие, не влекли признание недопустимыми оспариваемых доказательств[7].

Например, Верховный Суд РФ в апелляционном определении от 14 октября 2015 года по уголовному делу N 33-АПУ15-20 по обвинению Л. в совершении преступлений, предусмотренных пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105, пп. «а», «в» ч. 3 ст. 158, ч. 1 ст. 222 УК РФ, ч. 3 ст. 327 УК РФ, признал протокол осмотра места происшествия допустимым доказательством, несмотря на то, что он был составлен неуполномоченным лицом - следователем А., который не принимал дело к производству, в нем имелись неоговоренные исправления, протокол не был подписан экспертом, а в качестве понятых были привлечены лица, заинтересованные в исходе дела. Производство осмотра места происшествия следователем А. по поручению следователя О., удостоверение экспертом и понятыми факта своего участия в рассматриваемом следственном действии явились, как посчитал Верховный Суд РФ, основанием для признания протокола осмотра места происшествия допустимым доказательством. Кроме того, вывод о допустимости сделан Верховным Судом РФ и применительно к протоколу осмотра жилища от 2 мая 2012 года, допустимость которого также оспаривалась в рамках данного уголовного дела. Невзирая на то, что осмотр был проведен без получения судебного разрешения, в протоколе осмотра, в нарушение ст. 166 УПК РФ, не был отражен факт участия в нем потерпевшей С., не описано количество и расположение комнат, не отражено, какие предметы изъяты и каким образом они предъявлялись участникам следственного действия, Верховный Суд РФ, фактически уклонившись от оценки оспариваемого протокола на предмет его допустимости, мотивировал свое решение следующим образом: «Не имел суд оснований и для признания недопустимым доказательством протокола осмотра жилища Л. от 2 мая 2017 года, произведенного 2 мая 2017 года до возбуждения уголовного дела органом дознания в пределах своей компетенции в связи с проверкой сообщения о преступлении, поступившего 2 мая 2017 года в 51 отдел полиции от Б., участие которого в осмотре не противоречит закону»[8].

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) в апелляционном определении от 24 декабря 2014 года по уголовному делу N 22-1968 признала допустимыми протоколы допроса свидетелей Н. от 27 января 2012 г. (т. 9, л. д. 148-152), Б. от 27 января 2012 г. (т. 9, л. д. 143-147), Ц. от 29 января 2012 г. (т. 9, л. д. 196-198), несмотря на то, что все указанные следственные действия были проведены следователем Э., не входившим в состав следственной группы. Поскольку протоколы были составлены с соблюдением требований ст.ст. 187, 189 и 190 УПК РФ и по содержанию не противоречили другим собранным по уголовному делу доказательствам, суд не признал существенным нарушением получение показаний ненадлежащим субъектом[5].

Анализ действующего законодательства (ст.ст. 75, 88, 164, 166, 167, 182, 193, 202, 235 УПК РФ), разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и конкретных примеров из судебной практики позволяет высказать суждение о том, что у судов отсутствуют четкие критерии признания оспариваемых

доказательств допустимыми или недопустимыми. Среди ученых-процессуалистов также нет единства в разрешении рассматриваемого вопроса. Так, В.М. Савицкий считал, что всякое нарушение закона делает доказательство недопустимым. Другие авторы допустимость доказательств ставят в зависимость от возможности восполнения пробелов и «нейтрализации» последствий допущенных нарушений. Третьи - связывают признание доказательств недопустимыми с существенностью допущенных нарушений в том контексте, как ныне это понимается в. ст. 389.17 УПК РФ[4]

Полагаем, что в каждом конкретном случае необходимо учитывать, насколько допущенные при производстве того или иного следственного действия нарушения являются существенными с точки зрения их несоответствия принципам уголовного судопроизводства, требованиям уголовно-процессуальной формы, закрепленным в УПК РФ, правам заинтересованных участников процесса и другим процессуально значимым факторам[3].

Исследуя в системном единстве выявленные нарушения, полагаем, что отсутствие подписи должностного лица в протоколе обыска является существенным нарушением требований уголовно-процессуальной формы (ч. 7 ст. 166 УПК РФ), влекущим его непригодность для последующего использования в процессе доказывания. На существенность подобного рода нарушений указывает п. 10 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, в котором в качестве безусловного основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке выступает отсутствие подписи судьи (судей) на соответствующем судебном решении. Не имея легальной копии протокола обыска, Д. был лишен возможности обжаловать законность производства обыска, как следствие, не мог в полной мере реализовать закрепленное в ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту[2].

По результатам исследования спорных вопросов признания уголовно-процессуальных доказательств недопустимыми приходим к следующим выводам:

1. Критерием, положенным в основание для принятия решения о недопустимости доказательств, должна являться существенность нарушений требований закона, допущенных при производстве конкретного следственного действия.

2. О существенности подобного рода нарушений необходимо судить по тому, насколько они ограничивают права заинтересованных участников процесса, противоречат требованиям уголовно-процессуальной формы и другим процессуально значимым факторам, блокируют возможность полноценной реализации принципов уголовного судопроизводства.

3. Принимая во внимание тот факт, что судебная практика по вопросу о признании доказательств недопустимыми складывается неоднозначно, считаем необходимым внести изменения в текст вышеупомянутых постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. и от 5

марта 2004 г. и в качестве существенных, безусловно влекущих признание доказательств недопустимыми, указать нарушения общих правил производства следственных действий, закрепленных в ст.ст. 164-170 УПК РФ (отсутствие подписи должностного лица в протоколе следственного действия, несоответствие схемы и фототаблицы тексту протокола следственного действия, невручение копии протокола следственного действия надлежащему субъекту, несоответствие копии протокола следственного действия его оригиналу и др.)[6].

4. Данный перечень следует оставить открытым, поскольку не исключается, что в уголовно-процессуальное законодательство будут вноситься изменения, касающиеся общих правил производства следственных действий[1].

Список литературы

1. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д, 2017.
2. Савицкий В.М. Перед судом присяжных: виновен или невиновен? М., 2016.
3. Пашин С.А. Доказательства в российском уголовном процессе. Состязательное правосудие. Труды научно-практических лабораторий. М., 1996. Ч. 2.
4. Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. М., 2010.
5. Некрасов С. В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 2004.
6. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 (в ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». Бюллетень Верховного суда РФ. 1996. № 1.
7. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2018. С. 79.
8. Семенцов В. А. Уголовно-процессуальное право. Часть общая: Курс лекций. Екатеринбург, 2018. С. 46.
9. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. - 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017.
10. Уголовно–процессуальное право: практикум: учебное пособие / Н. А. Колоколов и др. – Москва: ЮНИТИ–ДАНА, 2017. – 663 с
11. Юридический энциклопедический словарь. М., 2017. С.209.
12. Уголовный процесс. Проблемные лекции: учебник / А. С. Александров и др. – Москва: Юрайт, 2018. – 799 с.
13. Уголовный процесс: учебное пособие / И. И. Сыдорук и др. – Москва: ЮНИТИ–ДАНА , 2017.– 447 с.

14. Уголовный процесс: учебное пособие / О. А. Антонова, Е. Н. Котов. – Минск: Беларусь, 2017. – 262 с.

15. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 05.03.2004 № 1 (в ред. от 09.02.2012) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Бюллетень Верховного суда РФ. 2004. № 5.

О РАСШИРЕНИИ ОСНОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ «СОДЕЙСТВИЕ В РОЗЫСКЕ ИМУЩЕСТВА, ДОБЫТОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Епихин А.Ю.
доктор юридических наук, профессор
e-mail: doc@epihin.ru

Тагиров А.Н.
аспирант кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации;
руководитель отдела по рассмотрению обращений, приему граждан
и документационному обеспечению следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации
по Республике Татарстан; подполковник юстиции;
Заслуженный юрист Республики Татарстан
e-mail: shadi@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрено такое основание (условие) заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в досудебном производстве как содействие подозреваемого, обвиняемого в розыске имущества, добытого преступлением. Предлагается расширить данное основание в целях повышения эффективности противодействия организованной преступности и коррупции, а также обеспечения гражданского иска и имущественных взысканий по уголовному делу.

Ключевые слова: *розыск имущества, добытого в результате преступления; досудебное соглашение о сотрудничестве; противодействие организованной преступности и коррупции; обеспечение гражданского иска и имущественных взысканий по уголовному делу.*

Epikhin A.Yu.
Doctor of Law, Professor
e-mail: doc@epihin.ru

Tagirov A.N.
Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation;
Head of the department for the consideration of complaints, the reception of citizens
and documentation support for investigative management
Investigative Committee of the Russian Federation
in the Republic of Tatarstan; lieutenant colonel of justice;
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan
e-mail: shadi@rambler.ru

Abstract. In the article author analyses defendants (suspects) assistance in searching property obtained by a crime as a ground of plea bargain. It is proposed to expand that ground in order to increase efficiency of combating corruption and organized crime, and to ensure a civil claim and asset recovery in a criminal case as well.

Key words: *searching property obtained by a crime; plea bargain; combating corruption and organized crime; ensuring a civil claim and asset recovery in a criminal case.*

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, введенный Федеральным законом от 29.06.2009 N 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1], существует в уголовном процессе Российской Федерации уже почти 10 лет и это достаточный срок, чтобы обратиться к практике и результатам его применения.

Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения[2].

Как указывалось в пояснительной записке к проекту указанного закона[3], соответствующие изменения были направлены на расширение возможностей влияния уголовного и уголовно-процессуального законодательства в противодействии организованной преступности, коррупции, расследовании деятельности преступных сообществ (преступных организаций), члены которых, как правило, отказываются от дачи показаний о преступной деятельности соучастников и организаторов преступлений.

Действительно, практика работы следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан показывает, что такого рода соглашения имеют место по уголовным делам об организованной преступной деятельности и коррупции. Так, за период 2013-2017 годов заключено 67 досудебных соглашений о сотрудничестве (далее –

соглашения), из которых почти 80% (53) – по уголовным делам, находившимся в производстве отделов по расследованию особо важных дел, имеющих соответствующую юрисдикцию[4].

В этом плане примечательно мнение практиков о непосредственной корыстной направленности организованной преступности самых разных форм (например, хищение нефтепродуктов, распространение наркотиков, контрабанды антиквариата, убийств по найму и т.д.): «Где есть деньги, там всегда есть организованные преступные группы. С другой стороны, эти же деньги ОПГ и губят»[5].

Очевидно, что главная цель организованной преступности заключается именно в получении криминального дохода.

Так, например, отмечается, что банды совершают преступления, в основном по мотиву корысти[6].

Характерен пример об «антикриминальной зачистке» в г.Набережные Челны[7], где наиболее полно была представлена криминальная жизнь организованных преступных формирований, включающая финансовую и экономическую стороны. Так, по оценкам органов внутренних дел по состоянию на 1994 год в этом городе было учтено 6 преступных группировок, под контролем которых находилось до 95% коммерческих предприятий. Членами группировок совершался целый спектр преступлений, среди которых преобладали вымогательства и разбои, хищения автомашин, оборот наркотиков и оружия, а также криминальный бизнес, паразитирующий на производственной деятельности «КамАЗа», уклонение от налогов, оказание давления на руководителей организаций для заключения невыгодных сделок[8].

Полагаем, что в том числе необходимость подрыва экономических основ организованной преступности повлияла на включение законодателем содействия в розыске имущества, добытого в результате преступления, в перечень оснований (условий) заключения соглашений.

В этой связи стоит подробнее остановиться на понятии «имущество, добытое в результате преступления», поскольку в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»[9] и в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам»[10] не раскрывается суть данного термина.

Кроме Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации этот термин однократно упоминается в Уголовном кодексе Российской Федерации – в контексте обстоятельств, смягчающих наказание (п.п. «и» ч. 1 ст. 61). В то же время в УК РФ встречаются такие обороты как «имущество, добытое преступным путем» (ст. 175 «Приобретение или сбыт имущества,

заведомо добытого преступным путем») и «имущество, приобретенное преступным путем (ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем»; ст. 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»).

В этой связи возникает вопрос об идентичности перечисленных выше терминов. Если ориентироваться на ст. 175 УК РФ, то имуществом, добытым в результате преступления, может быть только предмет преступления и следственно-судебная практика подтверждает этот вывод.

Например, обвиняемый в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 209, п.п. «а», «б» ч. 4 ст. 162, п.п. «а», «б» ч. 4 ст. 226, ч. 3 ст. 222, ч. 1 ст. 228 УК РФ УК РФ, в ходе предварительного следствия сообщал о времени и обстоятельствах создания банды, организованной группы для разбоя, совершения других преступлений, о своем и других соучастников роли в них, показал место затопления похищенного автомобиля, что послужило основанием для удовлетворения его ходатайства о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве[11].

Обвиняемый в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст.159 УК РФ, ч.3 ст.159 УК РФ, ч.3 ст.159 УК РФ, ч.3 ст.159 УК РФ, ч.3 ст.159 УК РФ, ч.3 ст.159 УК РФ, обязался (в том числе) сообщить информацию о местонахождении похищенных денежных средств, которые распределялись между лицами участвующими в преступлении лицами (каким образом денежные средства обналичивались, кем, каким образом распределялись денежные средства между участниками, куда были потрачены)[12].

Судебная практика по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств также подтверждает вывод об отождествлении имущества, добытого в результате преступления, с предметом преступления.

Например, обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ст.30 ч.3, 228.1 ч.4 п. «г» УК РФ, дал полные и подробные признательные показания (в том числе) о местонахождении тайника с наркотическим средством, что позволило обнаружить и изъять его[13].

Обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30, п. «г» ч.4 ст.228.1 УК РФ, в рамках соглашения (в том числе) указал в ходе осмотра места происшествия места закладок и тайников с наркотическим средством, которые были изъяты[14].

Вместе с тем, возникают сомнения относительно возможности признания наркотических средств (как предмета преступления) имуществом, добытым в результате его совершения, и такое содействие обвиняемого фактически подпадает под категорию содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления.

При этом случаи заключения соглашения, в соответствии с которым обвиняемый обязуется оказать содействие в розыске имущества, добытого в результате преступления встречаются не так часто. Так, изучением приговоров данной категории методом сплошной выборки показало, что

только в 6% случаев (3 приговора из 50) подсудимым оказывалось содействие следствию в розыске имущества, добытого в результате преступления (хищения) и во всех случаях это являлось лишь дополнительным основанием заключения соглашения (примеры приведены выше).

Таким образом, применение рассматриваемого основания заключения соглашений носит достаточно узкий характер и не соответствует целям борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом, устранению участников преступных группировок из сферы экономических отношений.

Именно поэтому имеется необходимость в пересмотре названного оснований и его расширения в целях более активного применения на практике.

В этой связи обращает на себя внимание формулировки международных договоров Российской Федерации. Так, в статьях 7, 20 Договора между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче (подписан в г. Анкаре 01.12.2014)[15] имеется указание на «доходы, полученные в результате преступной деятельности», что является более широким понятием по сравнению с «имуществом, добытым в результате преступления» и не связано исключительно с доказыванием по уголовному делу.

Также ранее нами отмечалось несовершенство законодательства по вопросу об обеспечении возмещения вреда, причинённого преступлением[16]. Так, толкование п. 38 ст. 5, ст. 160.1 УПК РФ, ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[17] позволяет сделать вывод о том, что установление имущества как меры по обеспечению гражданского иска возложено исключительно на орган предварительного расследования.

Частью решения названной проблемы является расширение оснований заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, которые могут быть дополнены содействием не только в розыске имущества, добытого в результате преступления, но и содействием в установлении:

– имущества других соучастников преступления либо лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда;

– доходов, полученных в результате преступной деятельности.

Полагаем, что соответствующие изменения в главу 40.1 УПК РФ будут более полно отражать назначение института досудебного соглашения о сотрудничестве, а также способствовать повышению эффективности деятельности по обеспечению гражданского иска и имущественных взысканий по уголовным делам.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.06.2009 N 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства. – 2001. – N 52 (ч. 1). – ст. 4921.

3. Пояснительная записка к законопроекту № 485937-4 [Электронный ресурс]. – URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=485937-4.

4. Статистические сведения следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан.

5. Интервью заместителя председателя Верховного Суда Республики Татарстан М.В. Беляева от 13.11.2018 в деловой электронной газете Татарстана «Бизнес-Онлайн» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.business-gazeta.ru/article/402267.

6. Багаутдинов Ф.Н., Беляев М.В. Бандитизм: актуальные проблемы расследования и судебного рассмотрения. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. – С. 33.

7. Нафиков И.С. Теневая экономика и организованная преступность в условиях крупного города. – Казань: Познание, 2012. – С. 144.

8. Яковлева И.Н. Перейти Рубикон. Хроники разгрома челнинских преступных банд. – Набережные Челны: Идел-Пресс, 2011. – С. 36-37.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». – № 9, сентябрь, 2012.

10. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // «Законность». – № 6. – 2010.

11. Приговор № 2-18/2018 от 28 мая 2018 г. по делу № 2-18/2018 Верховного Суда Республики Дагестан // http://sudact.ru/regular/doc/ipRzDXNNJ0H4/.

12. Приговор № 1-82/2018 1-820/2017 от 27 февраля 2018 г. по делу № 1-82/2018 Центрального районного суда г. Новокузнецка (Кемеровская область) // http://sudact.ru/regular/doc/oii0QfzwKXYP/.

13. Приговор № 1-31/2018 от 26 февраля 2018 г. по делу № 1-31/2018 Красноперекопского районного суда г. Ярославля (Ярославская область) // http://sudact.ru/regular/doc/empNeqpOkPQj/.

14. Приговор № 1-83/2018 от 22 февраля 2018 г. по делу № 1-83/2018 Егорьевского городского суда (Московская область) // http://sudact.ru/regular/doc/RmRWuaGhedlV/.

15. Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче (подписан в г. Анкаре 01.12.2014) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

16. Тагиров А.Н. Проблемы розыска и установления имущества при расследовании преступлений // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 118-124.

17. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 06.07.2016) // Российская газета. – № 160. – 1995.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Епихин А.Ю.
доктор юридических наук, профессор
e-mail: doc@epihin.ru

Шакирова А.Р.
Студентка 2 курса гуманитарно-юридического факультета
уровня подготовки бакалавр
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье отмечается значение криминологической характеристики экологической преступности для выработки и реализации адекватных профилактических мероприятий, повышения эффективности правоохранительной деятельности в этой сфере, совершенствования законодательства. Автором выявляются основные особенности экологической преступности.

Ключевые слова: *экологическая преступность, криминологическая характеристика, экологическая безопасность.*

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS ENVIRONMENTAL CRIME

Epikhin A.Yu.
Doctor of Law, Professor
e-mail: doc@epihin.ru

Shakirova A.R.
2nd year student of the Faculty of Humanities and Law

Bachelor level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The importance of the criminological characteristics of the ecological crime for developing and implementing adequate preventive measures, rising the effectiveness of law enforcement activities in this sphere, improvement of legislation is emphasized in the article. The author identifies the main features of ecological crime.

Key words: *ecological crime, criminological characteristics, ecological safety.*

Эффективная разработка и реализация мер профилактического характера невозможна без осуществления криминологической характеристики отдельных видов преступности. Под криминологической характеристикой понимается совокупность данных, характерных для определенного вида общественно опасных деяний, признаков, составляющих в своей совокупности структуру преступности.

Криминологическая характеристика составляет основу систематизации преступлений. Главной задачей подобной систематизации является выявление причин и условий возникновения того или иного вида преступности и, как следствие, поиск наиболее адекватных мер его предупреждения. Вышесказанное можно наглядно проследить на примере такого вида преступности, как экологическая.

Одним из наиболее угрожающих вызовов, с которыми столкнулась современная цивилизация в целом и Российская Федерация, в частности, является существенное ухудшение экологической ситуации. Так, более половины населения нашей страны проживают в городах, где качество атмосферного воздуха не соответствует экологическим нормативам. Согласно статистике, ежегодно более 300 тыс. человек погибают из-за неблагополучного состояния окружающей среды. К зонам экологического неблагополучия следует отнести около 15 % территории Российской Федерации, где проживают до 60 % населения страны[1, с. 5]. Практически во всех регионах сохраняется тенденция к ухудшению состояния почв и земель. Интенсивно развиваются процессы, ведущие к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и к выводу их из хозяйственного оборота. Опустыниванием в той или иной мере охвачены 27 субъектов Российской Федерации на площади более 100 млн. гектаров[2].

Среди факторов, ведущих к ухудшению экологической ситуации в стране, несомненно, следует отметить экологическую преступность.

Отечественная криминология на современном этапе оперирует различными определениями данного вида преступности. Профессор Э.Н.Жевлаков считает, что экологическая преступность ─ это относительно массовое социально-правовое явление, выражающееся в совокупности

экологических преступлений, посягающих на отношения в сфере охраны окружающей среды, экологическую безопасность, экологические права граждан, защищаемые Конституцией РФ, причиняющие или способные причинить вред окружающей среде и здоровью человека[3, с. 182].

Е.Г.Клетнева полагает, что экологическая преступность — это общественно опасное, сопряженное с экологическим риском и/или влекущее вред окружающей среде и представляющее угрозу экологической безопасности общества, относительно массовое и устойчивое, социально-правовое и психологически обусловленное явление, подрывающее биологические основы жизни всего живого на Земле[4, с. 9].

Экологическая преступность — негативное социально-правовое явление, слагающееся из совокупности преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие защищённость природной среды и жизненно важных интересов человека и общества и причиняющих или создающих угрозу причинения экологического, личного (неимущественного) и (или) имущественного вреда, совершенных за конкретный период на определённой территории[5, с. 5].

Несмотря на имеющиеся отличия в подходах, авторы сходятся в том, что рассматриваемый вид преступности представляет существенную угрозу экологической безопасности страны. Серьёзность этой угрозы подтверждается тем, что законодатель счёл необходимым выделить экологические преступления в отдельную группу и посвятить им целую главу Уголовного кодекса РФ, включающую 18 статей.

Криминологическая характеристика любого вида преступности начинается с оценки его количественно-качественных показателей.

Анализ уголовно-правовой статистики последних десяти лет показывает, что доля зарегистрированных экологических преступлений в общей структуре преступности составляет в среднем 1,3 %.

Выявленные экологические преступления распределяются следующим образом: незаконная рубка лесных насаждений (47,3 %), незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (41 %), уничтожение или повреждение лесных насаждений (6,1 %), незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (3,6 %) и незаконная охота (3,3 %)[6].

Вместе с тем, необходимо признать, что не все статьи главы 26 Уголовного кодекса РФ востребованы в практической деятельности правоохранительных органов. Статистические данные свидетельствуют об отсутствии возбужденных уголовных дел по таким статьям как ст. 248 УК РФ «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами», ст. 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования

недр», ст. 259 УК РФ «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации».

По-прежнему крайне незначительно количество уголовных дел (от одного до двадцати четырех в год в масштабах всей Российской Федерации) возбуждается по таким статьям, как ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», ст. 250 УК РФ «Загрязнение вод», ст. 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы», ст. 252 УК РФ «Загрязнение морской среды», ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации»[7, с. 28].

Экологическая преступность, так же как и любой другой её вид, имеет свои отличительные черты.

Во-первых, специфика экологической преступности проявляется в повышенном уровне общественной опасности деяний. Дело в том, что при совершении отдельного вида указанных преступлений (например, посягающих на животный мир) причиняется вред окружающей среде в целом вследствие грубого вмешательства в процессы, происходящие в природной среде. Нарушение экологических взаимосвязей влечёт за собой утрату экологического равновесия с трудно предсказуемыми тенденциями развития и отдаленными последствиями[8, с. 94]. Кроме того, по мнению О.Г. Станкевич, экологический вред имеет свойство приобретать потенциальный (накапливаемый) характер, который будет проявляться спустя определённое время. Общественная опасность экологической преступности заключается в низком уровне возмещения причинённого вреда путем использования уголовно-правовых методов. К примеру, штраф, выплаченный за совершение экологического преступления, не может возместить ущерб, нанесенный природе и человеку[9].

К сожалению, недооценка степени общественной опасности экологических преступлений наблюдается на законодательном уровне, свидетельством чего может служить ныне действующая редакция Уголовного кодекса РФ. В частности, заслуживает внимания отнесение того или иного состава преступления к различным категориям по такому критерию (используемому в качестве основного), как их общественная опасность. В настоящее время в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления» содержится 18 статей, включающих 41 состав. Из них 26 составов — это преступления небольшой тяжести, 10 — средней тяжести, и лишь 5 составов — тяжкие преступления. Таким образом, составов, содержащих признаки особо тяжких преступлений, в гл. 26 Уголовного кодекса РФ нет. Законодатель относит подавляющее большинство предусмотренных в Уголовном кодексе Российской Федерации экологических преступлений к преступлениям небольшой тяжести.

Во-вторых, экологические преступления отличаются от других спецификой своего объекта, включающего такие признаки, как предмет преступления и потерпевший от преступления. Особенность предмета

экологического преступления заключается в том, что зачастую он может носить невосполнимый характер. Примером может служить ничтожно малая численность отдельных представителей животного мира, отнесённых к предмету преступления, предусмотренного ст. 258.1 Уголовного кодекса РФ. Так, на настоящий момент в живой природе сохранилось всего около 80 особей дальневосточного леопарда, около 500 амурских тигров[10, с. 69]. В таких условиях ущерб, нанесённый указанным преступным деянием экосистеме, необратим и состоит в полной утрате человечеством того или иного биологического вида, нарушении природного баланса.

Экологические преступления отличаются от преступлений других видов гораздо более широким кругом потерпевших. В этом они порой приближаются по своей общественной опасности к преступлениям против мира и безопасности человечества, предусмотренным гл. 34 Уголовного кодекса РФ. К примеру, если от кражи чужого имущества (ст. 158 Уголовного кодекса РФ) страдает конкретное лицо либо весьма ограниченный круг лиц, то экологические преступления (например, ст. 251 Уголовного кодекса РФ) причиняют вред неопределенной общности индивидов, насчитывающей порой десятки тысяч человек. При этом часто эти люди даже не осознают того, что стали потерпевшими от экологических преступлений.

В-третьих, экологические преступления имеют свою сильно выраженную специфику с точки зрения таких признаков объективной стороны, как время и место совершения преступления.

Весьма вероятно, что момент совершения экологического преступления и наступления его последствий могут быть разделены длительным промежутком времени. Последствия этих преступных деяний могут затронуть интересы будущих поколений. В этом кроется особая опасность экологических преступлений. Например, при нарушении правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247 Уголовного кодекса РФ) осязаемый вред может проявиться спустя много лет или даже десятилетий.

Кроме того, специфической особенностью экологических преступлений является возможность наступления вредных последствий не в месте непосредственного совершения преступления, а в другой географической точке, возможно, находящейся на весьма значительном расстоянии. Хрестоматийным примером служит авария на Чернобыльской АЭС, произошедшая 26 апреля 1986 г. Катастрофические последствия радиоактивного заражения тогда испытало на себе население значительного числа стран Западной Европы. Таким образом, имеет смысл говорить о трансграничном характере экологической преступности, что неизбежно порождает целый комплекс коллизий как внутригосударственного законодательства ряда государств, так и норм международного права.

В-четвёртых, существенной особенностью экологической преступности является высокий уровень латентности, который, по мнению ряда ученых, составляет 95-99 %. По данным исследований, проведенных учеными-

криминологами, количество фактически совершенных преступлений, предусмотренных ст. 256 Уголовного кодекса РФ, почти в 30 раз превышает количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных этой статьей. А количество преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ — более чем в 40 раз[11, с. 451, 459]. Латентность способствует формированию у преступников представления об их абсолютной безнаказанности. Как известно, безнаказанность порождает повторяемость. На наш взгляд, причинами латентности экологической преступности являются несовершенство законодательства, низкая экологическая культура населения, коррупция, сокращение численности сотрудников правоохранительных органов.

В-пятых, немаловажной особенностью этого вида преступности является его динамичный характер. Регулярно появляются новые виды преступлений, так или иначе связанных с неблагоприятными последствиями для окружающей среды. К примеру, незаконная добыча полезных ископаемых[12], экологический терроризм[13, с. 9], биоцид[9], экологическая контрабанда[14] и др. Эта особенность порождает необходимость уголовно-правового реагирования на новые вызовы экологической безопасности общества и государства, выработки эффективных мер профилактики этого вида преступности.

В-шестых, экологическая преступность, как ни один другой вид преступности, демонстрирует свою зависимость от территориального месторасположения и природных условий различных субъектов Российской Федерации. К примеру, согласно проведенным исследованиям, в Сибирском федеральном округе, богатом лесными ресурсами, ежегодно отмечается рост числа преступлений, связанных с незаконной добычей древесины[15, с. 18]. Регионы традиционного рыбного промысла на Камчатке, Дальнем Востоке, в Республике Дагестан, Волгоградской и Астраханской областях одновременно являются местами рыбного браконьерства в промышленных масштабах. С другой стороны, самые низкие показатели регистрации экологических преступлений фиксируются в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии.

Рассматривая территориальный аспект экологической преступности, следует учитывать такой немаловажный фактор, как отношение к ней региональных властей и правоохранительных органов, которые нередко не видят в экологической преступности реальной угрозы для общественной безопасности, считают борьбу с ней второстепенной задачей. По очевидным и вполне понятным причинам их внимание сосредоточено на преступлениях против личности, защите экономических интересов государства, предупреждении угрозы терроризма, борьбе с различными формами экстремизма. При всей важности и актуальности перечисленной проблематики, по мнению автора, экологическим преступлениям должно уделяться гораздо большее внимание.

Как совершенно верно отмечает профессор Э.Н. Жевлаков, данные уголовно-правовой статистики отражают скорее уровень реагирования правоохранительных органов на экологическую преступность, чем реальное состояние дел с данным видом преступности[16, с. 853].

Экологическая преступность наносит невосполнимый вред интересам общества, нарушает гарантированное Конституцией РФ право каждого на благоприятную окружающую среду, понижает уровень безопасности общества и государства[17]. Безусловно, экологическая преступность имеет целый ряд отличительных особенностей, которые позволяют обособить её в отдельный вид преступности. В свою очередь, криминологическая характеристика экологической преступности способствует выработке и реализации адекватных профилактических мероприятий, повышению эффективности правоохранительной деятельности в этой сфере, совершенствованию законодательства[18].

Казанской межрайонной природоохранной прокуратурой проведен анализ состояния экологической преступности на территории Республики Татарстан за истекший период 2018 года. За 10 месяцев 2018 года согласно данным информационного центра МВД по Республике Татарстан зарегистрировано 194 экологических преступления, к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений привлечено 123 виновных лица. Анализ статистических данных показал, что на территории, поднадзорной Казанской межрайпрокуратуре, большую часть экологических преступлений составляют преступления о незаконной добыче водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) более 68%, что связано в первую очередь с наличием большого количества водных объектов на территории республики. Уголовные дела о незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) составляют почти 21% от общего количества зарегистрированных экологических преступлений. Доля уголовных дел о преступлениях, связанных с осуществлением незаконной охоты (ст. 258 УК РФ), составляет около 7%. Доля иных экологических преступлений, зарегистрированных за 10 месяцев 2018 года, составляет менее 2 % (ст.ст. 246, 247 и 261 УК РФ). В то же время в истекшем периоде на территории региона произошло снижение уровня преступности почти на 9 % в сравнении с аналогичным периодом 2017 г., однако количество зарегистрированных экологических преступлений в Республике увеличилось почти на 16 %.

Список литературы

1. Попов И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения: дис. ... докт. юр ид. наук. Екатеринбург, 2014.

2. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 9. - Ст. 927.

3. Жевлаков, Э.Н. Экологические преступления. - М., 2002.
4. Клетнёва Е.Г. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия и предупреждение: автореф. дис..... канд. юрид. наук. - Казань, 2007.
5. Зябликова М.В. Региональные особенности экологической преступности на Северо-Востоке России: автореф. дис..... канд. юрид. наук. - М. 2013.
6. Туктарова И.Н., Кузнецова, Н. И. К вопросу об уголовной ответственности за экологические преступления II Экологические правонарушения и юридическая ответственность. Состояние и эффективность охраны окружающей среды в России. Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского союза: состояние и эффективность: сборник науч. статей. - Саратов, 2016. - С. 128-130.
7. Кузнецова Н.И. «Мертвые» нормы главы 26 Уголовного кодекса РФ «Экологические преступления» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2016. - № 2 (44). - С. 28-30.
8. Браташова Н.И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере охраны животного мира: дис канд. юрид. наук. - Саратов, 2011.
9. Станкевич О.Г., Вегера И.В., Ремнёва Т.Н. Криминологические особенности экологической преступности II Вестник Полоцкого государственного университета. - 2013. - № 6. С. 179-183.
10. Арамилев С.В. Повышение эффективности охраны амурского тигра и иных особо ценных диких животных II Охрана объектов животного мира: правовые и организационные аспекты: сборник науч. трудов / под общ. ред. А.Ю. Виноградова. - М.: Ритм, 2016. - 240 с.
11. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С. М. Иншакова. - М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2012. - 839 с.
12. Кузнецова Н.И. Незаконная добыча полезных ископаемых: проблемы квалификации II Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2015. - № 1 (39). - С. 19-22.
13. Тисленко Д.И. Экологический терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2012.
14. Розумань И.В. К вопросу об уголовной ответственности за контрабанду животных и растений в свете последних изменений УК РФ // Закон и право. - 2015. - № 7. С. 120-123.
15. Дицевич Я.Б. Криминологическая характеристика и предупреждение экологической преступности (по материалам Восточно-Сибирского региона): дис. ... канд. юрид. наук. - Иркутск, 2009.
16. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: Инфра-М, 2010.

17. Алексеев С.Л., Сергеева Ю.С., Шайдуллин Р.Н. Роль антикоррупционного образования по предупреждению коррупционных проявлений в сфере экологии // Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Н.В. Хураськина, 2017. -744 с. -С. 16-27.

18. Алексеев С.Л. Криминология и превентивно-педагогическая подготовка будущих офицеров / под ред. Ю.М. Кудрявцева. Казань: ИТЦ АСО, 2013. 186 с.

РАССМОТРЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ

Закиров С.Г.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
АНО ВО «Академия социального образования»

Хаплехамитов Р.Б.
канд.истор. наук

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению судебной практики о преступлениях, связанных с незаконным проникновением в жилище. Обозначены и выявлены основные проблемы. Проведен анализ, и зафиксирована статистика преступных действий в области хищения чужого имущества.

Ключевые слова: *жилище, проникновение, хищение, кража.*

CONSIDERATION OF JUDICIAL PRACTICE ON CRIMES ASSOCIATED WITH ILLEGAL IMPLICATION IN HOUSING

Zakirov S.G.
Cand. legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
ANO VO "Academy of Social Education"

Khaplehamitov R.B.
Cand history sciences

Abstract. The article is devoted to the consideration of judicial practice on crimes related to illegal entry into a dwelling. Explicit and identified obvious problems. In detail, the statistics of criminal acts in the field of embezzlement of someone else's property were carried out and recorded.

Key words: *dwelling, penetration, theft, theft.*

Важнейшим конституционным правом человека и гражданина является право на неприкосновенность жилища. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (ст.25 Конституции РФ)[1]. За незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, предусмотрена ответственность по ст.139 УК РФ[2]. Судебная практика показывает значительный рост числа лиц, осужденных за совершение данных преступлений.

Среди причин, вызывающих рост числа вышеуказанных преступлений в настоящее время, можно назвать:

– общее снижение правовой культуры граждан,

– неуважительное отношение к правам и свободам других лиц,

– обесценивание межличностных отношений,

– правовую безграмотность и правовой нигилизм.

Как показывает судебная практика, многие лица, привлеченные к ответственности, плохо понимают, что совершают преступление, вторгаясь в чужое жилище, например, к должникам с целью возврата долга, во время бытовых ссор, в процессе выяснения отношений между бывшими супругами, сожителями, знакомыми и по другим, как им кажется, «уважительным причинам».

Так, Новиков В.В. был осужден мировым судьей судебного участка № 46 Чернского района Тульской области за то, что, находясь в состоянии алкогольного опьянения, пришел к входной двери квартиры, в которой проживала его знакомая Я., с целью поговорить с находившейся в квартире Х. Постучал в дверь, но ему никто не открыл. После чего с силой дернул ручку входной двери, в результате чего сломался внутренний засов, и дверь открылась. Затем Новиков В.В. незаконно проник через дверной проем внутрь квартиры, нарушив право Я.В. на неприкосновенность жилища. Действия Новикова В.В. были квалифицированы по ч.1 ст.139 УК РФ.

Другой пример: Романов А.Н., будучи в состоянии алкогольного опьянения, решил проникнуть в жилище бывшей сожительницы, чтобы поговорить с ней. С этой целью он стал громко стучать в дверь ее квартиры. Потерпевшая отказалась пустить Романова в свое жилище. Продолжая свои действия, он разбил стекло и через оконный проем незаконно проник в квартиру. Действия Романова были квалифицированы по ч. 1 ст.139 УК РФ. Общая характеристика состава преступления, предусмотренна ст. 139 УК РФ.

Объективная сторона преступления характеризуется незаконным проникновением в жилище, то есть совершенным против воли проживающего в нем лица либо в нарушение установленного законом или судебным решением порядка проникновения в жилище. Проникнуть в жилище означает попасть внутрь (войти в пределы жилища), получить доступ для этого (взломать запор, открыть дверь похищенным, подобранным

или изготовленным ключом, разбить или вскрыть запертое окно, сделать пролом в стене и т.п.). Способы проникновения могут быть как открытыми, так и тайными. Пункт 10 ст. 5 УПК Российской Федерации определяет понятие жилища применительно к целям уголовно-процессуального регулирования производства различных следственных и иных процессуальных действий, жилище – это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания.

Согласно примечанию к ст. 139 УК Российской Федерации, устанавливающей ответственность за нарушение неприкосновенности жилища, под жилищем в этой статье, а также в других статьях Уголовного кодекса Российской Федерации понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания. При определении признаков жилища следует отличать помещения, предназначенные для постоянного или временного проживания, от помещений, приспособленных для временного проживания.

Не является жилищем, например, складское, подвальное, чердачное или иное помещение, приспособленное бездомным для его проживания.

С учетом того, что преступлением, предусмотренным в ст.139 УК РФ, нарушаются конституционные права граждан на неприкосновенность их жилища, проникновение в помещение, хотя и предназначенное для постоянного или временного проживания (пустующую квартиру в новом доме), хотя бы и принадлежащее кому-либо на правах собственности, не может квалифицироваться по ст.139 УК. Существенным признаком помещения как жилища является использование его в вышеуказанном качестве.

Незаконным является такое проникновение в жилище, которое совершается помимо воли проживающих в нем лиц (за исключением случаев, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения). Нарушение неприкосновенности жилища при наличии в этих действиях признаков самоуправства должно квалифицироваться по совокупности преступлений.

Способ незаконного проникновения в жилище может быть любым и не влияет на квалификацию деяния. Незаконным будет проникновение в жилище не только в тех случаях, когда открыто, игнорируется согласие, но также, если оно осуществляется путем обмана, например путем предъявления подложного документа на проведение обыска.

Преступление признается оконченным с момента незаконного проникновения в пределы жилища, независимо от продолжительности нахождения в нем. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, то есть виновное лицо сознает, что нарушает неприкосновенность жилища, и желает этого. Мотив преступления не влияет на квалификацию деяния по ст. 139 УК РФ. При рассмотрении уголовных дел судьям надлежит выяснять, где зарегистрирован и фактически проживает подсудимый, не проживает ли он в жилом помещении, не находится ли в нем, принадлежащее ему имущество, и т.д. Субъект преступления – лицо, достигшее 16-летнего возраста. Квалифицирующий признак ч.2 ст.139 УК – применение насилия или угрозы его применения. Этот признак определяет способ незаконного проникновения в чужое жилище: причинение побоев, вреда здоровью или применение с целью подавления сопротивления потерпевшего физической силы без побоев или причинения вреда здоровью, а также угроза совершения.

Из общего правила, содержащего запрет на проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, Конституция РФ делает два исключения. Беспрепятственное проникновение в жилище возможно в случаях, предусмотренных федеральным законом или на основании решения суда. Фактически речь идет только о случаях, предусмотренных федеральными законами. Суд может разрешить проникновение в жилище только на основании федерального закона. В частности, давая разрешение следователю на производство обыска или выемки в жилище, суд руководствуется правилами, предусмотренными УПК РФ. В Российской Федерации действует ряд таких законов[4].

По официальным данным, на долю хищений чужого имущества, совершенных путем кражи, приходится 43% от всех зарегистрированных преступных деяний. Их число за период январь-март 2013 г.составило 515 преступлений (+17,3 %).

В январе-августе 2017 года зарегистрировано 1378,9 тысяч преступлений, что на 8,2% меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

Снижение регистрируемых преступлений отмечено в 68 субъектах Российской Федерации.

Свыше 92% всех зарегистрированных преступлений выявляется органами внутренних дел, причем более 4% из них – на стадии приготовления и покушения. В январе - сентябре 2019 года зарегистрировано 1521,7 тыс. преступлений, или на 2,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Снижение регистрируемых преступлений отмечено в 37 субъектах Российской Федерации. 93,1% всех зарегистрированных преступлений выявляется органами внутренних дел, причем 4,7% из них – на стадии приготовления и покушения. Всего на этих стадиях выявлено 66,0 тыс. преступлений (+ 3,2%). Более половины всех зарегистрирован ных преступлений (52,5%) составляют хищения чужого имущества, совершённые путём кражи, мошенничества, грабежа, разбоя. Почти каждая четвёртая

кража (22,3%), каждый двадцать пятый грабёж (3,9%) и почти каждое девятое разбойное нападение (10,8%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое сорок четвёртое (2,3%) зарегистрированное преступление – квартирная кража. В январе - сентябре 2019 года их число сократилось на 11,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года[5].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. – М.: НОРМА, 2009.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 25. – ст. 2954.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – N 32. – ст. 3301.

4. Бычков В.В. Соблюдение конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при расследовании преступлений: практическая значимость // Актуальные проблемы административного, финансового и информационного права: материалы Всероссийской конференции (Ставрополь, 18-22 марта 2013 года). – Ставрополь: Параграф, 2013. – С. 213-216.

5. Рузакова О.А. Проблемы государственной регистрации в гражданском праве // Законодательство. – 2002. – № 2.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛИСТА, ОБЛАДАЮЩЕГО СПЕЦИАЛЬНЫМИ ЗНАНИЯМИ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА

Закиров С.Г.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса АНО ВО «Академия социального образования»

Андреева Д.Ю.
Студентка 3 курса гуманитарно-юридического факультета уровня подготовки бакалавр
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы взаимодействия специалиста, обладающего специальными знаниями в области строительства, и эксперта-строителя с оперативно-розыскными и следственными аппаратами правоохранительных органов и судом.

Ключевые слова: *судебная строительно-техническая экспертиза, специальные знания, преступления в сфере строительства.*

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN A SPECIALIST POSSESSING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE FIELD OF CONSTRUCTION

Zakirov S.G.
Cand. legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure ANO VO "Academy of Social Education"

Andreeva D.Yu.
3rd year student of the Faculty of Humanities and Law
Bachelor level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The article discusses the problems of interaction between a specialist with special knowledge in the field of construction and a construction expert with operational search and investigation apparatus of law enforcement agencies and the court.

Key words: *construction and technical expertise, special knowledge, crimes in the sphere of construction industry.*

Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве регламентировано не только Уголовно-процессуальном кодексом Российской Федерации (ст.ст. 57, 58 УПК РФ), но и Гражданским процессуальным кодексом РФ (ст.ст. 85, 188 ГПК РФ), Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (ст.ст. 25.8, 25.9 КоАП РФ), Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 55 АПК РФ), Налоговым кодексом Российской Федерации, Федеральным конституционным законом «О конституционном суде Российской Федерации». Так лицо, обладающее специальными знаниями в области строительства, может выступать в процессе взаимодействия со следователем (судом) как в качестве судебного эксперта, так и в качестве специалиста (в процессуальном значении этого понятия), т.е. как участник следственного (судебного) действия и как один из участников организации судопроизводства.

Согласно определению Е.И. Зуева специальные знания – это любые знания в науке, технике, искусстве или ремесле (исключая область процессуального и материального права), применяемые для разрешения вопросов, возникающих при осуществлении правосудия.

В ходе предварительного расследования преступлений в области строительства координирующую роль выполняет дознаватель, следователь, прокурор и судья. Не смотря на руководящую роль вышеуказанные лица, ответственные за ход расследования, не имеют права определять средства и методику производства строительных экспертиз и исследований.

Вместе с тем, согласно п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ, ч. 2 ст. 204 УПК РФ, ч. 2 ст. 86 ГПК РФ, п. 9 ч. 2 ст. 86 АПК РФ, п. 3 ч. 5 ст. 25.9 КоАП РФ лицо, обладающее знаниями в строительной отрасли, привлеченное в качестве специалиста или в качестве эксперта при производстве строительно-технической экспертизы, имеет право проявить личную инициативу в пределах своей компетенции.

Основные аспекты взаимодействия органов предварительного следствия и специалиста, сведущего в строительстве или эксперта-строителя, в большом объеме представлены в специальной литературе по криминалистике.

Бутырин А.Ю. предлагает термин «эксперт-строитель» и использует вышеуказанное определение лица, обладающего знаниями в строительной области с двух точек зрения – процессуальном и не процессуальном.

Под процессуальной формой участия эксперта-строителя подразумевается его привлечение органами предварительного расследования или судом, для оказания содействия в выяснении механизма совершения преступления, в проверке установленных следственных и экспертных обстоятельств, в выяснении дополнительных данных с целью разработки наиболее эффективных последующих исследований и производства строительно-технической экспертизы, а также предоставление необходимой информации и разъяснений по специальным вопросам.

Стоит отметить, что для последнего чаще привлекаются специалисты, которые оказывают помощь следователю, заключающуюся в консультации по вопросам, требующим специальные знания в области строительства. Справочные сведения и данные, полученные в ходе консультации по поставленным перед специалистом вопросам, могут, по письменному запросу следователя или суда, использоваться в качестве доказательства по делу[2].

Производство строительно-технических экспертиз включено в перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации с 27 октября 2015 года (в соответствии с изменениями, внесенными в приказ №511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»).

Ввиду небольшого опыта производства строительно-технических экспертиз органам предварительного расследования или судам на данном этапе сложно рационально организовать расследование и координировать участников следственного действия, результатом чего является большое

количество повторных и дополнительных экспертиз, а так же вызовы эксперта на допрос для разъяснения данного им заключения.

С целью наиболее эффективного взаимодействия лица, ведущего расследование преступления в строительной области с экспертом-строителем необходим постоянный деловой контакт на всех этапах следственного действия. Для формулировки вопросов, ставящихся перед экспертом-строителем, лицо ведущее расследование преступлений в строительной области может обратиться за помощью к лицу сведущему в данной области, т.е. специалисту-строителю.

Судебная строительная экспертиза (исследование) в целях проверки обстоятельств, имеющих значение для дела, а также при проверки сообщений о преступлении, может быть назначена, как при судебном разбирательстве или расследовании дела, так и до его возбуждении, и, по полученным результатам проверки, следователем принимается решение о возбуждении уголовного дела.

Законом[3] установлено, что судебную строительную экспертизу может назначать судья, следователь и дознаватель, как в ходе судебного разбирательства, так и в ходе досудебных проверок. В случае возникновения потребности у оперативного состава провести исследование, то привлекается специалист, который оформляет результаты исследования в рамках досудебной проверки не в виде экспертного заключения, а в виде справки об исследовании. Относительно уголовного судопроизводства при расследовании преступлений в строительной области лицу, ведущему расследование, предстоит решить следующие задачи:

– истребование договорной, проектно-сметной и исполнительной документации, в которой отражены виды, объемы, сроки производства строительных работ, а также первичной учетной документации (акты о приемке выполненных работ (форма КС-2) и справки о стоимости выполненных работ и затрат (форма КС-3);

– дача поручений о производстве отдельных следственных действий специалистам, имеющим на это соответствующие полномочия, например, проверка подлинности представленных документов;

– допрос участников расследования: потерпевших, представителей застройщиков, генподрядчиков, субподрядчиков, представителей надзорных органов и т.д.

Под не процессуальным взаимодействием следует понимать предоставление консультаций специалистом в письменной или устной форме, которые не имею доказательной силы, к примеру, по вопросам касающимся:

– технологии производства различных видов строительных работ, соответствия выполненных на строительном объекте работ по строительству, ремонту и реконструкции нормативно-правовым актам, строительным нормам и правилам;

– организации надзорными органами контроля этапов производства строительных работ, и также ведения первичного финансового учета;

– соответствия примененного при строительстве оборудования, материалов, конструкций и изделий проектно-сметной и нормативно-технической документации;

– структуры и организации финансово-хозяйственной деятельности строительных фирм, а также документооборота и мест хранения и архивации документов;

– методов контроля и исследования, и иных данных и сведений, имеющих значение по делу, отраженных в специальной научно-технической и методической литературе;

– вопросов, ставящихся на разрешение судебной строительно-технической экспертизы.

Помимо консультационной составляющей взаимодействие следственных органов со специалистом, обладающим знаниями в области строительства или экспертом-строителем в не процессуальной форме состоит в следующем:

– совместное рассмотрение вопросов организации исследования объектов строительной экспертизы;

– изучение объяснений и допросов участников расследования (судебного разбирательства);

– установление возможных путей решения проблем и трудностей, возникающих в ходе проведения исследования строительных объектов;

– определение методов исследования и средств, позволяющих наиболее эффективным способом исследовать строительный объект;

– совместный анализ проектно-сметной и первичной учетной документации, с целью установления возможных отклонений, в том числе от требований нормативно-технической документации, и финансовых схем «обналичивания» денежных средств, предназначенных для строительства, ремонта или реконструкции объекта строительно-технической экспертизы.

С точки зрения организации взаимодействия лица, назначившего судебную строительно-техническую экспертизу, с экспертом-строителем (специалистом), рассматривают прямое и опосредованное сотрудничество.

Прямое взаимодействие заключается в личном контакте вышеуказанных лиц в ходе сотрудничества при расследовании преступлений в строительной области, а именно:

– в ходе допроса эксперта-строителя или специалиста с целью дачи пояснений по полученным в ходе производства экспертизы результатам исследований и выводам;

– производство экспертизы в присутствии лица, осуществляющего расследование или судебное разбирательство;

– натурный осмотр строительного объекта и территории, функционально связанной с ним, являющегося объектом спора рассматриваемого в судебном порядке.

Опосредованное взаимодействие заключается в производстве судебной строительно-технической экспертизы в экспертных учреждениях. В этом случае, производство экспертизы поручается эксперту руководителем экспертного учреждения.

Вместе с тем, ввиду того, что право выбора конкретного эксперта на производство экспертизы «делегируется» руководителю экспертного учреждения, лицо, назначающее экспертизу, не может в полной мере реализовать свое право на отвод эксперта. Согласно ч. 2 ст. 199 УПК РФ, руководитель экспертного учреждения поручает производство экспертизы эксперту (нескольким экспертам) и уведомляет об этом следователя или суд.

Согласно процессуальному законодательству (ч. 2 ст. 79 ГПК РФ, ч. 3 ст. 82 АПК РФ, ч. 4 ст. 26.4 КоАП РФ) стороны по делу имеют право ходатайствовать перед органом (лицом), назначающим экспертизу, о назначении производства строительно-технической экспертизы в конкретное экспертное учреждение или конкретному эксперту[4].

Зачастую следователи или судьи, назначая экспертизу в экспертное учреждение, выбирают конкретного эксперта. Однако никаким законом такое право следователя или судьи не предусмотрено. Следователь или судья направляет в экспертное учреждение свое постановление или определение и предоставляет необходимые материалы, а руководитель данного экспертного учреждения поручает производство экспертизы конкретному эксперту или экспертам из числа работников данного учреждения[5].

Помимо этого, следователь или судья, назначая производство экспертизы в экспертное учреждение, не имеет информации о количестве уже порученных к производству экспертиз конкретным экспертам.

Таким образом, следователь или судья может выбрать конкретного эксперта, лишь в случае назначения производства экспертизы в не экспертное учреждение.

В случае возникновения необходимости назначить дополнительную экспертизу тому же эксперту, или в случае ходатайства эксперта о представлении доступа на строительный объект, с целью его натурного осмотра, или о предоставлении дополнительных материалов и документов, имеет место промежуточная форма взаимодействия.

С точки зрения времени взаимодействия, можно определить разовое взаимодействие, которое реализуется в ходе отдельного следственного действия или разовой консультации, и на неоднократное – при проведении нескольких следственных действий, таких как осмотр строительного объекта и территории функционально связанной с ним или места происшествия.

По характеру совместной деятельности взаимодействие делят на следующие виды:

– консультация сведущего лица;

– подготовка и проведение натурного осмотра строительного объекта;

– совместный анализ материалов дела с целью составления плана совместных действий, направленных на увеличение эффективности организации дальнейших действий и производства экспертизы;

– производство судебной строительно-технической экспертизы;

– участие в межведомственных совещаниях, семинарах и конференциях по обмену опытом, направленных на повышение профессиональной подготовки.

Допрос эксперта-строителя – это следственное действие, которое следователь в соответствии со ст. 205 УПК РФ, проводит с целью устранения неясности, разъяснения и дополнения экспертного заключения, при условии, что нет необходимости в дополнительных исследованиях[6].

Стоит отметить, что на практике нередко возникает проблема разграничения предмета допроса эксперта-строителя от предмета дополнительной строительно-технической экспертизы. В этой связи необходимо помнить, что согласно ч. 3 ст. 205 УПК РФ эксперт может быть допрошен только по вопросам, относящимся к предмету назначенной ему для производства экспертизы.

Таким образом, допрос эксперта не допускается до предоставления им заключения (ч. 1 ст. 205 УПК РФ), и полученные в ходе допроса эксперта сведения, являясь разъяснением данного экспертом заключения, не могут являться самостоятельным доказательством.

Однако, в соответствии со ст. 74 УПК РФ, показания эксперта являются самостоятельным видом доказательств и могут быть оценены по общим требованиям.

Отличительной особенностью показаний специалиста является то, что специалист не дает заключения и в ходе допроса высказывает своем мнение, суждение по заданным следователем или судом вопросам в соответствии со ст. 53, 168 и 271 УПК РФ.

Анализ судебной практики показал, что нередко на стадии судебного разбирательства по инициативе стороны защиты привлекаются специалисты с целью оценки строительно-технического заключения эксперта-строителя.

Допрос специалиста в вышеуказанных обстоятельствах приводит к состязательности мнений сведущих лиц – специалиста и эксперта-строителя. При этом специалист, не имевший возможности провести полное и всестороннее исследование строительного объекта в ходе натурного осмотра, лишь оценивает, не всегда правильно, заключение эксперта-строителя и может ввести суд в заблуждение.

В случае возникновения у суда сомнений в допустимости или достоверности заключения эксперта, наиболее целесообразно назначить повторную судебную экспертизу, поручив ее производство другому эксперту (экспертам).

Инициатором взаимодействия следователя, суда (судьи), дознавателя или органа дознания со сведущим в области строительства лицом могут выступать также прокурор, начальник следственного отдела (отделения),

председатель суда, осуществляющие надзор (контроль) над их деятельностью.

Список литературы

1. Бутырин А.Ю. Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы. – М., 2006. – 224 с.
2. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. – М: Проспект, 2000. –144 с.
3. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – N 23. – ст. 2291.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: НОРМА, 2005. – 655 с.
5. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М., 2006. – 479 с.
6. Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии: Учеб. пособие. – М.:БЕК, 1998. – 197 с.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН РОССИИ В ЦЕЛЯХ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД В РАМКАХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Зарипов Ф.Ф.
полковник полиции, аспирант
Удмуртского государственного университета

Аннотация. Отмечая необходимость существования в МВД Российской Федерации самостоятельных структур в виде Главного управления собственной безопасности (ГУСБ) и управления организации государственной защиты участников уголовного судопроизводства (УОГЗ,) автор статьи обосновывает необходимость сосредоточения в одном ведомстве практики обеспечения безопасности не только судей, работников органов прокуратуры, следователей Следственного комитета и МВД России, сотрудников органов дознания, но и иных должностных лиц государственных органов, а также всех других участников российского судопроизводства, с целью эффективного использования результатов ОРД при процессуальных действиях в рамках уголовных дел.

Ключевые слова: *службы обеспечения безопасности МВД России, реорганизация, уголовный процесс.*

REORGANIZATION OF SERVICES OF LAW-ENFORCEMENT BODIES ON SAFETY OF CITIZENS OF RUSSIA FOR EFFEKIVNY USE OF RESULTS OF HORDES WITHIN CRIMINAL CASES

Zaripov F.F.
police colonel, graduate student
Udmurt State University

Abstract. Noting need of existence for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of independent structures in the form of the General Administration of Internal Security (GAIS) and management of the organization of the state protection of participants of criminal proceedings (UOGZ) the author of article proves need of concentration for one department of practice of safety not only judges, employees of bodies of prosecutor's office, investigators of Investigative Committee and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, staff of bodies of inquiry, but also other officials of public authorities and also all other participants of the Russian legal proceedings, for the purpose of effective use of results of HORDES at legal proceedings within criminal cases.

Key words: *services of safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, reorganization, criminal proceedings.*

Доминантная конституционная установка о том, что «защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции Российской Федерации), вызвала жизненную необходимость разработки механизма ее обеспечения. Отправным в области уголовно-процессуальных отношений стал закрепленный в ст. 11 УПК РФ принцип, получивший наименование «охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве», составной частью которого является и вытекающий из содержания части 3 данной статьи принцип обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. В этой связи проблема обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства является предметом пристального внимания со стороны ученых.

Механизм реализации выделяемого нами уголовно-процессуального принципа обеспечивается не только нормами УПК РФ, но и такими специальными законодательными актами, как федеральные законы «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1, «О полиции» от 7.02.2011 № 3-ФЗ, «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20.04.1995 № 45-ФЗ, «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 № 119-ФЗ, Указы Президента

Российской Федерации, Постановления Правительства Российской Федерации и ведомственные акты.

Во исполнение ст. 10 Закона РФ «Об основах государственной службы в Российской Федерации» и ст. 3 Указа Президента России от 18 сентября 1995 года № 954, 18 декабря 1995 года, в структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации создается Управление собственной безопасности (УСБ, в дальнейшем - ГУСБ), а в сентябре 2008 года на основе Указа Президента России № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» – Управление организации государственной защиты (УОГЗ), со своими территориальными подразделениями.

Определяемые соответствующими, применительно к названным структурам, Положениями, полномочия по обеспечению безопасности защищаемых лиц подразделяются в зависимости от того, относятся ли такие лица к категории участников уголовного процесса, либо не являются на момент применения мер государственной защиты таковыми.

Представляется, что такое подразделение защищаемых лиц применительно к государственным служащим, которыми являются судьи, прокуроры, следователи Следственного комитета Российской Федерации, следователи и дознаватели, сотрудники ФСБ России и МВД России не согласуется с указанными в ст.ст. 4-8 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ трактовками государственной службы и их разновидностями, с пониманием того, что государственный служащий вне зависимости от отнесения его к числу федерального или гражданского служащего, свою профессиональную, служебную деятельность согласно занимаемой им государственной должности исполняет в качестве представителя власти либо лица, выполняющего организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах и получает за это денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации. Любая разновидность государственной службы имеет своим назначением, направленностью всей своей профессиональной деятельности защиту прав и свобод человека и гражданина.

Обратим внимание на то, что все государственные служащие, включая судей, прокуроров, следователей и дознавателей, вне зависимости от нахождения их на службе или в быту, обязаны выполнять требования по ограничениям и запретам, соблюдать нравственные нормы поведения, не совершать никаких порочащих человека действий и тем самым дискредитировать высокое звание государственного служащего (ст. 11 Типового Кодекса этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих).

В связи с этим, на наш взгляд, имеются все основания для того, чтобы применение мер государственной защиты к судьям, прокурорам,

следователям и дознавателям, а также к близким им лицам во всем своем объеме и во всех случаях, также осуществлялось ко всем должностным лицам государственных органов Российской Федерации, в том числе, в отношении муниципальных служащих. Для применения мер безопасности необходимы установленные законом предпосылки[4] и этот процесс носит сложный, межотраслевой характер[5], находится под контролем и надзором[1].

Мы хотим обозначить проблему обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите, на примере ее реализации в условиях Северокавказского региона. Это связано с противодействием незаконным вооруженным формированиям, деструктивными действиями экстремистов, возглавляемых лидерами бандитских групп. К сожалению, на Кавказе объявлена открытая война не только представителям государственных органов, но и тем гражданам, которые подчиняются законам Российской Федерации. Такой «подход» к решению проблем с противоправной стороны применяли также раньше (в 90-е годы) члены организованных преступных сообществ, руководимые профессиональными преступниками. То есть под их «пресс» попадали все участники уголовного судопроизводства как со стороны обвинения, так и защиты. Здесь стоит отметить, что комплекс необходимых и полноценных защитных мер способны реализовать только централизованные, оперативные, боеспособные силы.

Обратим внимание на то, что должностные лица государства, входящие в правоохранительный блок, относятся к числу тех, кто по характеру своей службы и выполняемым полномочиям практически всегда находятся под угрозой применения в отношении их принудительных мер и средств физического, психического, материального воздействия с целью совершения (не совершения) ими действий в интересах оказывающих такое воздействие лиц. Ввиду именно таких обстоятельств, названные лица и находятся под государственной защитой, с одновременным наделением их правами принятия мер по обеспечению безопасности как лично, так и со стороны специальных для этого государственных структур.

Так, в частности, в соответствии с ч. 3 ст. 45 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», «прокуроры имеют право на постоянное ношение и хранение предназначенного для личной защиты боевого ручного стрелкового оружия (пистолеты, револьверы) и специальных средств, а также на применение их». Кроме того, государственная защита прокуроров и их близких родственников, а также близким им лиц, на жизнь, здоровье и имущество которых совершается посягательство с целью воспрепятствовать законной деятельности прокуроров, либо принудить их к изменению ее характера, либо мести за указанную деятельность, обеспечивается еще и наличием службы собственной безопасности и физической защиты ее работников (ст. 45 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Должностные лица государственных и муниципальных органов выпадают из круга лиц, которые могут в законном порядке защитить себя вышеуказанным образом. Их деятельность также направлена на выявление разнообразных нарушений в разных сферах социальной жизни.

Основополагающим (доминантным) критерием отнесения тех или иных лиц, к категории защищаемых, должно быть осуществление постоянно, временно или по специальному полномочию функции представителя власти либо выполнение организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций органов и учреждений, входящих в систему государственной службы Российской Федерации. При этом, как нам представляется, процессуальный статус государственного служащего вне зависимости от его участия в конституционном, административном, гражданском, арбитражном или уголовном судопроизводстве не должен иметь какого-либо приоритетного значения.

Тем более, законодатель исключил статью 7 из Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 года за № 58-ФЗ (утратила силу с 1 января 2016 года. – Федеральный закон от 13.07.2015 № 262-ФЗ), посчитав, что деятельность правоохранительных органов, в том числе, служба в судебных органах, органах прокуратуры и дознания, Следственном комитете Российской Федерации, подпадает под профессиональную служебную деятельность должностей государственной службы, то есть это результат имманентного понимания законодателем сущности и назначения службы в таких органах, направленной только на защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 5 Конституции Российской Федерации).

Реализуя положения Федеральных Законов от 20 апреля 1995 года за № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и от 20 августа 2004 года за № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», подразделения государственной защиты МВД России, по информации бывшего начальника УОГЗ МВД России генерала-майора полиции А.Лебедева, ежегодно обеспечивают безопасность более пяти тысяч участников уголовного судопроизводства с объемом применяемых мер обеспечения безопасности от восьми до девяти с половиной тысяч[7]. Основную массу обращений за государственной защитой лиц составляют такие участники уголовного судопроизводства, как потерпевшие и свидетели, количество которых в своей совокупности приблизилось к 80% от числа обратившихся за защитой лиц. При этом, две трети из них приходится на потерпевших. В силу последнего обстоятельства, следователи органов внутренних дел Удмуртии и Следственного комитета РФ по Удмуртской Республике по расследуемым ими уголовным делам во всех случаях выясняют необходимость применения к потерпевшим мер государственной защиты. К сожалению, такое противоправное воздействие

на участников уголовного процесса носит латентный характер и не всегда достаточно своевременно выявляется.

Наиболее востребованными мерами обеспечения безопасности подлежащих государственной защите участников уголовного судопроизводства являются «личная охрана, охрана жилища и имущества», сопряженная с обеспечением конфиденциальности сведений о защищаемых лицах, в отдельных случаях с выдачей средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности (пункты 1-3 ст. 6 Закона № 119-ФЗ; пункты 1, 2, 4 ст. 5 Закона № 45-ФЗ). Обратим внимание на то, что на применение названных мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства требуется их согласие, заявленное в письменной форме.

Федеральным Законом № 45-ФЗ от 20.04.1995 установлен исчерпывающий и, как нам представляется, вполне достаточный перечень возможных разновидностей мер обеспечения безопасности защищаемых лиц, которые могут использоваться как отдельно друг от друга, так и в совокупности, в зависимости от различных объективных факторов, таких как характер и степень поступающих угроз, складывающейся оперативной обстановки вокруг защищаемого лица, особенностей его служебной деятельности, образа жизни и семейного положения.

С учетом широкого спектра мер обеспечения безопасности защищаемых лиц, хотелось бы остановиться еще на одном немаловажном моменте. Деятельность по рассматриваемому направлению вышеуказанных управлений неосуществима без должного взаимодействия с другими подразделениями системы МВД России и иных ведомств, в том числе, вновь созданной Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»). Так как некоторые меры государственной защиты невозможно реализовать только силами ГУСБ И УОГЗ МВД России. Естественно, в зависимости от субъекта защищаемых лиц и конкретного угрозоносителя, взаимодействие носит оперативный, процессуальный и не процессуальный характер. Но главное в том, что организатором и координатором реализации основной массы мер государственной защиты являются вышеуказанные подразделения МВД России. И за последние годы их роль и ответственность резко возросла в обеспечении безопасности всех участников уголовного судопроизводства, а значит в реализации государственной политики МВД России по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Необходимо отметить, что хотя и имеется некоторое снижение количества преступлений, на существенное уменьшение числа посягательств на жизнь, здоровье и имущество, в частности, сотрудников органов внутренних дел и их близких это не повлияло. Если количество сообщений (заявлений, рапортов) о предоставлении мер государственной защиты сотрудников органов внутренних дел Удмуртской Республики возросло с 29 в 2012 году до 70 в 2015 году, то в 2017 их количество составило уже 81. В

последующем, в результате действий оперативно-розыскной части (ОРЧ) МВД по Удмуртской республике в 42 случаях угрозоносители были выявлены и привлечены к ответственности (в 4 случаях – по ст. 318 УК РФ; а в остальных случаях к административной ответственности по ст. 20.1, ч. 1 ст. 193 КоАП РФ). Считаем, что применение мер государственной защиты в отношении сотрудников ОВД (как представителей органа дознания) до возникновения процессуальных отношений, оправдывает себя тем, что правоохранителей появляется уверенность в своих действиях и защищенность от угроз и противодействия. Соответственно, осуществление и реализация ОРМ, с целью дальнейшего использования результатов в качестве доказательств в рамках будущих уголовных дел (в основном латентных) является важным фактором достижения назначения российского уголовного процесса.

Несмотря на достаточно эффективную работу существующих служб по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, осуществляемую в рамках Федеральных законов № 45-ФЗ и № 119-ФЗ, и соответствующих Положениях о специализированных службах, в частности, в системе органов внутренних дел Российской Федерации, в целях дальнейшего усиления гарантий по обеспечению безопасности участвующих в уголовном судопроизводстве лиц и органов и внедрению в практику проводимой в этом направлении нашим государством уголовно-процессуальной политики, надлежит объединить службу собственной безопасности (ГУСБ МВД России) и Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (УОГЗ МВД России) в единое Государственное управление обеспечения безопасности и защиты (ГУОБЗ МВД России), в части осуществления безопасности лиц, подлежащих государственной защите.

Полагаем возможным и постановку вопроса о возложении на указанное управление (службу, организацию) обеспечение безопасности всех государственных и муниципальных служащих Российской Федерации, вне зависимости от их ведомственного подчинения. Являясь основным правоохранительным органом российского государства, именно органы внутренних дел (МВД России) должны выполнять конституционную обязанность государства по защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Основные силы и средства для реализации этой цели как раз имеются в МВД России, а за последнее время кардинально улучшилось взаимодействие между службами и качество применяемых мер государственной защиты.

Предлагаемые реорганизационные процессы способствовали бы, на наш взгляд, не только повышению эффективности защиты и охраны конституционных прав и свобод граждан России, но и сделали, в частности, более мобильным и эффективным оперативное сопровождение уголовных дел на всех этапах и стадиях производства по ним.

Список литературы

1. Епихин А.Ю. К вопросу о надзоре (контроле) за обеспечением безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 359.
2. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – Сыктывкар, 2000.
3. Епихин А.Ю. Некоторые проблемы защиты пострадавшего // В сборнике: Криминальная ситуация на рубеже веков в России. Сборник статей. Под редакцией: А. И. Долговой. – Москва, 1999. – С. 207-210.
4. Епихин А.Ю. Поводы и основания применения и реализации мер безопасности защищаемых лиц в уголовном процессе // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. – Серия: Государство и право. – 2004. – № 7. – С. 4-11.
5. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 202-211.
6. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании // Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 84-88.
7. Интервью начальника УОГЗ МВД России генерала-майора полиции Александра Лебедева / Официальный сайт МВД Российской Федерации. – 2013.
8. Щерба С., Зайцев О., Сарсенбаев Т. Потерпевший в беспомощном состоянии: особенности судебного разбирательства // Российская юстиция. – 1995. – № 9. – С. 20.

АВТОРСКИЕ И СМЕЖНЫЕ ПРАВА, ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА

Камалетдинов Р.Х.
старший преподаватель кафедры уголовного процесса АНО ВО «Академия социального образования»

Андреева Д.Ю.
Студентка 3 курса гуманитарно-юридического факультета уровня подготовки бакалавр
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье рассматриваются основные понятия института уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав. Приводится сравнение уровня нарушений авторского и смежных прав в России и за рубежом.

Ключевые слова: *авторское права, смежное право, уголовно-правовая охрана, уголовная ответственность, закон.*

COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS, THEIR CRIMINAL LAW PROTECTION

Kamaletdinov R.Kh.
Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure ANO VO "Academy of Social Education"

Andreeva D.Yu.
3rd year student of the Faculty of Humanities and Law
Bachelor level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The article deals with the basic concepts of the institution of criminal and legal protection of copyright and related rights. The author compares the level of violations of copyright and related rights in Russia and abroad.

Key words: *copyright, related law, criminal-legal protection, criminal liability, law.*

В связи с дальнейшей интеграцией России в мировое сообщество проблема интеллектуального пиратства приобрела высокую актуальность и для нашей страны, поскольку уровень нарушений авторского и смежных прав в России на протяжении последних лет остается одним из самых высоких в мире, а от эффективности мер, направленных на борьбу с интеллектуальным пиратством, зависит реализация намерения Российской Федерации вступить во Всемирную торговую организацию.

В этих условиях особое значение приобретает институт уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав. Подавляющее большинство исследователей, как российских, так и западных, признают, что эффективная их защита возможна только при применении уголовно-правовых методов. К сожалению, количество регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ, постоянно росло (в 2002 г. – 949, в 2004 г. – 1917, в 2006 г. – 7243, а в 2007 г. уже 7874, из них в крупном и особо крупном размере – 7418), и далеко не все из числа выявленных правонарушителей понесли заслуженное наказание.

Количество преступлений в сфере нарушений авторских прав в крупном размере снизилось до 668 в 2018 году, а размер ущерба при этом увеличился до 142,7 млн рублей. Такие данные были приведены во время выступления Мирошника на заседании российско-китайского круглого стола.

"Количество преступлений в сфере нарушения авторских прав, совершенных в крупном размере либо причинивших крупный ущерб, составило 1288 в 2016 году, 1039 в 2017 году и 668 в 2018 году", - следует из данных диаграммы Генпрокуратуры РФ, продемонстрированных во время выступления Мирошника.

Согласно данным Генпрокуратуры, сумма ущерба, причиненного преступлениями, связанными с нарушением авторских прав, в 2016 году составляла 25,3 млн рублей, в 2017 году - 10,4 млн рублей, в 2018 году - 142,7 млн рублей.

В немалой степени этому способствует несовершенство уголовного законодательства и практики его применения.

Вопросы уголовной ответственности за нарушение авторских и смежных прав рассматривались видными учеными еще в царской России. В советский период интерес к этой проблеме снизился, поскольку в СССР защита данных прав не осуществлялась, а сами эти права в гражданском обороте практически не участвовали. Научные исследования в данной сфере активизировались лишь с конца 90-х годов XX в., когда Россия встала перед проблемой усиления борьбы с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности.

В настоящий момент ст. 146 УК РФ не является достаточным средством сдерживания интеллектуального пиратства, что свидетельствует о необходимости теоретического осмысления проблем уголовно-правовой защиты авторских и смежных прав с учетом как отечественного, так и зарубежного опыта.

В научных трудах ученых-правоведов были исследованы проблемы уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав и даны предложения по совершенствованию ст. 146 УК РФ, однако не все ее аспекты освещены в достаточной мере. Многие положения и выводы исследований, проводимых в постсоветский период развития России, потеряли свою актуальность в связи с изменениями уголовного, административного и иного законодательства, принятием части четвертой Гражданского кодекса РФ, ратификацией международных договоров.

Первоначальным авторским правом согласно ст. 1257 ГК РФ обладает только создатель произведения, который, в свою очередь, может передать свои имущественные права (исключительное право) юридическому лицу (например, издательству), заключив с ним договор (ст. 1234 ГК РФ «Договор об отчуждении исключительного права», ст. 1235 ГК РФ «Лицензионный договор»). Таким образом, юридическое лицо становится обладателем производных авторских прав правообладателя.

В соответствии со ст. 1234 и 1235 ГК РФ договоры о передаче исключительных прав разрешают использование произведения только лицу, которому эти права передаются, и дают такому лицу право запрещать подобное использование произведения другим лицам.

Кроме того, юридическое лицо получает исключительное право при создании произведения в порядке выполнения служебного задания. В соответствии со ст. 1295 ГК РФ исключительное право на служебное произведение принадлежит работодателю, если трудовым или иным договором между работодателем и автором не предусмотрено иное.

В некоторых зарубежных странах автором произведения может быть не только физическое лицо, но и юридическое. В соответствии с международными соглашениями на территории России такое юридическое лицо также признается автором произведения.

Что касается прав, смежных с авторскими (гл. 71 ГК РФ), то их не только «производными», но и первоначальными обладателями, как правило, являются юридические лица.

Причины подобного противоречия заключаются в том, что в действительности основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, являются общественные отношения в сфере экономики, однако в УК РФ этот объект определен как права личности. Данное положение не распространяется на присвоение авторства (ч. 1 ст. 146 УК РФ). Основной объект этого преступления – реализация права личности, так как право авторства есть личное неимущественное право.

Выделяя определенный объект охраны в качестве основного, законодатель может вводить в состав преступления и дополнительный объект, причинение вреда или угроза причинения вреда которому являются обязательными признаками состава преступления. Состав ст. 146 УК РФ является по конструкции простым, и дополнительный объект в нем отсутствует.

Наряду с дополнительным есть и факультативный объект преступления, которому может быть причинен вред при посягательстве на основной объект, но он не обязательный признак состава.

При нарушении авторского и смежных прав в качестве факультативного объекта выступает экономическая деятельность предприятий, которым причиняется ущерб в виде упущенной выгоды, подрыва конкурентоспособности производимой продукции. В современных условиях контрафакция фактически является экономическим преступлением, так как, с одной стороны, совершается преступниками с целью систематического обогащения, а с другой – наносит имущественный ущерб интересам хозяйствующих субъектов.

Данное обстоятельство учтено в КоАП РФ, где ст. 7.12 («Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав») помещена в раздел «Административные правонарушения в области охраны собственности», а не в раздел «Административные правонарушения, посягающие на права граждан».

Наряду с объектом наука уголовного права выделяет предмет преступления, понимание сущности которого однозначно.

В качестве предмета посягательства выступает каждый из элементов общественного отношения, охраняемого уголовным законом, вне зависимости от того, материальный он или идеальный.

Таким образом, в качестве предмета преступления может выступать только конкретная вещь, существующая в материальном мире.

Применительно к составу ст. 146 УК РФ вопрос о предмете следует решать с учетом специфики охраняемых данной нормой общественных отношений. В науке уголовного права существуют принципиально различные подходы к определению предмета преступного нарушения авторских и смежных прав (например, что авторским правом охраняется произведение как продукт творческого труда, но не его материальный носитель).

Однако в уголовно-правовом смысле не следует разделять произведение и его материальный носитель, так как преступному посягательству может подвергнуться только существующее в объективной форме произведение. Иными словами, предметом преступления является произведение, выраженное в материальной форме.

В отличие от авторского права единого объекта смежных прав часть четвертая ГК РФ не выделяет. Собственно единого объекта у них и быть не может, так как смежные права разнородны по своей сути.

Глава 71 ГК РФ «Права, смежные с авторскими» защищает право исполнителей на исполнение (ст. 1313-1321), право изготовителя фонограммы на использование фонограммы (ст. 1322-1328), право организаций эфирного или кабельного вещания на использование передачи (ст. 1329-1332), право изготовителя базы данных на их использование (ст. 1333-1336), а также право публикатора на произведение науки, литературы или искусства (ст. 1337-1344).

В ч.1 ст. 146 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за присвоение авторства (плагиат), под которым понимается выпуск чужого произведения под своим именем; издание под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами без указания их фамилий; использование в своих трудах произведений других авторов без ссылки на них и т.п. Формы плагиата многообразны, но его сущность заключается в нарушении права авторства – личного неимущественного права, предусмотренного ст. 1226 ГК РФ, т.е. права физического лица, творческим трудом которого создано произведение, признаваться автором этого произведения.

Данный состав преступления по степени общественной опасности является основным, – присвоение авторства с отягчающими или смягчающими обстоятельствами законодателем не предусмотрено. По структуре рассматриваемый состав можно охарактеризовать как простой – его объективная сторона выражается в одном действии – присвоении авторства. Совершить данное преступление путем бездействия нельзя, так

как в объективной реальности присвоить авторство на произведение возможно только путем активных целенаправленных действий.

Состав ч. 1 ст. 146 УК РФ материальный – преступное деяние должно находиться в причинной связи с общественно опасными последствиями в виде крупного ущерба, наступление которых и является моментом окончания преступления. В диспозиции ч. 1 ст. 146 УК РФ указано, что ущерб должен быть причинен автору или иному правообладателю. Причинение крупного ущерба иным лицам (в том числе государству) не образует состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ.

При незаконном использовании аудиовизуальных произведений, компьютерных программ и тому подобных сверхприбыльных видов пиратского бизнеса присвоения авторства не происходит. Лицо, тиражирующее контрафактную продукцию, не присваивает себе авторство, а, наоборот, осуществляет подделку оригинального вида упаковки, товарного знака фирмы, голограммы с целью скрыть свое истинное имя и замаскировать контрафактный товар под лицензионный. Плагиат имеет место в основном в литературе и научной сфере, но авторы «крайне редко обращаются в правоохранительные органы за уголовно-правовой защитой своих прав, предпочитая гражданско-правовой способ защиты» [2].

При этом действующим законодательством установлена возможность использования произведения или объектов смежных прав без согласия автора либо иного правообладателя и (или) без выплаты соответствующего вознаграждения. Приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта сами по себе не могут быть отнесены к использованию произведения – это чисто технические операции, предшествующие распространению.

В примечании к ст. 146 УК РФ признак размера определен конкретно: если он превышает пятьдесят тысяч рублей – крупный размер, а двести пятьдесят тысяч рублей – особо крупный. Из того же примечания следует, что крупный и особо крупный размер исчисляется с учетом стоимости экземпляров произведений или фонограмм либо стоимости прав на использование объектов авторского права и смежных прав. Однако примечание относится только к ч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ, а в ч. 1 данной статьи признак крупного и особо крупного размера не предусмотрен.

Если крупный размер не может быть установлен через стоимость прав на использование объектов интеллектуальной собственности, следует исходить из стоимости, установленной путем проведения экспертизы.

В случае совершения двух и более преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 146 УК РФ, каждый эпизод подлежит отдельной квалификации по ч. 2 ст. 146 УК РФ по совокупности преступлений, а наказание в данном случае назначается по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ.

На основании ст. 20 УК РФ уголовной ответственности по ст. 146 УК РФ подлежит лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-летнего возраста.

В составах ч. 1 и 2 ст. 146 УК РФ субъект общий, но в п. «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ указан специальный субъект – лицо, использующее свое служебное положение.

Толкование рассматриваемого признака субъекта преступления дано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» (п. 23). Под лицами, использующими служебное положение, понимаются должностные лица, служащие, а также лица, осуществляющие управленческие функции в коммерческих организациях.

Иными словами, под использованием служебного положения надлежит понимать использование легальной предпринимательской деятельности либо должностных полномочий государственного служащего в целях совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 УК РФ.

Субъективную сторону любого преступления составляют: вина в форме умысла или неосторожности, мотив, цель, эмоциональное состояние лица в момент совершения преступления. Вина является обязательным признаком субъективной стороны любого преступления.

Институту вины посвящена глава 5 УК РФ, однако собственно определения вины в ней не дается. При этом субъективная сторона преступления не сводится только лишь к институту вины:

«Под установлением субъективной стороны преступления понимается процесс установления в деянии субъекта признаков умысла или неосторожности, указанных в законе, выяснение вида, содержания и направленности умысла, содержания неосторожности, мотивов, цели преступления и иных признаков субъективной стороны и определение степени вины преступника»[3].

Преступление, предусмотренное ч.1 ст. 146 УК РФ, совершается путем присвоения права авторства. Присвоить, т.е. объявить своим, возможно лишь то, что тебе не принадлежит.

Одним из отличительных признаков объектов авторского права является их уникальность и неповторимость, соответственно, объявить себя автором чужого произведения по невнимательности просто невозможно.

Умысел, как и неосторожность, подразделяется на два вида, которые различаются по волевым и интеллектуальным признакам. При косвенном умысле субъект предвидит лишь вероятность наступления общественно опасных последствий, в то время как прямой умысел включает предвидение неизбежности их наступления. Различие между прямым и косвенным умыслом по волевым признакам заключается в том, что в первом случае лицо желает наступления общественно опасных последствий, а во втором – не желает, но сознательно допускает их наступление или относится к ним безразлично[4].

Следует учитывать, что состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 УК РФ, является формальным, а косвенный умысел в преступлениях с формальным составом невозможен.

Таким образом, косвенный умысел возможен только при совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 146 УК РФ, когда состав преступления предполагает предвидение субъектом наступления общественно опасных последствий. При этом лицо, совершающее присвоение авторства и причиняющее таким образом ущерб, не способно точно определить реальную сумму этого ущерба[5].

Обязательным признаком ч.2 ст. 146 УК РФ является цель, предполагающая активные, направленные к достижению результата действия, что возможно только при прямом умысле.

Мотив преступления, в том числе и корыстный, не является обязательным признаком состава ст. 146 УК РФ. Тем не менее, большинство преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ, совершаются именно из корыстных побуждений, однако для квалификации корыстный мотив значения не имеет.

Значение субъективной стороны преступления по делам о нарушении авторских и смежных прав чрезвычайно велико. В случае привлечения к уголовной ответственности «пираты», как правило, не имеют возможности отрицать сам факт нарушения авторского или смежных прав. Однако у них остается возможность ссылаться на отсутствие умысла. В основном «пираты» заявляют о том, что не знали о контрафактности распространяемых произведений либо что экземпляры таких произведений попали к ним случайно вместе с лицензионной продукцией[2].

Таким образом, особое внимание при расследовании и поддержании государственного обвинения по уголовным делам данной категории следует уделять доказыванию умысла и прежде всего его интеллектуальной составляющей.

Список литературы

1. Аверкин А.Е. и др. Нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав. – М., 2002. – С. 127.

2. Вощинский М.В. Практика применения ст. 147 УК РФ Нарушение изобретательских и патентных прав // Следственная практика. – 2002. – № 2. – С. 123.

3. Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны преступления. – Владивосток, 1972. – С. 4.

4. Алексеев С.Л., Вотчель Н.Р. Прокурорский надзор: Учебное пособие / Под редакцией д.ю.н., профессора Ф.Н. Багаутдинова. - Казань: Информационно технологический центр АСО, 2014. - 126 с

5. Алексеев С.Л., Салимзянова Р.Р. Криминология: вчера, сегодня, завтра. // - 2013. - С. 212.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

Камалетдинов Р.Х.
старший преподаватель кафедры уголовного процесса АНО ВО «Академия социального образования»

Саляхов Д.Д.
лабарант криминалистической лабаратории АНО ВО «Академия социального образования»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности прекращения производства по уголовному делу частного обвинения в связи с примирением сторон, анализируются некоторые судебные ошибки, затрагивается вопрос о реабилитации.

Ключевые слова: *мировой судья, уголовные дела частного обвинения, примирение сторон, прекращение производства по уголовному делу.*

FEATURES OF TERMINATION OF PRODUCTION IN THE CRIMINAL CASE OF PRIVATE PARTICIPATION IN COMMUNICATION WITH CONCILIATION OF THE PARTIES

Kamaletdinov R.Kh.
Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure ANO VO "Academy of Social Education"

Salyakhov D.D.
laboratory lab of the forensic laboratory of ANO VO "Academy of Social Education"

Abstract. In the article are considered the features of the termination of the proceedings of private accusation in connection with the reconciliation of the parties, are examined some miscarriages of justice, is raised the issue of rehabilitation.

Key words: *Justice of the Peace, criminal cases of private prosecution, conciliation, termination of the criminal proceedings.*

В настоящее время практика реализации института примирения в уголовном судебном процессе вряд ли является достаточно эффективной. Это связано с тем, что потенциал процедуры примирения, оканчивающейся утверждением судом достигнутого примирения сторон в виде судебного

акта, используется судами не в полной мере. При этом название судов «мировые» было введено в мировую судебную практику и сохранилось до сих пор не случайно. Если проанализировать различные значения слова «мир», то можно сделать вывод о том, что одной из функций мировых судов является проведение согласительных процедур между лицом, обратившимся за судебной защитой по делам частного обвинения (потерпевшим), и лицом, причинившим потерпевшему определенный вред (подсудимым).

Проведение такой процедуры обязательно и в силу прямого указания уголовно-процессуального закона предполагает уважение к правам лиц, обратившихся за судебной защитой, и помощь суда в правильном восприятии взаимных интересов сторон по отношению друг к другу. В связи с этим рассмотрим процедуру примирения сторон по делам частного обвинения у мировых судей, ее особенности и актуальные вопросы, возникающие как у ученых, так и у практикующих юристов.

Дела частного обвинения имеют некоторые особенности, обусловленные необходимостью учета воли потерпевшего для привлечения виновного лица к суду. Действия мирового судьи в ходе подготовительного этапа при получении заявления потерпевшего по делам частного обвинения и все последующие его действия регламентированы главой 41 УПК РФ, а также рядом других статей УПК РФ.

Вопрос о полномочиях мирового судьи на подготовительном этапе по делам частного обвинения в юридической литературе освещен достаточно полно[7,13]. Вместе с тем такие действия мирового судьи, как принятие мер к примирению сторон, требуют детального рассмотрения. К сожалению, законодатель подробно не регламентировал саму примирительную процедуру по делам частного обвинения, которая должна проводиться мировым судьей, ограничившись ссылкой в частях 4, 5 и 6 ст. 319 УПК РФ на то, что при судопроизводстве по делам частного обвинения мировой судья разъясняет сторонам возможность примирения. В случае поступления от них заявлений о примирении производство по уголовному делу прекращается постановлением мирового судьи. Если примирение не достигнуто, то мировой судья назначает рассмотрение уголовного дела в судебном заседании.

С учетом вышеуказанных положений УПК РФ представляется, что необходима законодательная разработка правил проведения согласительной упрощенной судебной процедуры, основанной на принципах процессуального права и учитывающей конкретные задачи этого вида судебной деятельности.

Для правильного использования института прекращения уголовных дел уголовно-процессуальный закон должен содержать определение термина "примирение", при этом в научной среде разрабатываются различные варианты таких определений. В частности, Е.А. Рубинштейн под примирением понимает нравственное раскаяние в совершении противоправного деяния лица, в отношении которого осуществляется

уголовное преследование, непосредственно перед потерпевшим и прощение последним его действий, а также достижение между указанными лицами согласия относительно порядка, размера и срока заглаживания причиненного вреда[12].

По мнению А.Ф. Прокудина, примирение сторон - свободное и взаимное решение сторон криминального конфликта о прекращении уголовного дела (пострадавший простил и не желает дальнейшего уголовного преследования лица, причинившего вред, а последний согласен на прекращение, т.к. осознал и признал свою вину в содеянном), заявленное правомочному лицу или органу в допустимый для этого момент[11].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит упоминание о принятии мировым судьей мер к примирению потерпевшего с лицом, на которое подано заявление. Однако какие меры при этом могут быть приняты судом, законодатель не уточняет. Вследствие этого в процессуальной литературе и судебной практике допускается различное толкование процедуры примирения.

Некоторые процессуалисты ставят в пример порядок примирения, регламентированный Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., согласно которому обязанность по склонению лиц к примирению возлагалась на мировых судей. Со ссылкой на судебную практику они утверждают, что судьи обязаны не только разъяснять сторонам их право на примирение, но и принимать активные меры для достижения положительного результата[6]. Такими мерами ученые-процессуалисты считают вызов сторон к мировому судье, склонение их к примирению для предотвращения дальнейшего конфликта, разъяснение пагубности дальнейшего развития конфликтной ситуации[8].

Вместе с тем представляется, что эффективность бесед мирового судьи с участниками конфликта на подготовительном этапе по делам частного обвинения незначительна, подобные действия могут иметь результат лишь по делам, возникшим на почве семейных конфликтов между близкими родственниками. Тем более что действия судьи, связанные со склонением сторон к примирению, не должны, с одной стороны, ограничивать право сторон на доступ к правосудию, а с другой – каким-либо образом ставить под сомнение принципы объективности и беспристрастности состава суда при осуществлении правосудия, закрепленные в актах международно-правового уровня, например в ст. 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а также в Кодексе судейской этики, утвержденном 19.12.2012 VIII Всероссийским съездом судей.

Ведь мировой судья на подготовительном этапе в ходе примирения может непроизвольно допустить высказывания, свидетельствующие о его отношении к делу, дать оценку представленным доказательствам либо иным образом дать повод для сомнения в его объективности, заинтересованности в исходе уголовного дела. В научных исследованиях, посвященных институту частного обвинения, высказывались предложения о передаче полномочий по

примирению сторон по делам частного обвинения от суда правоохранительным органам[10].

Однако представляется, что, поскольку задачи, функции, а также специфика работы правоохранительных органов несколько иные, чем у суда, указанные обстоятельства могут оказать влияние на достижение примирения сторон с ущемлением их прав и законных интересов. Тем более что практика работы правоохранительных органов со всей очевидностью показывает отсутствие у должностных лиц правоохранительных органов какой-либо заинтересованности в проведении примирительных процедур между потерпевшим и лицом, привлекаемым к уголовной ответственности. Случаи прекращения уголовного дела на стадии следствия или дознания за примирением сторон до передачи дела в суд являются исключением из общего правила согласно устоявшейся позиции правоохранительных органов, поскольку проведение примирительных процедур, результатом которых является прекращение уголовного дела за примирением сторон,
– это прерогатива суда.

Кроме того, и в настоящее время на стадии проведения проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ сотрудниками правоохранительных органов по заявлению потерпевшего о привлечении лица к уголовной ответственности (например, о нанесении побоев, причинении иных насильственных действий) стороны не лишены права осуществить процедуру примирения, в связи с чем в случае положительного результата потерпевший вправе написать заявление об отсутствии претензий к обидчику и прекращении проверки по его первоначальному заявлению, что является основанием для вынесения процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основании пункта 5 части 1 статьи 24 УПК РФ.

Обобщение судебной практики в г. Санкт-Петербурге показало, что дела частного обвинения прекращаются в основном не в ходе подготовительной деятельности судей, а при рассмотрении уголовных дел частного обвинения в суде в ходе судебного разбирательства по делу. Возникает закономерный вопрос: а на какой стадии судебного разбирательства стороны вправе реализовать свое право на примирение? Ответ на данный вопрос сформулирован в части 2 статьи 20 УПК РФ, где со всей однозначностью указано, что примирение потерпевшего с обвиняемым допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. При достижении примирения сторон судья получает заявления от сторон о примирении с просьбой прекратить производство по делу за примирением сторон, а затем, удалившись в совещательную комнату, выносит постановление о достижении примирения и прекращении производства по делу.

Суду следует поставить в известность потерпевшего о том, что в случае прекращения уголовного дела в связи с реализацией примирительной процедуры дальнейшее предъявление каких-либо требований к лицу, в отношении которого прекращено уголовное дело за примирением сторон,

возможно только в рамках гражданского судопроизводства. В свою очередь, подсудимому, в отношении которого прекращается уголовное дело, следует разъяснить, что его показания, данные в ходе судебного заседания, в числе прочих относительно заглаживания вреда потерпевшему могут быть использованы против него в рамках судебного разбирательства по исковому производству в гражданском порядке.

В обыденном понимании прекращение уголовного дела за примирением сторон является, по сути, прощением потерпевшей стороной обидчика за совершенное преступление при наличии определенных условий (например, преступление совершено впервые, заглажен вред перед потерпевшим путем принесения извинений, выплаты денежной компенсации, восстановления имущества, принадлежащего потерпевшему).

У практикующих юристов нередко возникает вопрос о том, по каким основаниям следует прекращать производство по делу частного обвинения. К сожалению, судебная практика по данному вопросу не единообразна; нередки случаи вынесения судебных постановлений по делам частного обвинения на основании общей нормы (ст. 25 УПК РФ), а не специальной (ч. 2 ст. 20 УПК РФ)[9].

Представляется, что в данном случае суду следует руководствоваться именно специальной нормой УПК РФ, то есть частью 2 статьи 20 УПК РФ, где указано, что уголовные дела частного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 20 УПК РФ, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым.

В данном случае решение сторон о примирении является обязательным для мирового судьи, поскольку суд не может возложить на себя функцию частного обвинителя по поддержанию обвинения, который, заявив ходатайство о примирении, тем самым фактически отказывается от поддержания обвинения в суде. Противоположная позиция означала бы отступление от основополагающего принципа уголовного судопроизводства, согласно которому функции суда отделены от функций обвинения и защиты. Именно об этом гласит статья 15 УПК РФ, устанавливая, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон; функции обвинения, защиты не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо; суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты.

Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. N 7-П в силу ст. 46 - 52, 118 (ч. 1 и 2), 123 (ч. 3) и 126 Конституции РФ функция разрешения уголовного дела и функция обвинения должны быть строго разграничены. Каждая из них возлагается на соответствующий субъект. Возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в

законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях – также потерпевшими. Суд же, осуществляющий судебную власть посредством, в частности, уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные правомочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром.

Вместе с тем, равно как по делам публичного (частно-публичного) обвинения, так и по делам частного обвинения, суд обязан проверить добровольность волеизъявления на то потерпевшего, выяснить мотивы, которыми руководствовались стороны, принимая решение о примирении.

В этой связи имеют значение разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», где указано, что при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76 УК РФ в связи с примирением судам следует также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (п. 9 указанного Постановления).

Другой важной проблемой при решении вопроса о примирении сторон по делам частного обвинения является вопрос реабилитации. В статье 133 УПК РФ дан закрытый перечень оснований возникновения права на реабилитацию. При этом в данной статье ссылка в качестве основания возникновения права на реабилитацию как на ст. 25 УПК РФ, так и на часть 2 статьи 20 УПК РФ отсутствует.

Прекращение уголовного дела частного обвинения на основании ст. 25 УПК РФ не является реабилитирующим основанием. Однако не столь однозначна позиция в случае прекращения уголовного дела частного обвинения на основании части 2 статьи 20 УПК РФ.

Так, прекращение уголовного дела за примирением сторон по основанию ч. 2 ст. 20 УПК РФ не является основанием для учета по ИЦ (информационному центру), что следует из приложения N 2 к Приказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. N 39/1070/1021/253/780/353/399, где в пункте 2.13 указано, что прекращение уголовного дела частного обвинения в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) отнесено к реабилитирующим основаниям в отличие от прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ – нереабилитирующего основания (п. 2.12 указанного

приложения). Данное положение имеет особое значение, поскольку прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 25 УПК РФ, порождает наступление негативных последствий для обвиняемого, связанных с самим фактом привлечения к уголовной ответственности; например, при его трудоустройстве на работу в органы государственной власти или на муниципальную службу, обучении в образовательных учреждениях и т.д.

К сожалению, в настоящее время в судебной практике имеют место проявления формального подхода в понимании значения примирительных процедур. Некоторые исследователи даже указывают, что примирительные процедуры с последующей перспективой прекращения производства по делу вопреки интересам сторон нередко используются судьями, не желающими рассматривать дело по существу[14]. В связи с этим необходимо, чтобы мировой судья, в том числе и по делам частного обвинения, проверял добровольность волеизъявления потерпевшего на примирение, обязательно выяснил мотивы, которыми руководствовались стороны, принимая решение о примирении; каким образом заглажен причиненный действиями подсудимого вред потерпевшему, если речь идет о выплате денежной компенсации – достаточен ли ее размер для удовлетворения требований потерпевшего о заглаживании причиненного ему вреда, исходя из конкретных обстоятельств дела, с учетом в том числе уровня доходов потерпевшего и подсудимого.

Очевидно, что судебная практика должна формироваться на основании принципов единообразия при решении вопроса о правовых основаниях для примирения сторон по делам частного обвинения. Решению данного вопроса среди прочего может способствовать более подробная регламентация процедуры примирения по уголовным делам частного обвинения на законодательном уровне, что возможно при более активной реализации соответствующими субъектами права законодательной инициативы по данному вопросу.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года N 19 "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности" // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – N 8.

4. Аликперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Законность. – 1999. – N 6.

5. Божьев В.П. Процессуальный статус потерпевшего // Российская юстиция. – 1994. – N 1.

6. Грабовская Н.П., Солодкин И.И., Элькинд П.С. К вопросу о делах частного обвинения // Ученые записки ЛГУ. – 1956. – N 202.
7. Дорошков В.В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. – М.: Норма, 2004.
8. Мазалов А.Г. Рассмотрение дел частного обвинения. Настольная книга судьи. – М., 1972.
9. Нагуляк М.В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук по спец. 12.00.09. – Челябинск, 2012. – С. 19.
10. Петухов Ю.Е. Соотношение публичного и частного обвинения в уголовном процессе: автореф. дис.....канд. юрид. наук по спец. 12.00.09. – М., 1996.
11. Прокудин А.Ф. Примирение сторон в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук по спец. 12.00.09. – Воронеж, 2006.
12. Рубинштейн Е.А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в УПК Российской Федерации // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – М., 2002.
13. Хаматова Е.В. Производство по уголовным делам у мирового судьи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук по спец. 12.00.09. – Воронеж, 2002.
14. Чурилов Ю.Ю. Использование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве вопреки интересам сторон // Уголовное судопроизводство. – 2009. – N 2. – С. 40-42.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Камалетдинов Р.Х.
старший преподаватель кафедры уголовного процесса АНО ВО «Академия социального образования»

Гордеева Г.А.
Студентка 3 курса гуманитарно-юридического факультета уровня подготовки бакалавр
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В последнее время, как показывает анализ правоохранительной деятельности, происходит увеличение количества преступлений, совершаемых с применением новых знаний в тех или иных научных сферах, а также с использованием высоких технологий. И хотя по количественному показателю общеуголовная преступность имеет более высокие показатели, как по количеству совершенных преступлений, так и по

раскрываемости, тем не менее, наблюдается рост преступлений в сфере экономики, совершаемых на достаточно высоком интеллектуальном уровне, что повышает опасность этих преступлений.

Ключевые слова: *преступность; уголовное судопроизводство; доказывание; экспертиза; специалист; эксперт; оценка заключения эксперта.*

CONCLUSION OF AN EXPERT IN THE PROCESS OF EVIDENCE IN THE CRIMINAL CASE

Kamaletdinov R.Kh.
Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure ANO VO "Academy of Social Education"

Gordeeva G.A.
3rd year student of the Faculty of Humanities and Law
Bachelor level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. In recent times, as the analysis of law enforcement, there is an increase in the number of crimes committed with application of new knowledge in the various scientific fields, as well as with the use of high technology. Although quantitative indicator of ordinary crime index is higher as the number of crimes committed and solved, however, an increase in crimes in the economic sphere, committed on a sufficiently high intellectual level, which increases the risk of these crimes.

Key words: *crime; criminal justice; evidence; expertise; specialist; expert; evaluation expert opinion.*

Как правило, ущерб, причиненный преступлениями в сфере экономической деятельности с использованием высоких технологий, значительно превышает ущерб, причиненный общеуголовной преступностью. Причем зачастую выяснить механизм совершения преступления, установить истинный размер ущерба, причиненного преступлением, возможно лишь только с помощью специальных знаний, носителями которых являются эксперт и специалист. На практике нередко имеют место случаи, когда решение о возбуждении уголовного дела принимается только после проведенного экспертного исследования либо получения следователем заключения специалиста[7].

Выявление и расследование таких преступлений вызывает определенные сложности, в связи с чем в последние годы неуклонно

увеличивается количество экспертиз, проводимых в рамках уголовного судопроизводства, поскольку доказывание, как события преступления, так и правоспособности и виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в современном уголовном судопроизводстве просто немыслимо без производства судебной экспертизы.

Понятие «экспертиза» (эксперт – от лат. Expertus: знающий по опыту, опытный, испытанный, проверенный) используется в науке и практике для обозначения исследований, требующих использования профессиональных знаний. Результаты экспертизы получаются опытным путем с помощью специального инструментария - экспертных методик[10].

Качественное изменение структуры преступности, а также дальнейшее развитие различных областей научного познания неизменно влечет за собою изменение в деятельности, а также количественный и качественный рост возможностей судебно-экспертных исследований. Ю.К. Орлов справедливо заметил по этому поводу, что «экспертиза нередко выступает в качестве эффективного средства установления обстоятельств дела. Она позволяет использовать в процессе расследования и судебного разбирательства уголовных дел весь арсенал современных научно-технических средств и является основным каналом внедрения в судебно-следственную практику достижений научно-технической революции»[9]. Неудивительно, что экспертиза назначается и проводится по большинству расследуемых уголовных дел. Часто по одному и тому же уголовному делу назначается несколько самых различных экспертиз, и чем сложнее расследуемое преступление, тем значительнее количество и виды проведенных экспертиз. При этом выводы, сделанные на основе проведенного исследования как экспертом, так и специалистом, помимо традиционных субъектов доказывания достаточно активно используются и стороной защиты для опровержения выводов стороны обвинения, о чем неоднократно отмечалось различными авторами в научных изданиях[6.12].

Обратим внимание, что в некоторых случаях на практике имеет место смешение понятий «эксперт» и «специалист» лишь только на том основании, что оба являются носителями специальных знаний. Вместе с тем, несмотря на объединяющее эксперта и специалиста качество - владение специальными знаниями, это совершенно разные участники уголовного судопроизводства, с различными полномочиями, что и следует из анализа ст. ст. 57 и 58 УПК РФ.

Традиционно в процессе доказывания по уголовному делу возникают определенные проблемы при оценке заключения эксперта. В соответствии с п. 1 ст. 80 УПК РФ заключение эксперта – это представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по делу, или сторонами. Как показывает практика, и следователи, и судьи нередко испытывают значительные трудности, связанные именно с оценкой заключения эксперта. Несомненно, что эти трудности зависят от объективных и субъективных причин. К первым относятся: отсутствие специальных знаний у работников

правоохранительных органов и судей; специфичность текста экспертного заключения, представляющего собой результат научного исследования; отсутствие методических указаний и рекомендаций по проведению исследования либо их несогласованность, а также достоверность выводов, полученных в результате проведенного экспертного исследования. С гносеологической точки зрения достоверность – это доказанная, обоснованная истина, т.е. одна из форм существования истины. Достоверность выводов суда и следствия означает, что эти выводы не только истинны (соответствуют объективной действительности), но и «достойны веры» – доказаны, обоснованы. Достоверность знания – это убежденность в его истинности, утверждение, а не предположение[4].

Среди субъективных факторов в первую очередь необходимо выделить установку следователя или судьи на ожидаемый ими результат экспертизы.

Остановимся лишь на некоторых проблемных вопросах оценки заключения эксперта в уголовном процессе.

Значительные сложности возникают в связи с формулировкой выводов эксперта. Проблема допустимости и доказательственного значения таких выводов является не новой. Обращает на себя внимание и то, что чаще всего именно выводы интересуют следователя и суд в первую очередь. Нередки и случаи, когда лицо, назначившее экспертизу, акцентирует свое внимание только на проверке полноты выводов, их формы и соотносимости результатов судебной экспертизы с иными доказательствами по делу. Таким образом, например, следователь осуществляет тот самый «логический мыслительный процесс определения роли собранных доказательств в установлении истины»[3]. Являясь, по сути, видом доказательства, заключение эксперта оформляется в виде особого процессуального акта. В связи с этим не могут не тревожить факты, свидетельствующие о проведении следователями поверхностного изучения заключения эксперта, об игнорировании экспертного заключения при составлении обвинительного заключения, в которое нередко просто переписываются только выводы. Вряд ли можно считать нормальной ситуацию, когда в обвинительном заключении отсутствуют указания на относимость, допустимость и достоверность данного доказательства. В следственной практике встречаются случаи, когда следователь оставляет без внимания тот факт, что эксперт ответил не на все поставленные вопросы или дал необоснованный отказ отвечать на некоторые вопросы, что выводы эксперта не согласуются с поставленными вопросами.

Необходимо отметить, что иногда почву для подобной «правоприменительной халатности» создает само заключение эксперта, выполненное на ненадлежащем уровне, содержащее значительные противоречия и упущения, а также выход эксперта за пределы своей науки и присвоение себе несвойственных ему функций судебных и следственных органов по оценке имеющихся в деле доказательств[1]. В данном случае это следствие привлечения к производству экспертиз лиц, которые не соответствуют требованиям, предъявляемым к эксперту. Иногда это

действительно специалисты, которые хотя и обладают специальными знаниями в какой-либо области, но не владеют или слабо владеют методикой проведения экспертного исследования. К сожалению, это часть другой проблемы, связанной с подготовкой экспертных кадров.

Известные сложности возникают в связи с наличием в заключении выводов не категорического, а вероятного характера. Как правило, следователи и судьи весьма настороженно относятся к таким выводам, полагая, что в такой ситуации доказательственное значение заключения эксперта сводится на нет. В результате как следствие назначается дополнительная или повторная экспертиза. Очевидно, что такая максималистская позиция не всегда оправданна, поскольку следователь должен понимать, что в ряде случаев выводы дополнительной экспертизы будут носить столь же вероятный характер. В связи с этим, думается, можно согласиться с точкой зрения авторов, полагающих, что на уровне УПК необходимо более четко закрепить допустимость вероятных выводов в заключении эксперта[8]. Это в определенной степени рассеет сомнения следователя или судьи и позволит использовать такие выводы эксперта в качестве доказательства. Как справедливо отмечает Е.Р.Россинская, вероятная форма выводов сама по себе не является основанием для назначения повторной экспертизы, если только при оценке заключения не возникают сомнения относительно научной обоснованности последнего или компетентности эксперта[11].

Полагаем, что часто основное внимание уделяется оценке не содержательной, а формальной стороны заключения. Связано это, в первую очередь, со сложностями восприятия текста заключения и особенно его исследовательской части, поскольку следователь или судья не во всех случаях «может квалифицированно судить о содержании проведенных исследований, поскольку для этого следует оценить примененные экспертом методы и методики, иметь представление о разрешающей способности, эффективности и точности методов, об апробации и научности методик и т.п.»[2]. К сожалению, не всегда даже широко эрудированный правоприменитель в состоянии определить, как выводы эксперта соотносятся с исследовательской частью, поскольку та часто содержит большое количество специальных терминов, указаний на использованную методику исследования, суть которой понимается следователем или судьей в лучшем случае в общих чертах.

В связи с этим предметом обсуждения может и должна стать возможность участия специалиста при оценке заключения эксперта. Процессуальный статус такого специалиста должен быть четко закреплен законодательно. Возможно, речь может идти об уточнении положения специалиста в уголовном судопроизводстве с наделением его четкими, а не схематичными полномочиями специалиста-консультанта.

В связи с появлением процессуальной фигуры специалиста в уголовном судопроизводстве и в контексте вопроса появления новых родов и

видов судебных экспертиз нельзя оставить без внимания и ряд проблемных аспектов, связанных с желанием некоторых следователей и судей получить заключение эксперта по правовым вопросам. Нередко речь идет о необходимости «вживления» в уголовный процесс правовой экспертизы как нового вида экспертизы. На наш взгляд, было бы нелогично замалчивать наличие данной проблемы, ограничившись цитированием весьма известного латинского утверждения «Суд знает право». Проблема действительно существует в силу ряда причин. Во-первых, российский законодатель в последние годы все чаще предпочитает конструировать нормативные правовые акты за счет огромного количества бланкетных норм, что на фоне увеличения в геометрической прогрессии всего массива нормативных правовых актов существенно затрудняет процесс правоприменения.

Выход из данной ситуации, на наш взгляд, как раз и видится в возможности более широкого привлечения специалиста-консультанта как следователем, так и судом. При этом, однако, следует помнить, что в его функции может входить лишь оказание помощи следователю в лучшем ориентировании в массиве того или иного законодательства и подборе норм, регулирующих определенную группу правоотношений. Целесообразно вести речь именно о привлечении специалиста, а не о получении заключения эксперта по правовым вопросам. Если в первом случае сохраняется активная позиция следователя, то во втором – существует риск деформации самой сущности следственной деятельности, поскольку функции следователя будут сужаться.

Таким образом, проблема оценки заключения эксперта при осуществлении доказывания в уголовном процессе является многогранной и многоплановой, требующей как осмысления законодателем с последующим внесением изменений в действующее законодательство, так и повышения уровня профессионализма и правоприменителя, и эксперта.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики. Вып. 2. М., 2001.

2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.

3. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966.

4. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М., 1969.

5. Галяшина Е.И. Цифровые фонограммы как доказательства // Эксперт-криминалист. 2008. N 3.

6. Конин В.В. Использование адвокатом специальных знаний в уголовном судопроизводстве как необходимость для повышения качества защиты // Адвокат. 2015. N 5.

7. Марковичева Е.В. Использование судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз в

доказывании по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Юридическая психология. 2008. N 2.

8. Матыцин Б.В. Основные правовые и криминалистические проблемы судебной экспертизы на современном этапе развития уголовного судопроизводства России: Автореф канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

9. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М., 2000.

10. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2011.

11. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.

12. Цаплин А.С. Использование специальных знаний представителем потерпевшего и защитником при исследовании материалов уголовного дела в ходе судебного разбирательства // Адвокат 2012. N 6.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПО ДЕЛАМ О РАЗГЛАШЕНИИ СВЕДЕНИЙ О МЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Ланшаков Д.С.
аспирант юридического института Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина
law@syktsu.ru

Аннотация. В работе представлены основные положения предмета доказывания, как совокупности обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Показана важность этого уголовно-процессуального института с позиций Конституционного Суда Российской Федерации и его отражение в судебных решениях Верховного Суда Российской Федерации. Дан анализ общей характеристики обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 311 УК РФ в части уголовно-наказуемого разглашения сведений о мерах безопасности. применяемых к участникам уголовного процесса.

Ключевые слова: *государственная защита; безопасность участников процесса; предмет доказывания; уголовное дело; противодействие преступности; разглашение сведений; меры безопасности.*

CIRCUMSTANCES TO BE ESTABLISHED IN CASES OF DISCLOSURE OF INFORMATION ON SECURITY MEASURES OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Lanshakov D.S.
graduate student of the Law Institute of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
law@syktsu.ru

Abstract. The work presents the main provisions of the subject matter of proof as a combination of circumstances to be established in a criminal case. The importance of this criminal procedure institution is shown from the position of the Constitutional Court of the Russian Federation and its reflection in the court decisions of the Supreme Court of the Russian Federation. An analysis has been given of the general characteristic of the circumstances to be proved in the criminal case of an offence provided for in article 311 of the Criminal Code of the Russian Federation with regard to the criminal disclosure of information on security measures. Applied to participants in criminal proceedings.

Key words: *state protection; safety of participants of process; proof subject; criminal case; crime counteraction; disclosure of data; security measures.*

Доказывание по уголовному делу сопряжено с различными факторами, влияющими на этот сложный процесс познания следователем, дознавателем или судом (судьей) события преступления и других обстоятельств, которые подлежат доказыванию и установлены в перечне ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

В этой связи, обеспечение безопасности участников уголовного дела рассматривается как существенная уголовно-процессуальная гарантия не только для процесса достаточного сбора доказательств, но и – надлежащей правовой защиты прав и законных интересов личности в сфере уголовного судопроизводства. Проблеме безопасного участия граждан в уголовном деле уделено внимание в работах О.А.Зайцева[1, 2], А.Ю. Епихина[3, 4, 5] и др.[6, 7, 8].

Значение обстоятельств, подлежащих доказыванию, заключается в оптимизации процессуальной деятельности в связи с решением вопроса о наличии или отсутствии виновности конкретного лица.

Относительно каждого состава преступления Особенной части действующего УК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, имеют свою специфику и особенности, что в полной мере относится к предмету доказывания по ст. 311 УК РФ.

Отметим, что, несмотря на достаточную устойчивость и традиционность перечня, положения ч. 1 ст. 73 УПК РФ применительно к

одному из таких обстоятельств, были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который в своем Постановлении от 17.04.2019 N 18-П[9] «признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют сохранять после вступления приговора в законную силу указанный арест»[10].

Положения ч. 1 ст. 73 УПК РФ находят свое отражение в отдельных решениях высшего судебного органа. Так, например, в п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 судам рекомендуется в соответствии с п.2 ч.1 ст. 73 УПК РФ обращать внимание на доказывание мотивов совершения преступления[11]. В этой связи, на первый взгляд, казалось бы, для чего возникает необходимость акцентирования внимания судей на это очевидное правило процесса доказывания. Оно указано в ч. 2 ст. 5 УК РФ о запрете объективного вменения, то есть уголовное наказание может быть установлено только при наличии вины конкретного лица в совершении преступления, о чем указывалось в литературе[12]. Вместе с тем, по нашему мнению, если такое указание содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, следовательно, не всегда и не по всем уголовным делам суды в процессе проведения судебного следствия должным образом проверяют наличие доказательств установления вины.

В отношении другого обстоятельства, подлежащего доказыванию, согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 отмечено, что «установление в подготовительной части судебного заседания личности подсудимого не освобождает суд от обязанности в силу требований ст.73 УПК РФ в ходе судебного следствия выяснить обстоятельства, характеризующие личность подсудимого и имеющие значение для постановления приговора или иного итогового судебного решения»[13].

Отметим, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, могут быть подтверждены только имеющими свойство допустимости доказательствами по уголовному делу, в противном случае они не могут иметь юридической силы, на что обращено внимание в обзоре судебной практики[14].

В п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 отмечена необходимость установления возраста несовершеннолетнего, так как это обстоятельство на основании ст.ст.19, 20 УК РФ, а также п.1 ч.1 ст. 421 и ст.73 УПК РФ является обязательным, поскольку его возраст входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию, является одним из непременных условий его уголовной ответственности[15].

Таким образом, применительно к обстоятельствам, подлежащим доказывания по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 311 УК РФ следует отнести их общий перечень, который указан в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, но наполненный конкретным содержанием и спецификой относительно данного состава преступления.

В этой связи представим их краткую уголовно-процессуальную характеристику. Так, согласно ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию о факте разглашения сведения о мерах безопасности участников уголовного процесса:

1) *событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).* В нашем случае факт разглашения сведений о мерах безопасности может осуществляться различными способами, которые подлежат установлению. Время совершения данного преступления должно иметь место, как правило, в процессе применения самих мер безопасности, которые реализуются в производстве по уголовному делу. То есть они имеют уголовно-процессуальные сроки производства. Вместе с тем, мы не исключаем возможности установления уголовной ответственности по ст. 311 УК РФ по истечении процессуальных сроков расследования и последующего судебного рассмотрения уголовного дела судом по существу, а также при исполнении приговора.

2) *виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы*. Диспозиция ст. 311 УК РФ не устанавливает четко определенной цели или мотива совершения факта разглашения сведений и мерах безопасности. Таким образом, собирание доказательств по данному преступлению не осложняется установлением этих признаков субъективной стороны преступления. Вместе с тем, совокупность доказательств должна подтверждать наличие прямого умысла на разглашение, так как состав преступления ст. 311 УК РФ является формальным и считается окоченным с момента доведения конфиденциальной информации до сведения постороннего лица. Наличие умысла на разглашение может свидетельствовать, например, о таких доказательствах, как осознанность разглашения, секретность сведений о мерах безопасности и т.п.

3) *обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого.* Совокупность доказательств о личности виновного имеет значение в связи с решением уголовно-процессуальных и уголовно-правовых вопросов. При разглашении указанных данных может оказать влияние наличие должностного положения и обязанности хранить в тайне сведения о мерах безопасности. Так, в содержании диспозиции ч. 1 ст. 311 УК РФ законодатель четко определил специальные признаки субъекта этого преступления как лица, которому сведения о применении мер безопасности участников уголовного судопроизводства были доверены или «стали известны в связи с его служебной деятельностью». Следовательно, собирание доказательств этого обстоятельства будет непосредственно связано с установлением этих двух признаков: 1) получение сведений от официальных органов, реализующих меры безопасности или 2) осведомленность с такими сведениями в связи со служебной деятельностью. По нашему мнению, к ним можно отнести такие доказательства как: должностная инструкция субъекта, в которой указан его доступ с конфиденциальной информации и ответственность за их разглашение; приказ о назначении на должность;

ведомственные инструкции, устанавливающие определенный режим секретности документации и способа ее хранения, передачи и пр.

4) *характер и размер вреда, причиненного преступлением*. В случае наступления общественно-опасных последствий и вреда имуществу защищаемого лица в связи с разглашением сведений о мерах, принимаемых для его безопасности, необходим сбор соответствующих доказательств для последующего установления размера и его возмещения в судебном заседании.

Перечень обстоятельств, перечисленных в п.п. 5-8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, как полагаем, характеризуется общими требованиями, которые традиционны для других уголовных дел.

Вместе с тем, немаловажное значение играет содержание ч. 2 ст. 73 УПК РФ об обязательности установления обстоятельств, повлекших, либо способствовавших разглашению сведений о мерах безопасности. В каждом конкретном уголовном деле следователь и суд обязаны устанавливать такие обстоятельства и вносить представление, определение в адрес должностных лиц и органов для устранения в будущем возникновения условия для разглашения сведений о мерах безопасности в отношении участников уголовного процесса.

Обратим внимание на подследственность расследования преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 311 УК РФ. На основании п. 4 ч. 3 ст. 151 УПК РФ законом определено, что дознание по такому преступлению проводится дознавателями органов ФССП России. Подследственность по ч. 2 ст. 311 УК РФ законом определена как альтернативная. Так, в ч. 6 ст. 151 УПК РФ установлена, что предварительное следствие по этому преступлению «производится следователями того органа, к чьей подследственности относится преступление, в связи с которым возбуждено соответствующее уголовное дело». По нашему мнению, такой подход к подследственности не достаточно полно обеспечивает надлежащее доказывание в связи с тем, что должна быть достаточная подготовка лица, в чьем производстве будет находиться уголовное дело о разглашении сведений о мерах безопасности, повлекшее наступление тяжких последствий.

На момент разглашения указанных сведений, основное уголовное дело, по которому эти меры безопасности были применены, может быть уже окончено производством путем вынесения итогового судебного решения и определить какой следственный орган должен проводить первоначальные следственные действий и собирание доказательств может быть довольно затруднительным.

Ситуация может быть осложнена и тем, что по основному уголовному делу может быть проведено не предварительное следствие, а дознание, что еще более затруднит определение органа предварительного следствия по ч. 2 ст. 311 УПК РФ. В этой связи считаем целесообразным изменить подследственность уголовного дела в виде предварительного расследования по ч. 2 ст. 311 УПК РФ следователям СКР РФ, так как пострадавшими по

делам данной категории могут быть не только потерпевшие, свидетели, но и судьи.

Список литературы

1. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 77-81.
2. Зайцев О.А.Правовые основы и практика обеспечения участия свидетеля на предварительном следствии. Москва, 1995.
3. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004.
4. Епихин А.Ю. Совершенствование правового регулирования безопасности личности в новом УПК РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 1. С. 115-122.
5. Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Москва, 1995.
6. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 225-229.
7. Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Мишин А.В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 2. С. 3-7.
8. Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии. Москва, 1995.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 N 18-П "По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой" // Собрание законодательства РФ. 29.04.2019. N 17. Ст. 2189.
10. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2019 года" // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2019. N 11. (извлечение).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 20.09.2018) "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 8. Август.
12. Епихин А.Ю. Проблемы исключения признака «заведомости» из диспозиций отдельных составов преступления на основании Закона №14-ФЗ от 29.02.2012 // Российский следователь. 2013. № 14. С. 12-15.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 "О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. Март.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) (ред. от 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 9. Сентябрь (извлечение).
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 29.11.2016) "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 4. Апрель.

ПОДМЕНА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ НЕ РКОМЕНДУЕТСЯ

Лекарева С.Е.
заведующий отделением права и организации социального обеспечения АНО ВО «Академия социального образования»

Гибадуллина А.Р.
Студентка 2 курса гуманитарно-юридического факультета уровня подготовки магистратуры АНО ВО «Академия социального образования» г. Казань

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового положения гражданского оборота, но на практике органы внутренних дел и предварительное следствие не наделены полномочиями по применению норм гражданского права, поэтому необходимым условием правомерного вмешательства органов внутренних дел является проверка правомочий лица обратившегося с заявлением, его проверка, обязанность и ответственность.

Ключевые слова: *гражданско-правовые отношения, уголовно-правовые отношения, формы собственности, участники гражданского процесса.*

SUBSTITUTION OF CIVIL LEGAL RELATIONS WITH CRIMINAL LEGAL NOT RECOMMENDED

Lekareva S.E.
Head of the Department of Law and Organization of Social Security ANO VO "Academy of Social Education"

Gibadullina A.R.
2nd year student of the Faculty of Humanities and Law
Master level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The article deals with the legal status of civil traffic, but in practice the bodies of internal affairs and the preliminary investigation are not endowed with the power to apply civil law norms, so the necessary condition for lawful interference of the internal affairs bodies is the verification of the authority of the person who applied, and responsibility.

Key words: *civil-law relations, criminally-legal relations, forms of ownership, participants of civil process.*

Многообразие форм собственности, признание современным российским государством частного, а не публичного характера гражданских правоотношений с трудом воспринимаются некоторыми работниками следственных органов.

Правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения регулирует, как известно, гражданское законодательство (ч.1 п.1 ст.2 ГК РФ), но не уголовное, содержащее охранительные нормы.

Однако на практике органы внутренних дел и предварительного расследования, не наделенные полномочиями на применение норм гражданского права, своими действиями часто пытаются решить вопросы правового регулирования, указанные в ч. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ.

Нередко уголовные дела возбуждаются по заявлению одного участника либо группы участников хозяйственного общества по обвинению другого участника (группы участников) этого же общества в хищении собственности или в злоупотреблении полномочиями в совместном для них обществе.

Равенство участников имущественных отношений, закрепленное в ст. 1 ГК, для органов предварительного расследования должно означать, в частности, что в конфликте между участниками хозяйственного общества один из них по отношению к другому не должен восприниматься как выразитель интересов общества. Такой спор является гражданско-правовым, подлежащим разрешению в соответствии с законодательством об обществах соответствующего типа и их учредительными документами в порядке гражданского судопроизводства (ст. 11 ГК РФ, ст. 1 ГПК РСФСР, ст. ст. 1, 2, 22 АПК[5] РФ). От имени общества могут приниматься заявления о

преступлении в отношении общества только от его органов, полномочия которых должны быть подтверждены учредительными документами общества (ст. 53 ГК). Соблюдение требований этой статьи принципиально важно для исполнения нормы, содержащейся в примечании 2 к ст. 201 УК РФ.

Поэтому первым условием правомерного вмешательства органов внутренних дел и предварительного следствия в установленную законом автономию воли и имущественной самостоятельности хозяйственного общества и отношений между предпринимателями является проверка правомочий обратившегося лица (органа) выступать от имени общества с заявлением о преступлении. Для этого необходимо обратиться к законодательству о хозяйственных обществах данного типа и к учредительным документам общества, а также к положениям гл. 10 ГК РФ.

Следующим обязательным условием является доказанность обществом наличия ущерба и обоснование его размера для возбуждения уголовного дела по признакам состава преступления. Причем существенное значение имеет порядок определения ущерба, особенно когда заявление подано о причинении ущерба за период, в отношении которого имеется решение компетентного органа управления хозяйственного общества об отсутствии ущерба. Согласно подп. 11 п. 1 ст. 48 Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее – Закон) утверждение годовых отчетов, бухгалтерских балансов, счета прибылей и убытков общества, распределение его прибылей и убытков отнесено к исключительной компетенции общего собрания. В гл. XII этого же Закона определяется порядок осуществления контроля за финансово-хозяйственной деятельностью общества. Аналогичные нормы содержатся в ст. ст. 33, 47, 48 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Один из принципов гражданского права заключается в недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела.

Соответственно в названных Законах не упоминается возможность публично-правового, в том числе со стороны органов внутренних дел, контроля за финансово-хозяйственной деятельностью хозяйственных обществ. Поэтому следователь обязан обосновать ущерб, причиненный обществу, ссылкой на то, в каком порядке, установленном законодательством и учредительными документами, общество определило наличие и размер причиненного имущественного ущерба. Если ущерб определен не обществом и не в установленном им порядке (например, как это случается, посредством ревизии или судебно-бухгалтерской экспертизы, назначенной следствием в ходе уголовного дела), то очевидно, что имеет место произвольное вмешательство в деятельность общества, нарушение автономии воли и имущественной самостоятельности участников имущественных отношений.

Некоторые содержащиеся в уголовно-процессуальном законодательстве публично-правовые поводы и основания для возбуждения уголовного дела, сохранившиеся со времен единой собственности и публичности

гражданского права советского государства, противоречат содержащимся в ст. ст. 34, 35 Конституции РФ, ст. 209 ГК РФ положениям о том, что собственник по своему усмотрению совершает в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, свободно распоряжается им. Публично-правовая забота об имуществе собственника, о которой он не просил, нарушает его свободу и отрицает право частной собственности, закрепленное в ст. 35 Конституции РФ.

При несоблюдении этих условий отсутствуют основания для утверждения о событии преступления, и уголовное дело не может быть возбуждено (подп. 1 п. 1 ст. 5 УПК РФ[2]).

Допустим, в заявлении о привлечении к уголовной ответственности, которое подано уполномоченным в силу закона и учредительных документов общества органом последнего, утверждается, что в отношении его имущества совершил действия участник общества или предприниматель. Те не отрицают этих действий, но настаивают на их правомерном характере. В таком случае до возбуждения уголовного дела нужно установить права и обязанности по отношению к этому имуществу «подозреваемого» лица, для чего следует определить юридические факты, из которых возникло заявленное имущественное обязательство. Обязательства возникают из договора, вследствие причинения вреда и из иных оснований, указанных в ст. 307 ГК РФ. Иначе говоря, при проверке заявления о возбуждении уголовного дела подлежит установлению наличие или отсутствие договора или встречных обязательств между субъектами имущественного конфликта.

Когда причинение имущественного ущерба не связано с наличием договорных отношений или встречных обязательств, исключается одно из существенных условий для ошибочного вторжения субъектов уголовного процесса в гражданско-правовые отношения. В таких случаях имущественное преступление одновременно является фактом, порождающим гражданско-правовое обязательство вследствие причинения вреда.

Вероятность ошибочного уголовного преследования возникает нередко в случаях, когда обращение имущества в пользу подозреваемого или других лиц произведено на основании договора, подписанного сторонами. Вот пример, как представляется, ошибочного уголовного преследования по заявлению о хищении имущества путем реализации заключенного договора, который заявитель оспаривает.

Новые собственники акционерного общества после его покупки обратились с заявлением о присвоении и растрате прежними руководителями имущества общества в период до покупки. Следствием квалифицированы как присвоение и растрата со стороны прежнего генерального директора подписание им договоров:

1) на содержание военизированной газоспасательной службы «по завышенным сметам»;

2) о передаче на баланс администрации района 14 коттеджей, построенных акционерным обществом, что сопровождалось постановлением администрации района о принятии домов в собственность района, которое, как утверждало следствие в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, глава администрации издал незаконно;

3) о монтаже телеантенн на 14 коттеджах;

4) о продаже дома гражданину Ш. (по нотариально заверенному договору с последующей государственной регистрацией дома за Ш. в БТИ).

Как злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ)[7] было квалифицировано подписание этим же лицом договора продажи имущества акционерного общества другому хозяйственному обществу. Объективная сторона злоупотребления в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого обосновывалась его заинтересованностью в сделке в нарушение ст. 81 Федерального закона «Об акционерных обществах», превышением полномочий при совершении крупной сделки в нарушение п. 3 ст. 83 этого же Закона.

Во всех случаях у выгодополучателей – лиц, в собственность которых, в том числе с государственной регистрацией в случаях, предусмотренных законом, перешло «похищенное» имущество, право собственности на последнее возникло на основании договора, т.е. в порядке, предусмотренном гражданским законодательством (ч. 1 п. 2 ст. 218 ГК РФ). И в силу ст. 11 ГК РФ только после признания этого основания возникновения права собственности – договора недействительным в соответствии с параграфом 2 гл. 9 ГК можно говорить, что обращение имущества в пользу этих лиц противоправно. Сделка становится недействительной в силу признания ее таковой судом (ст. 166 ГК РФ), но не органами предварительного расследования, для которых до признания сделки недействительной приобретение по ней имущества не содержит обязательного признака хищения – противоправности изъятия имущества (примечание 1 к ст. 158 УК РФ). Причем с иском о признании сделки недействительной может обратиться не каждое лицо, а лишь указанное в параграфе 2 гл. 9 ГК РФ либо в законах, содержащих нормы гражданского права. Так, в силу п.1 ст. 84 Закона «Об акционерных обществах»[6] и аналогично п.5 ст. 45 и п.5 ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»[8] сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, или крупная сделка, совершенная с нарушением требований, предусмотренных этими Законами, должны быть признаны недействительными по иску общества или его участника

Обосновывая злоупотребление служебным положением генерального директора акционерного общества путем заключения сделки купли-продажи имущества с длительным сроком оплаты, следствие указало, что эта сделка является кабальной. Но такая гражданско-правовая квалификация сделки может быть сделана только судом по иску потерпевшей по сделке стороны о признании сделки недействительной (ст. 179 ГК РФ)[4]. Основания такого

иска, т.е. обстоятельства, указывающие на кабальность сделки, должны быть доказаны истцом по принципам равноправия и состязательности сторон в гражданском судопроизводстве (ст. ст. 7, 53 АПК РФ, ст. ст. 14, 50 ГПК РФ).

Обвинение в хищении денег «путем завышения сметы» не учитывает принципа свободы договоров (п. 1 ст. 1, ст. 421 ГК РФ), в том числе при определении цены договора (ч. 1 п. 1 ст. 424 ГК РФ). Такая форма хищения была возможна лишь при единой ценовой политике, которая была, например, в СССР, где устанавливались единые цены для товаров, работ и услуг.

В любом случае определение вреда, причиненного заключением признанных судом недействительными сделок, производится судом в ходе рассмотрения искового заявления. А поскольку в обвинении генерального директора акционерного общества речь идет о сделках между юридическими лицами, то они могут оцениваться только арбитражным судом, но не судом общей юрисдикции (ст. 25 ГПК[3] РФ, ст. 22 АПК РФ). Суду общей юрисдикции, осуществляющему уголовное судопроизводство, вопросы о существе сделок, подписанных лицом, привлекаемым к уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ, неподведомственны.

В связи с фактами вмешательства органов следствия в сферу гражданских правоотношений можно сослаться на один из прецедентов Европейского Суда (решения которого в силу ст. 15 Конституции РФ[1] и заключенных Россией международных договоров являются для нашего государства обязательными) о применении ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и права на суд. В этой статье закрепляется право на справедливое разбирательство дела. Оно означает равенство средств защиты или принцип состязательности. Вмешательство государства в лице законодательной, исполнительной власти или прокуратуры в ход судопроизводства по делу о частных правах может привести к нарушению этого принципа. В гражданских правоотношениях интересы государства не должны превалировать над интересами сторон. Поэтому особая, сильная позиция государства для защиты своих интересов в гражданско-правовых делах не соответствует требованию равенства сторон и не может считаться справедливой. Это касается и поддержки государством конкретных сторон в гражданско-правовых спорах.

В этом же духе Конституционный Суд РФ в п. п. 6 и 7 мотивировочной части постановления от 2 февраля 1998 г. указал на недопустимость неправомерного вторжения органов исполнительной власти в сферу гражданских, жилищных, семейных и иных правоотношений, складывающихся на основе согласия сторон[9].

Необоснованное вмешательство правоохранительных органов в гражданско-правовые отношения происходит часто сознательно. Лицо, не уверенное в своей правоте и возможностях выиграть имущественный спор в порядке гражданского судопроизводства, иногда использует связи и иные незаконные способы для привлечения на свою сторону публичной власти. Тогда мы и сталкиваемся с не основанными на законе действиями

должностных лиц следственных органов по установлению гражданских прав и обязанностей с использованием своих властных полномочий.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 31. – ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – N 40. – ст. 592.

3. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – N 24. – ст. 407.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – N 32. – ст. 3301.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 30. – ст. 3012.

6. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 1. – ст. 1.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 25. – ст. 2954.

8. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – N 7. – ст. 785.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1998 г. N 4-П «По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12, и 21 Правил регистрации и снятия граждан РФ с регистрационного учета по месту пребывания и жительства в пределах РФ, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 17 июля 1995 г. N 713» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1998. – N 3.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ АВТОРСКОГО ПРАВА

Лекарева С.Е.

заведующий отделением права и организации социального обеспечения АНО ВО «Академия социального образования»

Фаизова Р.И.
Студентка 2 курса гуманитарно-юридического факультета
уровня подготовки магистратуры
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье рассматривается возникновение и развитие отечественного законодательства в области авторского права. Приводится сравнение института авторского права с западноевропейскими странами. Также уделено внимание формированию принципа дуализма интеллектуальной собственности и его частных форм для авторского права и для смежных прав.

Ключевые слова: *авторское право, смежное право, отечественное законодательство, институт авторского права, общество.*

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION IN THE FIELD OF COPYRIGHT

Lekareva S.E.
Head of the Department of Law and Organization of Social Security ANO VO
"Academy of Social Education"

Faizova R.I.
2nd year student of the Faculty of Humanities and Law
Master level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The article considers the emergence and development of domestic legislation in the field of copyright. The author compares copyright with Western European countries. Attention is also paid to the formation of the principle of duality of intellectual property and its private forms for copyright and related rights.

Key words: *copyright, related law, domestic legislation, copyright institution, society.*

Сегодня принято говорить, что в условиях формирования информационного общества важнейшую роль в экономике играет интеллектуальная собственность. Действительно, в современном мире права на результаты интеллектуальной деятельности приобретают все большую ценность. Однако зарождение соответствующих правоотношений произошло

задолго до появления термина «информационное общество» и даже самого понятия интеллектуальной собственности. Одним из первых правовых институтов, относящихся к области интеллектуальных прав, стал институт авторского права. В настоящее время авторское право охраняет все произведения науки, литературы и искусства, но «наиболее ранее развитие и признание в положительных законодательствах получило право на литературные произведения»[1, с. 1].

В сравнении с западноевропейскими странами институт авторского права в России развивался с явным запозданием. М.В.Гордон, один из виднейших советских ученых в области права, пишет, что нормы авторского права в России появились не в результате заимствования западноевропейских образцов, а «когда классовые отношения в русском обществе создали возможность появления книгоиздательства как особой предпринимательской деятельности, когда автор литературных и иных произведений мог стать лицом, постоянно получающим доходы от этой профессии»[2, с. 171].

Вплоть до XVI столетия Россия не знала книгопечатания: копирование книг производилось только путем переписывания, причем исключительно в монастырях: соответствующих промышленных учреждений не существовало. Те немногие литературные произведения, которые распространялись в обществе, в основном были религиозного содержания. В силу своей природы такие сочинения зачастую не являлись результатами творческого труда, поэтому не вставал вопрос и об имущественных интересах авторов. Не сильно изменилась ситуация и в XVII веке: светская литература еще не вызывала интереса в обществе; практически единственными представителями литературного труда являлись летописцы, чье материальное благополучие полностью зависело от расположения и воли государя. Впрочем, зависимое положение творца было характерно и для эпохи древности, и для средневековой Европы.

Перемены начались в Петровскую эпоху, когда царь-реформатор, стремясь привнести в Россию просвещение, обратил внимание на переводы иностранной литературы и даже учредил газету. Однако само русское общество еще не проявляло интереса к чтению, что обусловило отсутствие необходимости в массовом тиражировании литературных произведений. На протяжении длительного периода – все XVII и почти все XVIII столетие – в России не было частных типографий[2, с. 172], поэтому не существовало никаких предпосылок и для выдачи привилегий издателям, как это делалось в странах Западной Европы. И.Г. Табашников, известный дореволюционный юрист, писал: «Привилегии и их перипетии не нашли себе в нашем государстве никакой пищи: круг наших читателей был до того тесен, а количество литературных тружеников до того незначительно, что контрафакция не могла найти себе здесь сколько-нибудь благодарного поприща»[3, с. 345].

Таким образом, в то время, когда западные страны уже начали отказываться от системы привилегий, признав естественный характер

авторских прав, в России еще даже не сложились экономические условия, требующие охраны имущественных интересов издателей. Неудивительно, что и первая привилегия в России была выдана не на издание сочинений, а на ввоз на ее территорию для продажи книг, напечатанных в зарубежной типографии. Выдана эта привилегия была в 1698 году голландскому издателю по фамилии Тесинг сроком на пятнадцать лет[2, с. 173]. Она запрещала каким бы то ни было иным лицам ввозить книги на русском, латинском или голландском языках и продавать их на территории страны.

Одна из первых привилегий внутри страны была выдана Академии наук: всем типографам под угрозой конфискации в пользу Академии запрещалось перепечатывать, без особого ее дозволения, книги, изданные в академической типографии[4, с. 122]. Частные типографии появились в Российской Империи только в конце XVIII века: в 1771 году в Петербурге типографию организовал И.М. Гартунг, а в 1776 году – И.Я. Вейтбрехт и И.К. Шнор. Появление типографий сопровождалось выдачей им привилегий на печать и продажу сочинений, впервые изданных ими. Таким образом, в России привилегии выдавались не в отношении отдельных произведений, а в отношении всех сочинений, впервые публикуемых соответствующей типографией, или же в отношении определенного типа произведений (например, на печать календарей и ведомостей). Освещая сложившуюся ситуацию, И.Г. Табашников указывает: «Того именно, что в западной Европе носило название привилегии на книги, т.е. обеспечение автора или издателя от произвольных перепечаток, Россия не знала»[3, с. 345]. М.В. Гордон в свою очередь пишет о том, что весь XVIII век в издательском деле прошел под знаком государственной монополии[2, с. 173].

15 января 1783 года вышел указ, разрешивший учреждение частных (вольных) типографий во всех городах империи. Однако, по словам М.В. Гордона, этот указ «отнюдь не устанавливал, какой бы то ни было «свободы» для книгопечатания. Этим же указом предписано было управам благочиния иметь наблюдение за тем, чтобы в типографиях не печаталось ничего «противного законам божиим, гражданским или к явному соблазну клонящегося» [2, с. 174].

XIX столетие стало периодом расцвета русской литературы, который сопровождался быстрым ростом спроса на литературные произведения. С 1820-х годов происходит значительный сдвиг во взаимоотношениях издателей и авторов: начинается выплата вознаграждения за творческий труд. Однако гонорары выплачивались авторам исключительно за продажу рукописей произведений и были весьма незначительными на фоне прибыли, получаемой издателями. Поэтому, как в свое время в Европе (начало XVIII века – в Англии, его вторая половина – во Франции), обозначилась потребность предоставить авторам исключительное право на печать их сочинений. В Цензурном уставе 1828 года появилось несколько положений, непосредственно регулировавших вопросы, связанные с литературной собственностью. Сочинителям и переводчикам предоставлялось

исключительное право издания и продажи их произведений в течение всей жизни. Наследники автора пользовались исключительным правом в течение 25 лет после его смерти. Запрещалась всякого рода контрафакция. Однако законодатель не установил никаких санкций за нарушение этого запрета.

В том же 1828 году было принято Положение о правах сочинителей, содержавшее более обширные нормы в области прав на литературные произведения. Согласно введенным правилам кредиторам запрещалось обращать взыскание на неотчужденное автором произведение. Немаловажным представляется появление нормы о переходе на вторичных приобретателей рукописей обязанностей книгопродавцов по заключенным с авторами договорам. Кроме того, Положением вводилось нормативное определение контрафактора и устанавливалось наказание за контрафакцию, отсутствовавшее в Цензурном уставе.

В 1830 году с целью восполнения пробелов, обнаруженных в ходе применения Положения 1828 г., появилось Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, содержавшее ряд нововведений. В частности, новое издание произведения, осуществленное за пять лет до истечения срока действия исключительного права, увеличивало этот срок еще на 10 лет. Был расширен пункт о контрафакции: к ней стали причислять напечатание без согласия автора произнесенной публично речи. Надо сказать, что для обозначения авторского права изданный закон оперировал понятием «право собственности»[4, с. 125]. В 1857 году под влиянием западных веяний, а также вследствие непрерывного развития литературного творчества и расширения читательской аудитории срок охраны авторского права увеличивается с 25 до 50 лет после смерти автора.

Говоря о законодательстве России в области авторского права второй половины XIX века, следует отметить, что постановления о литературной собственности были помещены в XIV том свода законов в качестве особого раздела Цензурного устава. Однако неправильность такого их расположения была очевидной. На это обращал внимание И.Г. Табашников, утверждая, что включение соответствующих положений в Цензурный устав не соответствует их истиной юридической природе[3,4 с. 350].

В 1846 году было утверждено Положение о собственности художественной, которое предоставило художникам право пользоваться в отношении своих произведений в течение всей своей жизни «собственностью художественной». Последняя, согласно Положению, состояла в исключительном праве повторять, издавать и размножать оригинальное произведение всеми возможными способами, присущими соответствующему виду искусства. Спустя два года было издано Положение о музыкальной собственности. Следует подчеркнуть, что несмотря на использование в законах терминов «литературная», «художественная» и «музыкальная собственность», между традиционным правом собственности и авторскими правами не ставился знак равенства[5, с. 204]. Наряду с названными понятиями использовался и термин «исключительное право».

Постепенно Россия начала вступать в международные соглашения по вопросам авторского права, однако в большинстве случаев их положения не отвечали ее национальным интересам. В то время как Российская империя была заинтересована в переводе и распространении западной литературы, произведения русских писателей еще не получили признания в Европе. Соглашения о взаимной защите авторских прав, заключенные с Францией и Бельгией в 1861 и 1862 годах, обусловили появление препятствий в создании и распространении дешевых переводов и были невыгодны российским издателям и книготорговцам. Поэтому по истечении срока действия указанных договоров Россия отказалась от их продления и в 1887 году оказалась не связана какими-либо между народными обязательствами в области охраны авторских прав.

Тем временем русская литература обретала популярность на Западе: произведения Тургенева, Достоевского, Толстого переводились на иностранные языки и пользовались спросом в Европе. При этом писатели в силу отсутствия международных соглашений были лишены возможности получать материальное вознаграждение от распространения их сочинений. Очевидно, что сложившаяся ситуация была выгодна русским книготорговцам, продолжавшим получать прибыль от ничем не ограниченной продажи иностранных произведений, в то время как русские литераторы, напротив, оказались в крайне невыгодном положении [5, с. 205].

Список литературы

1. Свечникова И.В. Авторское право**:** учебное пособие // Москва, 2010. – 222 с.

2. Гордон М. В. К истории возникновения авторского права в России // Харьковский юридический институт им. Л.М. Кагановича. Ученые записки. Вып. 3. – 1948.

3. Табашников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. Т.1: Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект. // СПб.: Типография М.И. Попова, 1990.

4. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: Типография Императорского университета, 1891.

5. Павлова Е. А. Соотношение права собственности и интеллектуальных прав // Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А.Суханов, В.В.Чубаров // М.: Статут, 2008.

ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Лекарева С.Е.
заведующий отделением права и организации социального обеспечения АНО ВО «Академия социального образования»

Мурзанов Е.С.
Студентка 2 курса гуманитарно-юридического факультета уровня подготовки магистратуры АНО ВО «Академия социального образования» г. Казань

Аннотация. В статье рассмотрены отношения права собственности, в центре которых находится такой специфический объект, как жилое помещение. Проведен анализ некоторых норм гражданского и жилищного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: *жилое помещение, квартира, недвижимость, право собственности, имущество.*

LIVING ROOM AS AN OBJECT OWNERSHIP

Lekareva S.E.
Head of the Department of Law and Organization of Social Security ANO VO "Academy of Social Education"

Murzanov E.S.
2nd year student of the Faculty of Humanities and Law Master level ANO VO "Academy of Social Education" Kazan

Abstract. The article deals with the relations of the right of ownership, in the center of which there is such a specific object as the living quarters. The analysis of some norms of civil and housing legislation of the Russian Federation is carried out.

Key words: *apartment, apartment, real estate, ownership, property.*

Объектом права собственности на жилое помещение является жилище, т.е. отдельная жилая единица, предназначенная и используемая для постоянного проживания, отвечающая установленным техническим, санитарным и другим обязательным требованиям.

Жилище относится к естественным потребностям людей, без удовлетворения которых невозможно их существование. Очевидно, что

человек не может жить без одежды, еды, медицинско-социальных благ и жилища. Данные положения зафиксированы в том числе и в ратифицированных Российской Федерацией международных документах. Так, соответствии со ст. 25 Всеобщей декларацией прав человека (принята ООН), каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая одежду, медицинский уход, жилище и такое социальное обслуживание, который необходим для поддержания достойной жизни его самого и его семьи[2]. Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах рассматривает как обязанность государств-участников – обеспечение принятия мер для обеспечения осуществления право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий в себя питание, одежду, жилище и другие блага первой необходимости (ст. 11)[4].

В гражданско-правовом смысле право на жилище представляет собой право граждан на конкретное, уже имеющееся у граждан жилище и гарантирует недопустимость его лишения.

В конституционно-правовом смысле право граждан на жилище – это неотъемлемое право человека, включающее в себя гарантированные государством возможность получить жилище; право на неприкосновенность жилище; право на обеспечение безопасности жилища; право на свободу выбора места жительства; право на беспрепятственную реализацию гражданами своих жилищных прав.

В законодательстве нет четкой дефиниции понятия «жилище». Ни Конституция Российской Федерации, ни Гражданский кодекс Российской Федерации, ни Жилищный кодекс Российской Федерации не содержит данного термина, что, безусловно, относится к проблемным моментам жилищного законодательства. В таких условиях получается, что Конституция Российской Федерации гарантирует право на определенный объект (жилище), легального определения которого не имеет ни один нормативно-правовой акт.

Попытаемся сопоставить между собой понятия «жилище» (в конституционно-правовом смысле) и понятие «жилое помещение». Ученые по-разному оценивают связь этих понятий.

Одни считают, что понятие «жилище», используемое в Конституции Российской Федерации, шире понятия «жилое помещение». Они отмечают, что под жилищем нужно понимать не только специально предназначенные для постоянного проживания граждан помещения, но и другие, не относящиеся к таким помещениям объекты (чердаки, шалаши, сараи, дачные домики и т.д.). В то же время представители этой точки зрения приравнивают к жилищу транспортные средства, гаражные постройки, купе в вагоне поезда. В понятие «жилище» также включаются служебные помещения, временно приспособленные для жилья[10]. Такая обстановка дел может создать ситуации необходимости защиты конституционного права на жилище, хотя тот или иной объект в действительности не является жилым помещением. С другой стороны, такая позиция выступает в качестве «лазейки» для

государства, целью которой является избежание обязанности по обеспечению жилыми помещениями граждан. Если понимать под жилыми помещениями дачные домики, шалаши, палатки, подвалы и т.д., то реализация ст. 40 Конституции Российской Федерации не вызывает никаких сомнений. Некоторые люди могут жить и в землянке, и на чердаках, и в колодцах, однако, по нашему мнению, эти объекты нельзя признать в качестве жилых помещений. На сегодняшний день количество лиц без определенного места жительства постоянно растет, в результате чего появляются идеи о законодательном закреплении этого статуса[11].

Представители другого направления считают, что понятие «жилище» целесообразно отождествлять с понятием «жилое помещение», причем они должны пониматься в качестве помещений, предназначенных для постоянного проживания людей. По мнению П.И. Седугина «термин жилище означает обычно особое сооружение или помещение, специально предназначенное для проживания людей: жилой дом, квартира, комната, другое жилое помещение, вместе с соответствующей вспомогательной площадью (кухня, коридор, ванная комната, прихожая и т.п.)»[9]. На наш взгляд, данная точка зрения является наиболее правильной.

В.Н. Литовкин под жилищем понимает место жительства гражданина, представляющее собой специальное сооружение, обладающее следующими характеристиками:

1) сооружение должно рассматриваться как жилище еще до начала строительства;

2) сооружение должно обладать потребительскими свойствами: всепогодность сооружения, его недвижимость, обязательный стандарт санитарных и технических условий, применительно к природно-географическим условиям местности[6].

Если обратиться к словарному значению рассматриваемого понятия, то под жилищем понимается место, где проживают люди, где они поселились (дом, комната и т.д.)[3]. Следовательно, понятие «жилище» тесно связано с местом постоянного проживания человека (с местом жительства).

Не раз российские авторы обращали внимание на то, что в Гражданском кодексе РФ нет статьи, непосредственно посвященной объектам права собственности или других вещных прав[1]. Лишь однажды в статье 289 ГК РФ квартира упоминается как объект права собственности. К сожалению, в статье говорится о квартире как объекте собственности, но не раскрывается ее сущность: «Собственнику квартиры в многоквартирном доме наряду с принадлежащим ему помещением, занимаемым под квартиру, принадлежит также доля в праве собственности на общее имущество дома». Жилищный кодекс РФ перечисляет квартиру как вид жилого помещения, не раскрывая ни самого понятия квартиры, ни права собственности на нее (ст. 16 ЖК РФ). В то время как каждый вид жилого помещения имеет существенные особенности.

Советское законодательство не рассматривало жилое помещение как самостоятельный объект гражданского оборота. Жилое помещение могло выступать объектом жилищных правоотношений, что же до объекта гражданских правоотношений, то в качестве такового рассматривался многоквартирный жилой дом в целом.

В современной литературе квартира рассматривается в качестве самостоятельного объекта прав. При этом многие авторы, рассматривая квартиру как объект прав, обращают также внимание на сложность такого объекта, входящего в состав дома. Так, по мнению П.В. Крашенинникова, жилое помещение представляет собой сложный объект, в состав которого в качестве главной вещи входит само помещение, непосредственно предназначенное для удовлетворения жилищных потребностей граждан, а наряду с ним и другие вещи или имущественные права[5].

В отношении жилого дома как объекта прав П.В. Крашенинников отмечает, что многоквартирный дом может быть объектом правоотношений, например, объектом договора купли-продажи, но только в тех случаях, когда он не заселен и когда не сформированы (не выделены в натуре) такие объекты, как помещения (жилые и нежилые). После этого объектами гражданского, жилищного права становятся помещения со всеми вытекающими правовыми последствиями.

Е.А. Суханов отмечает, что жилые помещения - по сути составные (несамостоятельные) части недвижимых объектов (многоквартирных жилых домов), равно как нежилые помещения - составные части зданий[8].

Необходимо отметить, что в Концепции развития законодательства о вещном праве первоначально предлагалось следующее определение помещения как объекта гражданских прав - конструктивно и пространственно обособленная часть (трехмерный объем) внутри здания (сооружения), пригодная для использования. Также говорилось о том, что в отличие от здания оно (помещение) лишено материального выражения[7].

В проекте изменений в ГК РФ была предложена норма, в соответствии с которой помещением признается часть здания или сооружения, ограниченная трехмерным замкнутым контуром, пригодная для использования (ст. 298). Для отграничения жилых помещений от иных подобных объектов предлагается закрепить признак пригодности для проживания.

В определении не отражена важная характеристика квартиры, состоящая в праве собственника квартиры на долю в общих помещениях дома, находящихся за пределами квартиры. В этой связи собственники помещений, находящихся в одном жилом доме, обязаны участвовать в общих затратах по его содержанию. Размеры затрат каждого собственника определяются отношением полезной площади жилых помещений или площади нежилых помещений в жилом доме, находящихся в раздельной собственности, к общей площади жилого дома, если иное не установлено соглашением собственников.

Таким образом, авторы Концепции развития законодательства о вещном праве рассматривают помещения, находящиеся в здании, в качестве его части, что принципиально меняет существующий сейчас подход к определению квартиры в качестве объекта прав.

В России жилым признается помещение, которое отвечает установленным санитарным, техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства и предназначено для постоянного проживания граждан (п. 2 ст. 15 ЖК РФ). При этом различают жилой дом, часть жилого дома, квартиру, часть квартиры и комнату.

Квартирой признается структурно обособленное помещение в многоквартирном доме, обеспечивающее возможность прямого доступа к помещениям общего пользования в таком доме и состоящее из одной или нескольких комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком обособленном помещении (п. 3 ст. 16 ЖК РФ).

Ключевым элементом данного определения является указание на то, что квартира обеспечивает прямой доступ к помещениям общего пользования в многоквартирном доме. Иными словами, наличие отдельного входа, обеспечивающего непосредственную связь с местами общего пользования многоквартирного дома, составляет неотъемлемый признак жилого помещения.

Комнатой признается часть жилого дома или квартиры, предназначенная для использования в качестве места непосредственного проживания граждан в жилом доме или квартире (п. 4 ст. 16 ЖК РФ).

Таким образом, в жилищном законодательстве в качестве жилища рассматриваются недвижимые вещи.

Представляется, что определение квартира должно учитывать следующие обязательные характеристики как объекта прав. Во-первых, главная особенность квартиры в том, что она является частью многоквартирного дома. Во-вторых, определение должно учитывать существующее в практике разграничение полезной площади на жилую и нежилую площадь. В-третьих, важной характеристикой квартиры является право на долю в общих помещениях дома, находящихся за пределами квартиры, не составляющих ее части, но обслуживающих все квартиры многоквартирного дома.

Полагаем, что понятие квартира можно сформулировать следующим образом: самостоятельная, функциональная часть многоквартирного жилого дома, состоящая из жилой и нежилой площади и предполагающая право на долю в общем имуществе дома.

Список литературы

1. Ахметьянова З.А. К вопросу об объектах права собственности // Юрист, 2013. – № 23. – С. 25-26.

2. Всеобщая декларация прав человека: утверждена и провозглашена Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. Том 1. - М.: ДИАМАНТ. – 1996. – С. 542.
4. Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах: принята организацией Объединенных Наций 19 декабря 1966 г. Ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. –1976. – № 17. – Ст. 291.
5. Крашенинников П.В. Жилищное право. – М.: Статут, 2013. – С. 24.
6. Литовкин, В.Н. Право собственности и другие вещные права на жилище // Жилищное право. – 2014. – №1. – С. 33-35.
7. О проекте Концепции развития законодательства о вещном праве // Бюллетень нотариальной практики. – 2009. – № 3. – С. 33 - 40.
8. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2012. – С. 308.
9. Седугин, П.И. Жилищное право: Учебник для вузов. - М.: НОРМА ИНФРА М., 2013. – С. 16.
10. Топорин, Б.Н., Батурин, Ю.М., Орехов, Р.Г. Конституция Российской Федерации. Комментарий. – М.: Юридическая литература, 2013. – С. 161-162.
11. Школяренко, Е.А. Статус бездомных и лиц без определенного места жительства: необходимо четкое правовое регулирование // Журнал российского права. – 2014. – №5. – С. 63-70.

ДЕВИАНТНОСТЬ РЕБЁНКА, ВЫЗВАННАЯ ЦИФРОВОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАПУЩЕННОСТИ

Морозов А.В.
доктор педагогических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ «НИИ ФСИН России»,
г. Москва
e-mail: doc_morozov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются причины девиантного поведения детей, обусловленные проблемой, связанной с их цифровой зависимостью; особое внимание уделяется анализу причин отклоняющегося поведения, обусловленных социальной запущенностью в связи с отсутствием системы воспитания во всех институтах современного общества на фоне тотальной цифровизации. Анализируется роль средств массовой

информации, в целом, и цифровой среды, в частности, и влияние, оказываемое ими на процесс социализации и развития ребёнка.

Ключевые слова: *девиантное поведение, ребёнок, цифровая зависимость, социальная запущенность, несовершеннолетние, цифровизация, средства массовой информации, воспитание, цифровая среда.*

CHILD DEVIANCE CAUSED BY DIGITAL ADDICTION IN CONDITIONS OF SOCIAL NEGLECT

Morozov A.V.
Doctor of Education, Professor,
Chief Researcher, PKU "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia",
Moscow
Email: doc_morozov@mail.ru

Abstract: The article examines the causes of deviant behavior of children due to the problem associated with their digital addiction; special attention is paid to the analysis of the causes of deviant behavior due to social neglect due to the lack of a system of education in all institutions of modern society against the background of total digitalization. The article analyzes the role of mass media in General and the digital environment in particular, and the impact they have on the process of socialization and development of children.

Key words: *deviant behavior, child, digital addiction, social neglect, minors, digitalization, mass media, education, digital environment.*

Феномен всеобщей тотальной цифровизации общества, актуальный для современного мира, несёт в себе не только прогресс, нацеленный на развитие всех стран и народов, как это с завидной регулярностью декларируется в различных средствах массовой информации и, особенно, в интернет-пространстве, но и целый ряд скрытых, далеко не всеми осознаваемых и, в силу этого, отчётливо понимаемых, вполне реальных рисков, угроз и вызовов, в особенности, для тех, кто в силу своих возрастных особенностей ещё не успел полностью сформироваться, как зрелая, адекватная и сознательная личность.

Одной из таких реальных угроз, по нашему глубокому убеждению, является проблема усиления цифровой зависимости несовершеннолетних, сопровождающаяся ростом различного рода проявлений девиантного поведения.

Ещё одной несомненной и вполне очевидной угрозой является негативное влияние различных средств массовой информации на

нравственное воспитание, психическое и физическое здоровье детей, на что нами уже обращалось внимание в более ранних публикациях [5].

Свёртывание социальных контактов, сокращение практики социального взаимодействия и общения приводит к индивидуализму и социальному одиночеству, а, кроме того, всё сильнее затягивает неокрепшую и ещё не конца сформировавшуюся личность ребёнка в «болото» цифровой зависимости.

К числу несомненных вызовов современной цифровой среды, относятся проблемы, связанные с трудностями фактической реализации воспитательной функции, возложенной на различные государственные институты, и в первую очередь, на семью и школу. При этом, наиболее губительное влияние на всю систему воспитания, в целом, в условиях цифровизации, оказывают, в числе прочих, следующие составляющие:

1) принцип индивидуализации, понимаемый как оставление каждого обучающегося наедине с компьютерной обучающей программой, лишает обучающегося возможности полноценного психического развития, как это происходит, в так называемом, «чиповом обучении», и ещё больше усиливает отрыв обучения от воспитания;

2) при реализации образования в цифровом образовательном формате воспитание, как отдельная и, вместе с тем, единая составляющая с обучением, не предусмотрено вовсе (в лучшем случае, лишь продекларировано);

3) обучающиеся, лишённые «зоны ближайшего развития», оказываются не способными формировать адекватное ценностное отношение к различным ситуациям, основанное на принятых в обществе моральных нормах и правилах поведения – в результате наносится непоправимый ущерб процессу интеграции индивида в социальную систему, его вхождению в социальную среду – социализации, а без социализации не может сформироваться правосознание личности.

В ст. 2 Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 26.07.2019) даётся определение *образованию* как «*единому целенаправленному процессу воспитания и обучения*…» [9].

Таким образом, на федеральном уровне законодательно закреплён факт того, что первичным является именно процесс *воспитания*, а процесс *обучения* – вторичен и вовсе не приоритетен, по своей сути.

Обратимся к более позднему документу, имеющему название Национальный проект «Образование», направленному на достижение двух ключевых задач: «*обеспечение глобальной конкурентоспособности* российского образования и вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования; *воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности* на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» [8].

По нашему глубокому убеждению, основной и приоритетной является именно вторая задача, так как достижение первой не имеет никакого логического смысла и целесообразности в отсутствии воспитанной, гармонично развитой и социально ответственной личности российского гражданина. Одним из наиболее значимых компонентов реализации второй задачи выступает формирование правосознания обучающихся.

По мнению ряда специалистов «высокий риск избыточного «цифрового оптимизма» может привести к дегуманизации образования как социального института… острее всего это может проявиться в подмене цифровизации образования его неэффективной «оцифровкой»» [7].

И, если процесс *обучения* в цифровом контексте при наличии необходимого контента, цифровых ресурсов и цифровых образовательных технологий ещё можно представить, то процесс *цифрового воспитания* не представляется нам столь же реальным.

Процесс тотальной цифровизации, сопровождающий развитие современного мирового сообщества, несёт в себе не только позитивные тенденции динамичного развития науки и техники, образования, экономики, всех сфер производства, но и скрытые угрозы, характеризующиеся глобальными вызовами всему человечеству, включающими серьёзные риски, связанные с развитием человека и личности.

Так, например, А.Е. Войскунский отмечает, что «в контексте зависимости от Интернета уделяется внимание соматическому здоровью и сопутствующим заболеваниям, качеству и продолжительности сна, бессоннице» [1].

В.Д. Менделевич акцентирует внимание на том, что «с появлением виртуального пространства многие формы девиаций естественным образом перекочевали в Интернет. Однако, обнаружились и иные тенденции: некоторые формы девиантного поведения получили возможность «дозревать» до патологии в Интернете, а иные проявляют себя исключительно в виртуальном пространстве. Виртуальное пространство облегчило возможность реализации девиантных устремлений без опасности быть привлечённым к ответственности» [2].

Самой незащищённой группой, оказавшейся в эпицентре цифровизации, так называемой, «группой риска» стали дети с ещё несформировавшейся психикой, не прошедшие полный путь социализации в обществе [4], требующие, в силу всего вышесказанного, особого внимания и заботы со стороны государства и общества.

Цифровизация образовательной среды предусматривает широкое использование учащимися всех уровней образования различных мобильных и интернет-технологий, относящихся к цифровым образовательным технологиям. Участие обучающихся в различных формах проектной деятельности, адекватное использование разного рода цифровых образовательных технологий, умение находить, обрабатывать, вычленять и использовать необходимую информацию – всё это и многое другое – с одной

стороны, способствует формированию цифровых компетенций, а с другой – способствует возникновению устойчивой цифровой зависимости у ребёнка [6].

Сегодняшняя ситуация, как мы уже отмечали выше, осложняется и усугубляется процессом *тотальной цифровизации*. Современное «цифровое поколение» имеет практически неограниченный доступ к различного рода информации, увереннее использует достижения и новинки цифровой среды, свободнее оперирует различного рода гаджетами и т.д. Но… при всём при этом, это самое «цифровое поколение» с катастрофической скоростью теряет элементарные человеческие навыки коммуникации, нередко испытывает трудности в том, чтобы чётко и понятно выразить свою мысль, не говоря уже об эмоциях, не умеют вести диалог, оперировать достаточным запасом слов. А ведь для того, чтобы элементарно понимать друг друга, необходимо, как минимум, читать одни и те же книги.

Значительной трансформации подверглись процессы взаимодействия и общения в сторону виртуальной составляющей, а также многие психические познавательные процессы [3]. Среди отчётливо деформируемых психических познавательных процессов, в первую очередь, необходимо назвать воображение и восприятие, мышление и память, внимание и речь.

Кроме того, существующая сегодня образовательная парадигма неуклонно и целенаправленно, шаг за шагом уничтожает коллективное бессознательное, превращая сильное «мы» в узкоэгоцентричное, прагматичное «я», не ориентированное на взаимодействие с окружающими, не способное на взаимопомощь и иные взаимопроявления, одним из подтверждений чего является, так называемая, «индивидуальная образовательная траектория».

Можно спорить или соглашаться с высказыванием зарубежных коллег о том, что «применение цифровых технологий является полезным в образовательных процессах и привносит много преимуществ для повышения эффективности обучения» [10], но факты остаются фактами и, как известно, по своей сути – «вещью упрямой». Приведём лишь некоторые из них:

1. Сторонниками повсеместной цифровизации не представлены сколько-нибудь убедительные доказательства реального повышения качества образования при использовании цифровых образовательных технологий (именно по этой причине на сегодняшний день существует как неосознанное, так и вполне сознательное сопротивление процессу цифровизации в системе отечественного образования определённой части педагогического корпуса нашей страны – особенно среди учителей и преподавателей старшего поколения).
2. Современные дети в возрасте старше 10 лет, относящиеся, к так называемому, поколению «Z», и дети, родившиеся после 2010 года, относящиеся к поколению «Альфа», находятся в зоне реального риска, обусловленного проблемой деградации мышления и речи – высших человеческих познавательных процессов; «клиповое мышление» порождает

поверхностные суждения, лишённые даже зачаточных проявлений элементарного анализа, а также абсолютно фрагментарные мысли, зачастую просто катастрофически оторванные от реальности.

3. Не меньшую тревогу и озабоченность вызывает снижение грамотности, обусловленное, в значительной степени, отсутствием привычки читать книги, и, как следствие – тотальным уменьшением как общего, так и активного словарного запаса, приводящего к неспособности сформулировать свои мысли и запросы, высказаться, выстроить диалог.

4. Страдает не только общий, но и эмоциональный интеллект обучающихся, так как дети, лишённые «зоны ближайшего развития», оказываются не способными к тому, чтобы переживать определённые эмоции, формировать адекватное ценностное отношение к различным ситуациям, основанное на принятых в обществе моральных нормах и правилах поведения – в результате наносится непоправимый ущерб процессу интеграции индивида в социальную систему, его вхождению в социальную среду – социализации.

По нашему мнению, положительный эффект в решении рассматриваемой нами проблемы может быть достигнут только при наличии грамотно спланированной, хорошо продуманной и адекватно выстроенной системы психологического сопровождения процесса развития и социализации детей в условиях цифровизации, а также целенаправленной профилактики социальных рисков и зависимостей.

Список литературы:

1. Войскунский А.Е. Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в Интернете // [Электронный ресурс] URL: http://cyberpsy.ru/articles/vojskunskij-koncepcii-zavisimosti/ (дата обращения: 17.02.2020).
2. Менделевич В.Д. Особенности девиантного поведения в интернет-пространстве // Практическая медицина. – 2013. – № 1 (66). – С. 143-146.
3. Морозов А. В. Понимание природы психических процессов в отечественной психологической науке // Научный поиск. – 2015. – № 3.3. – С. 67-70.
4. Морозов А. В., Никитов Н. И. Профилактика социальных рисков и зависимостей детей и подростков // В сборнике: XXXVI Мерлинские чтения: Психологические инновации в образовании // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию образования ПГПИ-ПГПУ. – Пермь: ПГПУ, 2011. – С. 159-161.
5. Морозов А.В., Радченко Л.Е. Влияние средств массовой информации на нравственное воспитание, психическое и физическое здоровье современной молодежи // В сборнике: Социально-психологические

проблемы современной молодежи // Материалы Международной научно-практической конференции. – Арзамас: АГПИ, 2009. – С. 9-12.

6. Морозов А. В., Романова Е. Н. Цифровые технологии и их пагубное влияние на развитие несовершеннолетних // В сборнике: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА // Сборник статей / Составители Т. И. Раковчена и др. Т. 3. Психолого-педагогические науки. – Комрат: КГУ, 2020. – С. 466-470.

7. Неочевидные риски цифровизации: куда движется образование // [Электронный ресурс] URL: https://sn.ria.ru/20191211/1562209433.html (дата обращения: 27.03.2020).

8. Паспорт Национального проекта «Образование» // [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/72192486/ (дата обращения: 13.04.2020).

9. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 26.07.2019) // [Электронный ресурс] URL: http://kremlin.ru/acts/bank/ 36698 (дата обращения: 29.02.2020).

10. Kotevski Z., Tasevska I. Evaluating the Potentials of Educational Systems to Advance Implementing Multimedia Technologies // Modern Education and Computer Science. – 2017. – № 1. – Pp. 26-35.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Мухаметшин Т.Р.
аспирант кафедры уголовного процесса
и криминалистики Казанского (Приволжского)
федерального университета

Аннотация. Особенности применение мер безопасности рассмотрены применительно к стадии возбуждения уголовного дела. Проведен анализ мер безопасности, которые возможно применить на начальном этапе процесса, определены факторы, влияющие на применение этих мер к участникам уголовного судопроизводства. Показана необходимость внесения дополнения в содержание ч.1 ст. 144 УПК РФ, позволяющее проводить контроль и запись телефонных переговоров в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: *особенности; стадия; уголовный процесс; контроль и запись телефонных переговоров; возбуждение уголовного дела; заявитель; очевидец; жертва; пострадавший; безопасность; защищаемое лицо; личность.*

PECULIARITIES OF APPLICATION OF SECURITY MEASURES OF PARTICIPANTS OF THE CRIMINAL PROCESS IN THE STAGE OF EXCITATION OF THE CRIMINAL CASE

Mukhametshin T.R.
Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure and forensics Kazan (Volga) federal university

Abstract. The specifics of the application of security measures are considered as applied to the stage of initiation of criminal proceedings. The analysis of security measures, which can be applied at the initial stage of the process, determines the factors that influence the application of these measures to participants in criminal proceedings. The necessity of making an addendum to the contents of Part 1 of Art. 144 of the Code of Criminal Procedure, which allows for monitoring and recording telephone conversations in the stage of initiating a criminal case.

Key words: *features; stage; criminal process; monitoring and recording of telephone conversations; criminal proceedings; the applicant; an eyewitness; victim; the injured; security; protected person; personality.*

Обеспечение безопасного содействия уголовному судопроизводству в настоящее время является одной из актуальных проблем правоприменительной деятельности. Актуальность проблемы отмечается А.Ю. Епихиным с точки зрения уголовного процесса[2], О.А.Зайцевым – с позиций уголовно-процессуальной политики государства[4].

На первоначальном этапе уголовного процесса при решении вопроса о возбуждении уголовного дела необходимо обеспечить меры безопасности участникам уголовного судопроизводства. Бесспорно, крайне необходимо принятие мер безопасности в стадии возбуждение уголовного дела, так как на данном этапе существует достаточно высокий риск посткриминального воздействия на лиц имеющих отношение к преступлению. Это обосновывается тем, что имеющиеся по делу доказательства процессуально не закреплены и заинтересованные субъекты всеми средствами будут стараться воспрепятствовать возбуждению уголовного дела, как следствие оказывать давление на жертв и очевидцев противоправного деяния. В связи с этим важность обеспечения уголовно-процессуальных мер безопасности в рассматриваемой стадии уголовного процесса, считаем, крайне необходимой. В работах отечественных ученых недостаточно подробно раскрыта сущность обеспечения безопасности в отношении защищаемых лиц в начале процесса. Также в правоприменительной практике существует ряд процессуальных и непроцессуальных особенностей осложняющих применение мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела. В ч.3 ст. 11 УПК РФ

содержатся данные о том, что меры безопасности могут применяться в отношении участников уголовного судопроизводства статус которых процессуально оформлен (потерпевший, свидетель и.т.д)[6].

Лицо признается потерпевшим только после вынесения соответствующего постановления следователя или дознавателя (ч.1ст.41 УПК РФ), которое выносится после возбуждения уголовного дела. Соответственно применение мер безопасности до возбуждения уголовного дела становится невозможным, в связи с тем, что до этого момента лицо возможно обозначать как жертвой или пострадавшим. Напротив, в ч. 2 ст. 2 закона №119-ФЗ, установлена, возможность применения мер государственной защиты до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления[7]. Тем самым невозможность применения уголовно-процессуальных мер безопасности процессуальными средствами, может быть компенсирована использованием непроцессуальных средств.

Содержание п.1.1 ч.1 ст.144 УПК РФ показывает необходимость обеспечения безопасности участника досудебного производства. При этом возможно применение одной меры безопасности указанной в ч. 9 ст.166 УПК РФ: не приводить данные о личности в протоколе следственного действия. Данная мера безопасности может применяться при приеме сообщения о преступлении. По мнению А.А. Дмитриевой в перечисленных нормах усматривается аналогия применения уголовно-процессуальной нормы[1]. Солидарен с мнением автора, так как статья 144 УПК РФ регламентирует порядок рассмотрения сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела. Тогда как ч. 9 ст. 166 УПК РФ «Протокол следственного действия» рассматривает, вопросы связанные с составлением протокола следственного действия являющегося процессуальным документом, который в свою очередь составляется в стадии предварительного расследования.

На особенность применения мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела влияет уголовно-правовая оценка деяния. Правильная квалификация влияет на категорию уголовного дела. Следовательно, категория будет влиять на возможность применения тех или иных мер государственной защиты. В соответствии с ч.3 ст.6 Закона 119-ФЗ РФ: 1.переселение на другое место жительства 2.замена документов 3.изменение внешности 4.изменение места (службы) или учебы в качестве мер безопасности могут быть применены по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Соответственно, по уголовным делам небольшой и средней тяжести могут быть применены такие меры безопасности как: 1.личная охрана, охрана жилища и имущества 2.выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности 3.обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице 4. временное помещение в безопасное место (пп.1-3,8 ч.1 ФЗ-119 РФ).

Характерной особенностью обеспечения безопасности личности в стадии возбуждения уголовного дела является, то что не все меры безопасности могут быть применены в рассматриваемой стадии процесса. Опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдения опознающего опознаваемым как мера безопасности не может быть проведена в стадии возбуждения уголовного дела (ч.8 ст.193 УПК РФ). В соответствии с ч.1 ст.186 УПК РФ контроль и запись переговоров возможно производить после возбуждения уголовного дела. Невозможность применения указанных мер безопасности позволяет сделать вывод о недостаточной защищенности лица в стадии возбуждения уголовного дела.

По нашему мнению, в содержание ч.1 ст. 144 УПК РФ необходимо внести дополнение, позволяющее проводить контроль и запись телефонных переговоров в стадии возбуждения уголовного дела. Это позволит в первую очередь, обеспечить безопасность заявителя, очевидца преступления, проверить факты касающиеся сообщения о преступлении, а также квалифицировано определить категорию дела.

В заключении рассмотрения особенностей применения мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела, можно сделать вывод о том, что вышеперечисленные меры безопасности являются конституционным гарантом защиты прав, свобод и интересов личности, а также способствуют более эффективному уголовному судопроизводству [5]. К сожалению, на практике комплекс мер направленных на защиту личности в стадии возбуждения уголовного дела используется не в полном объеме. На наш взгляд, необходимо использовать как можно больше средств для использования комплекса мер безопасности в целях обеспечения безопасности личности в стадии возбуждения уголовного дела.

Список литературы

1. Дмитриева А.А. Проблемы применения мер государственной защиты и обеспечения безопасности участников процесса в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. – 2015. – № 2(52). – С. 150–155.

2. Епихин А.Ю. Предпосылки применения мер безопасности участников уголовного процесса // В сборнике: Материалы Международной научной конференции "Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики" Гуманитарные науки и образование: опыт, проблемы, перспективы. Тольятти, 2004. С. 180-183.

3. Епихин А.Ю. К вопросу о надзоре (контроле) за обеспечением безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства // Черные дыры в Российском законодательстве. 2004. № 3. С. 359.

4. Зайцев О.А. О реализации современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 152-156.

5. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ // СПС Консультант ПЛЮС. Дата обращения к ресурсу 04.11.2017.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СПС Консультант Плюс. Дата обращения к ресурсу 04.11.2017.

7. Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения к ресурсу 04.11.2017.

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Мухаметшин Т.Р.
аспирант кафедры уголовного процесса
и криминалистики Казанского (Приволжского)
федерального университета

Аннотация. Приведены статистические данные о количестве защищаемых лиц задействованных в программных мероприятиях за период 2014-2019 год. Рассмотрены меры безопасности, отраженные в отечественном законодательстве. Проведен анализ классификаций, связанных с мерами безопасности, имеющихся в литературе. Составлена классификация мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: *безопасность; классификация; уголовный процесс; мера безопасности; уголовное дело; защищаемое лицо; процессуальные меры безопасности; непроцессуальные меры безопасности; иные меры безопасности.*

CLASSIFICATION OF SAFETY MEASURES IN THE STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASE

Mukhametshin T.R.
Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure
and forensics Kazan (Volga)
federal university

Abstract. Statistical data on the number of protected persons involved in program activities for the period 2014-2019 is provided. Security measures reflected in domestic legislation are considered. The analysis of classifications

available in the literature is carried out. The classification of security measures at the stage of criminal proceedings has been compiled.

Key words: *security; classification; criminal process; safety measure; criminal; case; protected person; procedural security measures; non-procedural security measures; other security measures.*

Ежегодно в ходе расследования уголовных дел согласно статистическим данным более 10 млн. человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей. К участникам уголовного судопроизводства часто применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве[19].

За период времени с 2014 по 2019 годы количество защищаемых лиц, задействованные в программных мероприятиях в среднем составляло от 3,3 до 3,9 тыс. человек в год. За этот период в отношении этих защищаемых лиц осуществлено более 33500 мер безопасности. В основном применялись такие

меры безопасности как: охрана жилища и имущества, личная охрана, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место. Приведенные статистические данные, показывают, что увеличилось количество защищаемых лиц и мер безопасности, которые применяются в отношении этих лиц.

Реализация в уголовно-процессуальной деятельности системы мер, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства, позволит гарантировать их беспрепятственное участие в производстве по уголовному делу, обеспечит реализацию прав участников уголовного судопроизводства и защиту их жизни и здоровья, и тем самым, как справедливо отмечают, некоторые авторы, станет средством обеспечения не только физической безопасности, но и средством обеспечения психической и материальной безопасности[7. С.72-156]. В этой связи проблема государственной защиты и уголовно-процессуальной безопасности участников уголовного процесса в последние два десятилетия привлекает внимание многих ученых[2;11;9;14;6;4], в том числе на уровне межотраслевых исследований[10;12;13].

В отечественной литературе встречается достаточно большое количество классификаций, связанных с мерами безопасности. К примеру, О.А.Зайцев выделяет следующие виды государственной защиты:[5. С.34-39]

1.меры безопасности, указанные в специальных ФЗ РФ, посвященных государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных контролирующих органов, потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса;

2. меры правовой защиты, предусматривающие, в том числе, повышенную уголовную ответственность;

3. меры социальной защиты, предусматривающие реализацию прав на материальную компенсацию в случае гибели защищаемых лиц, причинения им телесных повреждений или иного вреда их здоровью, уничтожение и повреждение их имущества.

Л.В.Брусницын предлагает следующую классификацию мер безопасности. К первой группе ученый относит универсальные меры безопасности т.е. меры, которые перечислены в ФЗ №119.Термин универсальные, они получили благодаря тому, что могут применяться не только в ходе уголовного судопроизводства, но и за его пределами и в отношении всех участников уголовного судопроизводства и их близким[8. С.45].

Ко второй группе, отнесены меры безопасности, связанные с осуществлением оперативно-розыскной деятельности. В третью группу входят меры безопасности, применяемые субъектами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. В четвертую группу входят меры безопасности в стадии судебного разбирательства. Пятую группу составляют меры безопасности, связанные с ограничением на места работы, проживания, передвижения, а также иные виды ограничений. В шестой группе объединены меры безопасности в местах содержания под стражей и исправительных учреждениях (субъектами защиты являются подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осужденные оказавшие помощь в изобличении соучастников и иных лиц в совершении преступлений)[1. С.111-214]. На наш взгляд, данная классификации достаточно подробно отражает систему мер безопасности, которая применяется к лицам осуществляющих содействие уголовному правосудию.

По нашему мнению, наиболее полная и всесторонняя классификация отражена Епихиным А.Ю. и Мишиным А.В. Авторы классифицируют меры безопасности по следующим основаниям: по отношению к УПК, по отношению к Закону №119-ФЗ, по отраслевому признаку, по стадиям уголовного судопроизводства, по дифференцированным формам уголовного судопроизводства по многим другим основаниям[3, С.52-62].

В связи с тем, что большинство ученых достаточно подробно раскрыли общую классификацию мер безопасности, особое внимание стоит уделить классификации мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела.

Как известно, в соответствии с ч 1.1 ст. 144 УПК РФ при необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном ч.9 ст. 166 УПК РФ, в том числе при приеме сообщения о преступлении[15]. Соответственно, в заявлении о преступлении уполномоченное лицо вправе не приводить данные о личности заявителя, то есть сохранить в тайне данные о личности. В связи с этим на стадии возбуждения уголовного дела в качестве процессуальной меры

безопасности можно применить только одну меру безопасности - сохранение в тайне данных о личности заявителя.

Ограниченное количество процессуальных мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела, может быть компенсирована непроцессуальными мерами безопасности. К примеру, ч.2 ст.2 закона №119-ФЗ, предусматривает возможность применения мер государственной защиты до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления[16].

В соответствии с ч.1 ст.6 Закона 119-ФЗ в отношении защищаемых лиц, применительно к стадии возбуждения уголовного дела могут быть использованы следующие виды внепроцессуальных мер безопасности: 1) личная охрана, охрана жилища и имущества 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице 4) переселение на другое место жительства 5) замена документов 6) изменение внешности 7) изменение места работы (службы) или учебы 8) временное помещение в безопасное место. К тому же, в отношении защищаемого лица может быть применена одна или несколько мер безопасности.

Меры безопасности, перечисленные в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[17], «О содержании под стражей подозреваемых и

обвиняемых в совершении преступлений»[18], КоАП РФ и УИК РФ являются разно-отраслевыми и в литературе они именуется как иные меры безопасности.

Исходя из отраслевой принадлежности мер безопасности в стадии возбуждения можно выделить следующую классификацию: 1.процессуальные меры безопасности 2.внепроцессуальные 3.иные меры безопасности.

В соответствии ч.3 ст.6 Закона 119-ФЗ РФ: 1.переселение на другое место жительства 2) замена документов 3) изменение внешности 4) изменение места работы (службы) или учебы в качестве меры безопасности могут быть применены по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Соответственно, по уголовным делам небольшой и средней тяжести могут быть применены такие меры безопасности как: 1) личная охрана, охрана жилища и имущества 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице 4) временное помещение в безопасное место (пп.1-3,8 ч.1, ст.6 ФЗ-119 РФ).

Исходя из положений ч.3 ст.6 можно классифицировать меры безопасности в зависимости от тяжести преступления: 1.меры безопасности, применяемые по уголовным делам небольшой и средней тяжести 2.меры безопасности, применяемые по тяжким и особо тяжким преступлениям.

В различных нормативно-правовых актах закреплены основные меры безопасности, которые направлены на защиту жизни, здоровья и имущества

участников уголовного судопроизводства от преступного посягательства. К примеру, в Федеральном законе от 20.08.2004 N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» перечислены меры безопасности, которые исходя из своего содержания можно разделить на следующие группы:

1. меры безопасности, применяемые по уголовным делам любой категории преступлений (п.1,2,3,8 ч.1 ст.6);
2. меры безопасности, применяемые по тяжким и особо тяжким преступлениям (п.4-7 ч.1 ст.6);
3. меры безопасности, применяемые в отношении лиц, содержащихся под стражей или в местах отбывания наказания (п.1-4 ч.2 ст.14);
4. меры безопасности, применяемые в отношении военнослужащих (п.1-3 ч.2

Соответственно, из приведенных выше разновидностей групп можно выделить классификацию: по субъекту в отношении которого применяется мера безопасности. В данном случае может быть: 1.общий субъект – меры безопасности, перечисленные в первой и второй группе 2.специальный субъект - меры безопасности, перечисленные в третьей и четвертой группе.

На основании вышеизложенного, в стадии возбуждения уголовного дела можно выделить несколько классификаций:

1. по отраслевой принадлежности: а) процессуальные меры безопасности б) внепроцессуальные в) иные меры безопасности
2. в зависимости от тяжести преступления: а) меры безопасности, применяемые по уголовным делам небольшой и средней тяжести б) меры безопасности, применяемые по тяжким и особо тяжким преступлениям
3. по субъекту в отношении которого применяется мера безопасности: а) общий субъект б) специальный субъект.

Список литературы

1. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование).М.,2001.С.111-214.
2. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004.
3. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: учебное пособие. – Казань: Казан. федеральный ун-т, 2018. С.52-62.
4. Зайцев О.А.Правовые основы и практика обеспечения участия свидетеля на предварительном следствии. Москва, 1995.
5. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса.М.,2001.С.34-39.
6. Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии. Москва, 1995.

7. Шапокидзе В.Я. Обеспечение процессуальной безопасности частных лиц в досудебном уголовном производстве: дисс. …канд. юрид. наук.Волгоград.2002.С.72-156.

8. Брусницын Л.В. Меры безопасности для содействующих уголовному правосудию: отечественный, зарубежный и международный опыт // Государство и право, 1998. №9.С. 45.

9. Епихин А.Ю. Поводы и основания применения и реализации мер безопасности защищаемых лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2004. № 7.С.4-11.

10. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 4. С. 480-486.

11. Епихин А..Ю., Мишин А.В. Ограничение гласности предварительного расследования как гарантия производства по уголовному делу // В сборнике: Управленческие аспекты северных территорий России Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Коми республиканская академия государственной службы и управления. 2015. С. 71-75.

12. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Междисциплинарные проблемы допроса защищаемого лица в судебном разбирательстве по уголовному делу // В сборнике: Проблемы противодействия преступности: опыт,

современное состояние и пути решения сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Малюткина. Чебоксары, 2019. С. 94-100.

13. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 202-211.

14. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 77-81.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // СПС Консультант Плюс. Дата обращения к ресурсу 24.12.2019.

16. Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения к ресурсу 24.12.2019.

17. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) "Об оперативно-розыскной деятельности" // СПС Консультант Плюс. Дата обращения к ресурсу 24.12.2019.

18. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ (ред. от 01.10.19г.) "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" // СПС Консультант Плюс. Дата обращения к ресурсу 24.12.2019.

19. Сведения из Гос. программы «Обеспечение безопасности потерпевших свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019-2023 гг.», утв. постановлением Правительства РФ от 25 октября 2018 г. №1272

СУЩНОСТЬ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК ОСОБОГО ВИДА ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Полякова И.И.

Аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского Приволжского федерального университета;

прокурор отдела управления прокуратуры Республики Татарстан, юрист 2 класса;

irina_aim@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ досудебного соглашения о сотрудничестве как особого вида договорного регулирования в уголовном процессе российской федерации. Федеральным законом от 29 июня 2009 года № 141 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в качестве меры по противодействию организованным формам преступности введена глава 40.1 в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующая применение особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве[1]. Несмотря на то, что досудебное соглашение является институтом уголовно-процессуального права и подлежит заключению только в рамках расследования уголовного дела, вместе с тем, в виду характерных особенностей его сущности и назначения, оно является видом договорного регулирования с присущими свойствами, отличными от признаков «договора» в широком, гражданско-правовом смысле. Досудебное соглашение как вид договорного регулирования позволяет достичь компромисса между противоборствующими сторонами – преступником и следствием – в вопросе достижения объективной истины по уголовному делу, является средством регулирования действий сторон, отличающихся определенными признаками, присущими лишь указанному правовому институту.

Ключевые слова: *досудебное соглашение о сотрудничестве, сделка о признании вины, следователь, прокурор, договорное регулирование, договор, условное соглашение, суммарное производство, предварительное*

расследование, раскрытие преступлений.

ESSENCE OF THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT AS A SPECIAL TYPE OF CONTRACT REGULATION IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Polyakova I.I.
Post-graduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Kazan Volga Federal University;
Prosecutor of the Office of the Prosecutor of the Republic of Tatarstan, lawyer of the 2nd class;
irina_aim@mail.ru

Abstract: The article analyzes the pre-trial cooperation agreement as a special type of contractual regulation in the criminal process of the Russian Federation. Federal Law of June 29, 2009 No. 141 «On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» introduced chapter 40.1 in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation as a measure to combat organized forms of crime (hereinafter - the CCP RF), which regulates the application of a special procedure for making judicial decisions when concluding a pre-trial cooperation agreement. Despite the fact that the pre-trial agreement is an institution of criminal procedure law and is subject to conclusion only as part of the investigation of a criminal case, at the same time, in view of the characteristic features of its essence and purpose, it is a type of contractual regulation with inherent properties that are different from the signs of a «contract » in a broad, civil sense. A pre-trial agreement as a form of contractual regulation allows a compromise between the warring parties - the criminal and the investigation - to achieve objective truth in a criminal case, is a means of regulating the actions of the parties that differ in certain features that are inherent only to the specified legal institution.

Key words: Pre-trial cooperation agreement, plea agreement, investigator, prosecutor, contractual regulation, contract, conditional agreement, summary proceedings, preliminary investigation, disclosure of crimes.

Одной из причин значительного количества нераскрытых преступлений, особенно тяжких и особо тяжких, является отсутствие доказательств совершенного преступления, достаточных для вынесения обвинительного приговора. В этой связи отмечается понятное стремление государства установить достаточные, эффективные средства доказывания с одновременным установлением важных гарантий защит законных интересов

личности, общества и государства путем изменения действующего законодательства, соответствующие реалиям современного состояния борьбы с преступностью[2].

В этой связи наиболее актуальным является введенное в законодательство досудебное соглашение о сотрудничестве как эффективное уголовно-процессуальное средство обеспечения неотвратимости уголовной ответственности за каждое преступление и в особенности в случаях совершения преступлений в соучастии[3].

В соответствии с положениями статьи 317.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, подозреваемый либо обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в письменном виде на имя прокурора с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. В указанном ходатайстве подозреваемый или обвиняемый сообщает, перечень действий, которые он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления[4].

Следует отметить, что понятия «раскрытие» и «расследование» преступлений несут разную смысловую нагрузку. Так, учеными отмечается, что понятие раскрытия преступления укоренилось в сознании практических работников как деятельность, прежде всего, сотрудников оперативных аппаратов. Это деятельность компетентных лиц (следователей, дознавателей, оперативных сотрудников и их руководителей, судей) по установлению всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в соответствии со ст. 73 УПК РФ[5].

Аникеев Р.С. отмечает, что расследование преступления является процессуальной функцией следователя, в рамках которой он имеет право возбудить уголовное дело, самостоятельно принимать решения о производстве следственных действий, собирать доказательства и осуществлять иные полномочия[6].

В соответствие со ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Сущность сделки состоит в волеизъявлении ее сторон, которое может быть прямым, совершаемым в устной или письменной форме или косвенным, кода лицо совершает действия, означающие намерение заключить сделку.

По мнению Г.Ф. Шершеневича, предметом договора является юридическое последствие, на которое направлена согласная воля двух или более лиц. Юридическим последствием заключения договора является установление обязательства. Тем самым согласная воля лиц направлена на установление обязательства[7]. Таким образом, предметом договорного регулирования являются действия по исполнению договорных обязательств.

Договор служит инструментом регулирования действий сторон при реализации их имущественных прав.

Досудебное соглашение о сотрудничестве в сущности является средством регулирования действий стороны защиты и обвинения при достижении объективной истины в процессе раскрытия и расследования преступления.

Данный правовой институт содержит в себе и признаки договорного регулирования, поскольку направлен на установление определенных обязательств для стороны обвинения, последовательность заранее установленных договоренных действий каждой из сторон. Начало исполнения указанных действий возникает с момента заявленного ходатайства обвиняемого (подозреваемого) о заключении соглашения. Перечень данных действий перечислен в статьях 317.1-317.4 УПК РФ.

В соответствии со ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. К договорам применяются правила о двух- и многосторонних сделках, предусмотренные главой 9 Кодекса, если иное не установлено настоящим Кодексом. Таким образом, в гражданском законодательстве понятие договора и сделки являются идентичными.

В целом, договор представляет собой средство обеспечения согласованности целей каждой из сторон договора, и служит для систематизации деятельности договаривающихся сторон и достижение конечной цели каждой из них.

Что же касается досудебного соглашения о сотрудничестве, смысловая нагрузка термина свидетельствует о договорной сущности указанного института, поскольку само определение свидетельствует о том, что оно является соглашением. В обиходе досудебное соглашение обозначено как «сделка с правосудием». Данное обстоятельство обусловлено прежде всего тем, что указанный институт заимствован российской правовой системой за рубежом. На примере досудебного соглашения о сотрудничестве российский законодатель заимствовал «сделку о признании вины» и «условное соглашение», распространенные в США, а также в странах романо-германской правовой системы.

Законодатель США, так же, как и отечественный законодатель, не устанавливает перечень преступлений и категорий их тяжести, при которых предусматривается применение соглашений. В обоих процедурах судебное заседание проходит в особом порядке, обвиняемый отказывается от права обжалования приговора.

Инициатором «условного соглашения» в США может выступать как сторона защиты, так и сторона обвинения. Сделке предшествуют переговоры сторон, после которых «условное соглашение» заключается чаще всего в суде на стадии предварительного слушания. В уголовном процессе России

инициатором досудебного соглашения может выступать только подозреваемый (обвиняемый) путем подачи ходатайства[8].

Сделка о признании вины как форма упрощенного суммарного производства[9]. и досудебное соглашение о сотрудничестве - это виды процессуальных соглашений между стороной защиты и стороной обвинения на стадии предварительного следствия, направленные на достижение различных задач в рамках реализации уголовного преследования, возможность заключения которых зависит от усмотрения участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

В УПК Республики Казахстан данные институты выступают различными формами процессуального соглашения. В соответствии со ст. 612 УПК Республики Казахстан, расследование уголовных дел в рамках заключенного процессуального соглашения производится в форме сделки о признании вины - по преступлениям небольшой, средней тяжести либо тяжким преступлениям - в случае согласия подозреваемого, обвиняемого с подозрением, обвинением; в форме соглашения о сотрудничестве - по всем категориям преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений.

Среди остальных стран СНГ только УПК Республики Беларусь содержит указание на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Условия соглашения в данном случае расширены по сравнению с российским законодательством. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдова и Украины так же предусматривает понятие «сделки о признании вины».

Таким образом, правовая природа «сделок с правосудием» в законодательстве стран СНГ наиболее близка по содержанию к досудебному соглашению о сотрудничестве Российской Федерации.

Приведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что досудебное соглашение, «сделка с правосудием» представляют собой аналогичный договор гражданско-правовых отношений, целью которого в отличие от реализации имущественных прав, является выполнение последовательных согласованных действий двух сторон – защиты и обвинения – при достижении объективной истины по уголовному делу. Необходимыми признаками выполнения указанных действий являются:

− согласованность в выполнении заранее оговоренных в тексте соглашения условий со стороны зашиты, осуществлении контроля за выполнением указанных условий со стороны обвинения;

− отсутствие конфликта сторон при расследовании уголовного дела, а равно, как следствие, признание обвиняемым (подозреваемым) вины в совершении преступления и содействие следствию;

− установление обязательства для обвиняемого (подозреваемого) в виде содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления,

розыске имущества, добытого в результате преступления;

− достижение сторонами определенных результатов соглашения в виде раскрытия преступления для следствия (стороны обвинения), возможности смягчения наказания для обвиняемого (подозреваемого) (стороны защиты).

Существенным отличием от понятия договора в широком понимании, а равно проблемой полноценной реализации указанного института в уголовно-процессуальном законодательстве является отсутствие закрепленных законодательством обязательств со стороны обвинения. Наличие заключенного досудебного соглашения, а также выполнение его условий обвиняемым (подозреваемым) не гарантирует последнему существенного смягчения наказания за совершенное преступное деяние. Кроме того, по сравнению со «сделкой о признании вины», при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве сторона обвинения наделена большими властными полномочиями, чем сторона защиты, а именно, следователь и прокурор могут отказать в удовлетворении ходатайства и, соответственно, в заключении соглашения. Данное обстоятельство также свидетельствует об отличии от договора в общем смысле указанного понятия, поскольку договор предусматривает равное правовое положение сторон.

Примером данному обстоятельству служит постановление судьи о возвращении уголовного дела прокурору по причине ненадлежащего заключения соглашения. Так, в ходе произведенного анализа уголовных дел по данной тематике установлено, что по уголовному делу, возбужденному по признакам ряда тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованной группой «В-кие» с середины 1990-х годов, двумя обвиняемыми в совершении похищения человека по указанному уголовному делу было заключено досудебное соглашение. Однако в ходе предварительного слушания судом установлено, что в нарушение требований п.п. 4,5 ч.2 ст. 317.3 УПК РФ, в досудебном соглашении о сотрудничестве не указано описание преступления в совершении которого обвиняются «С» и «Ж» с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также пункт, часть, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, которые предусматривают ответственность за данное преступление. Постановлением суда уголовные дела возвращены прокурору.[10].

Данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии гарантий для лица, заключающего соглашение со стороны следствия и суда, а также существенно нарушает его права, поскольку в указанном случае дело возвращено по формальным основаниям, несмотря на выполнение обвиняемыми условий соглашения.

В свою очередь, «сделки о признании вины» США содержат положения, заведомо нарушающие права обвиняемого. Так, на лиц определенных рас возложен запрет занятия определенными видами деятельности или проживания в определенных местах. Указанные лица после нарушения подобных запретов при заключении сделки обязаны признать

свою вину в преступлениях, которые являются заведомо дискриминирующими право на свободу. Кроме того, в случае нарушения условий соглашения обвиняемым, сторона обвинения полностью отказывается от своих обязательств.

Несмотря на наличие в условиях досудебного соглашения положений, нарушающих права обвиняемого (подозреваемого), данная норма, равно как и любой другой вид договора, носит добровольный характер для лица, идущего на сделку с правосудием.

Подводя итог, можно прийти к следующему выводу, институт досудебного соглашения о сотрудничестве в Российской Федерации позволяет вывести на договорной уровень процесс изначального конфликта стороны обвинения и защиты, создать благоприятные условия для регулирования процесса расследования уголовного дела во взаимодействии со стороной защиты, обеспечив при этом соглашение сторон при достижении общего консенсуса в установлении объективной истины по уголовному делу путем последовательного выполнения каждой из сторон установленных законодательством обязанностей и использования прав. Досудебное соглашение о сотрудничестве в своем роде является единственной совокупностью норм уголовного процессуального права, который содержит в себе элементы договорного регулирования, наиболее присущие гражданскому законодательству, применение которого позволяет достичь компромисса в борьбе с преступностью.

Список литературы

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 141 от 29.06.09//Российская газета.-2009.-№121.

2. Епихин А.Ю. Сделка с правосудием как средство противодействия коррупции в системе антикоррупционных мер// Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4 (12). С. 52-56.

3. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. – М.: Юрайт-Издат, 2010. – 1214 с.

5. Клюкова М.Е., Рахматуллин Р.Р., Верин А.Ю. Раскрытие преступлений – миф или реальность?// Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 133-138.

6. Аникеев Р.С. Расследование преступлений, как самостоятельная функция следователя в российском уголовном процессе//Молодой ученый. 2015. № 8. С. 707-709.

7. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. – М.: Статут, 2003. – 250 с.

8. Шурыгина И.И. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве: проблемы адаптации в современных правовых реалиях// Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 127 – 131.

9. Дубровина Е.Г. Сделки о признании вины по законодательству США и Великобритании// Библиотека криминалиста.2017. № 3(32). С. 289-293.

10. Шурыгина И.И. Особенности реализации полномочий следователя в механизме института досудебного соглашения о сотрудничестве/XIII Международная научно-практическая конференция "Державинские чтения" (Казань, 21-23 сентября 2017 года): сб. ст./отв. ред. О.И. Александрова: ВГУЮ (РПА Минюста России).- М.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018.-626 с.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ ЗАЩИЩАЕМОГО ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Раджабов Р.О.

соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета

Аннотация. Рассмотрены основные правовые проблемы правоприменительной практики реализации мер государственной защиты и уголовно-процессуальной безопасности участников уголовного судопроизводства. Одной из актуальных проблем является установление оснований применения защитных мер. Основание, наряду с поводом, является одной из двух обязательных предпосылок начала реализации мер безопасности. В качестве видов оснований предлагается выделять 1) юридическое и 2) фактическое основания.

Юридическое – установлено в ч. 3 ст. 11 УПК РФ и ст. 16 Федерального закона № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а фактическое – определяется исходя из конкретной ситуации на основе реальности и объективности угрозы безопасности защищаемого лица.

Ключевые слова: *защита свидетелей и потерпевших; безопасность личности; уголовное дело; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; предпосылки; повод; основание.*

NOTION AND CONTENT OF THE LEGAL BASIS OF THE APPLICATION OF SAFETY MEASURES OF THE PROTECTED PERSON IN THE CRIMINAL PROCESS

Radjabov R.O.
Applicant, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Dagestan State University

Abstract. The main legal problems of law-enforcement practice of implementation of measures of the state protection and criminal procedure safety of participants of criminal proceedings are considered. One of current problems is establishment of the bases of application of protective measures. The basis, along with an occasion, is one of two obligatory prerequisites of the beginning of implementation of measures of safety. As types of the bases it is offered to allocate 1) legal and 2) actual the bases. Legal – it is established in Part 3 of Article 11 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and Article 16 of Federal law No. 119-FZ "About the state protection of the victims, witnesses and other participants of criminal proceedings", and actual – is defined proceeding from a concrete situation on the basis of reality and objectivity of threat to security of the protected face.

Key words: *witness protection and victims; safety of the personality; criminal case; criminal proceedings; criminal proceedings; prerequisites; occasion; basis.*

Приоритет интересов личности в решении многообразных государственных задач установлен в ст. 2 Конституции Российской Федерации. Это конституционное предписание в полной мере реализуется в отраслевых законах. Так, например, в ч. 3 ст. 11 УПК РФ установлен перечень уголовно-процессуальных мер безопасности, которые направлены на безопасное участие в производстве по уголовному делу и содействие уголовному правосудию. Многочисленные проблемы государственной защиты и обеспечения безопасности личности в уголовном процессе привлекает внимание ученых с различных сторон[7], в том числе с позиций надзора[1] и межотраслевых исследований[5].

Как показывает правоприменительная практика количество случаев применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства незначительно. По нашему мнению, одной из причин незначительного количества фактов применения защиты личности в сфере уголовного судопроизводства является относительная недостаточность правового регулирования оснований начала такого процесса.

Непосредственно поводам и основания применения защитных мер личности в уголовном процессе уделялось внимание в отдельных публикациях[4]. Вместе с тем, предпосылки применения мер безопасности изучены недостаточно полно либо поверхностно. В этой связи актуальным

представляется правовой анализ проблем законного и обоснованного применения мер безопасности участников уголовного судопроизводства, в особенности тех мер, которые предусматривают существенные финансовые расходы (переселение в другое место жительства, пластическая операция и др.)[8,9].

Применение мер государственной защиты, установленных в Федеральном законе № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и мер уголовно-процессуальной безопасности, перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ предполагает обязательное наличие установленных в законе предпосылок: поводов и оснований. Однако, если поводы имеют определенный перечень, то основание, по нашему мнению, недостаточно исследовано и регулируется правом.

Так, в качестве видов оснований нами предлагается выделять 1) юридическое и 2) фактическое основания. При этом, для уяснения содержания юридического основания следует обратить внимание на его легальное закрепление в ч. 3 ст. 11 УПК РФ и ст. 16 Федерального закона № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а фактическое – определяется исходя из конкретной ситуации на основе реальности и объективности угрозы безопасности защищаемого лица. Таким образом, указание в законе основания применения мер безопасности нами рассматривается как юридическое его свойство.

При этом, закон устанавливает легальное определение основания как «данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты» (ч. 1 ст. 16 «Основания применения мер безопасности»)»[11]. Основанием для применения мер безопасности является наличие достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы безопасности защищаемого лица»[10], как видно в обоих законах обязательным признаком угрозы является ее реальность, что нами понимается как фактическое основание применения защитного процесса личности в производстве по уголовному делу.

В юридической литературе на эту проблему обращалось внимание со стороны ученых. Так, например, под основанием применения мер безопасности предлагается понимать достаточную и достоверную «совокупность в установленном законом поводе к применению мер государственной защиты и безопасности лица, содействующего уголовному судопроизводству, сведений о подтвержденной или прогнозируемой реальной угрозе его (его близких) законным интересам. Наличие основания является обязательным для полномочного лица принять решение о применении мер безопасности»[8,9].

Помимо легального закрепления реальности угрозы юридическое основание должно включать и иные признаки. Так, по нашему мнению, в качестве другого обязательного признака юридического основания необходимо закрепить в ст. 16 Федерального Закона № 119-ФЗ условие применения мер безопасности – упреждение противоправного воздействия на защищаемое лицо. В случае, когда угроза достигла своей цели и защищаемое лицо подверглось психическому или физическому воздействию, его намерение содействовать производству по уголовному делу будет существенно снижено, вплоть до отказа оказывать помощь в деле.

Список литературы

1. Епихин А.Ю. К вопросу о надзоре (контроле) за обеспечением безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 359.

2. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – Сыктывкар, 2000.

3. Епихин А.Ю. Некоторые проблемы защиты пострадавшего // В сборнике: Криминальная ситуация на рубеже веков в России. Сборник статей. Под редакцией: А. И. Долговой. – Москва, 1999. – С. 207-210.

4. Епихин А.Ю. Поводы и основания применения и реализации мер безопасности защищаемых лиц в уголовном процессе // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. – 2004. – № 7 . – С. 4-11.

5. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Межотраслевая система мер безопасности участников уголовного процесса // В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 202-211.

6. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Сохранение в тайне данных о личности защищаемого лица в уголовном деле: процессуальный и тактический аспекты // В сборнике: тактико-методические особенности расследования экономических и иных преступлений. – Казань, 2018.
– С. 23-30.

7. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании // Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 84-88.

8. Скрипилев Г.А. Применение, изменение и отмена мер безопасности участников российского уголовного судопроизводства: дисс… канд.юрид.наук. – М., 2013.

9. Скрипилев Г.А. Применение, изменение и отмена мер безопасности участников российского уголовного судопроизводства: автореф… канд.юрид.наук. – М., 2013.

10. Федеральный закон от 20.04.1995 N 45-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // Собрание законодательства РФ. – 1995.
– N 17. – Ст. 1455.

11. Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – N 34. – Ст. 3534.

12. Щерба С., Зайцев О., Сарсенбаев Т. Потерпевший в беспомощном состоянии: особенности судебного разбирательства // Российская юстиция. – 1995. – № 9. – С. 20.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Рамазанов Р.М.
аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистик
и Казанского федерального университета
e-mail: ramazanov1945@mail.ru

Аннотация: представлена общая характеристика уголовно-процессуальных мер безопасности участников уголовного процесса, которые предусмотрены действующим УПК РФ в судебном заседании. В перечне пяти видов мер безопасности по уголовному делу, которые установлены в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, прямо могут быть применены в судебных стадиях рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном заседании и допрос без оглашения подлинных данных в условиях, исключающих визуальное наблюдение защищаемого лица в судебном заседании. Обосновывается возможность применения и иных мер, закрепленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, а так же допрос с применением видеоконференц-связи (ст. 278.1 УПК РФ) и использование мер государственной защиты на основании Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства».

Ключевые слова: *защита свидетелей; безопасность потерпевших; участник уголовного процесса; меры безопасности; судебное заседание; уголовное дело; суд; состязательность; доказывание.*

GENERAL CHARACTERISTIC OF CRIMINAL PROCEDURAL MEASURES OF PERSONAL SAFETY IN JUDICIAL STAGES OF PROCEDURE IN CRIMINAL CASE

Ramazanov R.M.
graduate student of the Department of Criminal Procedure and Forensics
and Kazan Federal University
e-mail: ramazanov1945@mail.ru

Abstract. The general characteristic of criminal procedural measures for the safety of participants in criminal proceedings, which are provided for in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in court session, is presented. In the list of five types of security measures in a criminal case, which are established in Part 3 of Article 11 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the consideration of a criminal case in closed court session and interrogation without the disclosure of genuine data in conditions excluding visual observation of the protected person in court session can be directly applied in court stages. The possibility of application and other measures enshrined in Part 3 of Article 11 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and also interrogation with application of a video conferencing (Article 278.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) and use of measures of the state protection on the basis of the Federal law of 20.08.2004 No. 119-FZ "About the state protection of the victims and other participants of criminal proceedings" is proved.

Key words: *witness protection; safety of the victims; participant of criminal proceedings; security measures; court session; criminal case; court; competitiveness; proof.*

Проблема безопасного участия в уголовном деле, как обычных граждан, так и лиц, ведущих производство по делу, привлекает внимание ученых в различных аспектах. Прежде всего, она понимается как важная гарантия прав участников уголовного судопроизводства, а также как средство обеспечения доказательственного процесса по уголовному делу. Кроме того, безопасность можно рассматривать и как эффективное правовое средство усиления противодействия преступлениям, повышение их раскрываемости и т.д.

Обратим внимание на то, что в научных публикациях О.А. Зайцева[1, 2, 3], А.Ю. Епихина[4, 5, 6, 7], А.В. Мишина[8,9] и др. Кроме того, в последние годы появляются межотраслевые исследования многочисленных проблем безопасности в уголовном процессе .

Обеспечение безопасности участников современного российского уголовного процесса можно выявить в многочисленных правовых актах. Среди них особое место занимает Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». Кроме того, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, в ч. 3 ст. 11 УПК РФ закреплен перечень уголовно-процессуальных мер безопасности, которые могут применяться в процессе производства по уголовному делу[14].

В частности, среди этих, уголовно-процессуальных мер безопасности, в судебном заседании, по нашему мнению, могут быть применены следующие:

1) Закрытое судебное заседание (п.4 ч.2 ст. 241 УПК РФ;)[11].

2) Проведение допроса защищаемого лица без оглашения подлинных данных о личности свидетеля, в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ)[12].

Рассмотрим эти уголовно-процессуальные меры безопасности участников производства по уголовному делу более подробно.

1). *Закрытое судебное заседание.* Гласность, как одно из общих условий судебного разбирательства, предполагает возможность присутствия иных, кроме участников уголовного процесса, граждан в судебном разбирательстве. В этой связи, с целью устранения потенциальной угрозы психического или физического воздействия на защищаемое лицо в судебном заседании закон устанавливает условия ограничения гласности . В такой ситуации посторонние лица не могут быть допущены в зал судебного заседания и не смогут оказать какого либо негативного влияние на дачу защищаемым лицом показаний суду и тем самым помешать отправлению правосудия, установлению истины по уголовному делу.

2). *Проведение допроса защищаемого лица без оглашения подлинных данных о личности свидетеля, в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства.* Эта мера обеспечения уголовно-процессуальной безопасности, также как и предыдущая, является определенным исключением из общего правила установления личности допрашиваемого лица для всех участников уголовного процесса, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Вместе с тем, на основании ч. 2 ст. 278 УПК РФ подлинные данные о личности защищаемого лица, хотя и не оглашаются, личность свидетеля все же устанавливается председательствующим. Такая процедура обеспечивает идентификацию личности защищаемого лица со стороны суда (председательствующего в судебном процессе), что следует рассматривать как гарантию вынесения в последующем правосудного итогового судебного решения[13].

Рассматриваемая нами мера безопасности в судебном заседании содержит два этапа:

1). Неоглашение подлинных данных защищаемого лица и

2). Допрос его в условиях, исключающих визуальное наблюдение со стороны иных участников процесса.

Кроме выше проанализированных нами двух мер безопасности, которые непосредственно могут быть реализованы в судебном заседании, по нашему мнению и иные меры, указанные в ч. 3 ст. 11 УПК РФ могут применяться. Так, например, присвоение псевдонима и изъятие подлинных данных из материалов уголовного дела (протоколов, в том числе и протокола судебного заседания) (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), прослушивание телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ), а также опознание вне визуального контроля (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) может быть применено и в судебном

разбирательстве, в случаях, когда задача обеспечения безопасности возникла уже в ходе судебных стадий производства по уголовному делу.

Такой вывод нами основан на ситуации, при которой в ходе досудебного производства по делу угроза участникам процесса не возникала, в силу чего сами меры безопасности не применялись, а реальность принятия такого решения возникла при появлении угроза безопасности уже в судебном производстве по делу.

Таким образом, теоретически и практически может возникнуть процессуальная ситуация, обязывающая суд и государственного обвинителя принимать весь комплекс мер безопасности, установленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ[15].

Кроме того, в судебном заседании суд вправе воспользоваться условиями допроса защищаемого свидетеля с использованием систем видеоконференц-связи на основании ст. 278.1 УПК РФ, которая прямо не указана в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, однако по своему содержанию, как мы считаем, может быть применены в случае необходимости обеспечения безопасности и невозможности присутствия защищаемого лица в судебном разбирательстве лично. Как представляется, такое условие невозможности личного присутствия может быть применено судом при отсутствии реальной материально-технической, организационной и пр. возможности обеспечить безопасность участника процесса в судебном заседании. Применение правил ст. 278.1 УПК РФ по отношению к мерам безопасности, как представляется, возможно по уголовно-процессуальной аналогии, оно не нарушает право стороны защиты на исследование доказательств и принципа состязательности[16].

Список литературы

1. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 77-81.

2. Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии. Москва, 1995.

3. Зайцев О.А. Правовые основы и практика обеспечения участия свидетеля на предварительном следствии. Москва, 1995.

4. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004.

5. Епихин А.Ю. Поводы и основания применения и реализации мер безопасности защищаемых лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2004. № 7. С. 4-11.

6. Епихин А.Ю. Совершенствование правового регулирования безопасности личности в новом УПК РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 1. С. 115-122.

7. Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в

уголовном процессе: автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Москва, 1995.

8. Мишин А.В. Обеспечение безопасности участников досудебного производства по уголовному делу: тактическая задача и ее решение // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. 2017. Т. 2. № 4. С. 183-189.

9. Мишин А.В. Проведение опознания с участием защищаемого лица как мера безопасности (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) // В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов VI международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета. 2016. С. 438-443.

10. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 4. С. 480-486.

11. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Междисциплинарные проблемы допроса защищаемого лица в судебном разбирательстве по уголовному делу // В сборнике: Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Малюткина. Чебоксары, 2019. С. 94-100.

12. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Особенности обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей в судебном производстве по уголовным делам // В сборнике: Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летнему юбилею доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко. 2016. С. 108-111.

13. Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. N 34. Ст. 3534.

14. Федеральный закон от 20.04.1995 N 45-ФЗ (ред. от 01.07.2017) "О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов" // Собрание законодательства РФ. 24.04.1995. N 17. Ст. 1455.

15. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Ограничение гласности предварительного расследования как гарантия производства по уголовному делу // В сборнике: Управленческие аспекты северных территорий России Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Коми республиканская академия государственной службы и управления. 2015. С. 71-75.

16. Епихин А.Ю. Гласность судебного разбирательства: принцип или общее условие? // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2014. №18. С. 61-65.

ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ КАК ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ ОБРАЗУЮТ КРИМИНАЛЬНЫЙ ОБОРОТ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ

Саляхов Д.Д.
лаборант криминалистической лаборатории
АНО ВО «Академия социального образования»
Галимуллин Н.И.
студент 4 курса
АНО ВО «Академия социального образования»,
направление юриспруденция,
квалификация бакалавр.

Аннотация. В статье анализируется отечественная и зарубежная нормативная база, а также судебная практика в отношении объектов вооружения как предмета преступлений, образующих криминальный оборот оружия и боеприпасов. Сформулирована основная причина недостаточно эффективного противодействия преступлениям, образующим криминальный оборот оружия и боеприпасов, – несовершенство нормативной базы в части отнесения объектов вооружения к предмету преступлений, противоречие судебной практики законодательству.

Ключевые слова: *криминальный оборот оружия, квалификация, предмет преступления, вооруженная преступность.*

ARMS AND AMMUNITION AS THE ASPECT THAT FORMS CRIMINAL TRAFFICKING OF WEAPONS

Salyakhov D.D.
forensic laboratory assistant
ANO VO "Academy of Social Education"

Galimullin N.I.
4th year student of ANO VO "Academy of Social Education", qualification bachelor.

Abstract. The article analyzes the domestic and foreign regulatory framework, as well as judicial practice with respect to weapons objects as the subject of crimes constituting the criminal traffic of weapons and ammunition. The concepts and signs of weapons, their types are revealed. The main reason for the insufficiently effective counteraction to the crimes forming the criminal circulation of weapons

and ammunition was formulated, – the imperfection of the regulatory framework in terms of attributing weapons to the subject of crimes, the contradiction of judicial practice to legislation.

Key words: *criminal arms trafficking, qualification, subject of crime, armed crime.*

По мнению специалистов, незаконный оборот оружия и боеприпасов в настоящее время доминирует в общей структуре преступности как в мире в целом, так и в Российской Федерации в частности[1].

Причем последние 10 лет на фоне улучшения общей криминогенной обстановки динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, стабильна, а по их отдельным видам существует тенденция роста[2].

При этом причинами роста незаконного оборота оружия и боеприпасов в общемировом масштабе называются: утрата контроля за оборотом оружия со стороны государства, нестабильность политической ситуации во многих странах, потрясения социально-экономического плана, растущая востребованность оружия у организованных преступных формирований, а также у определенных политических и экономических сил, напрямую заинтересованных в постоянной актуализации данной проблемы и все чаще использующих оружие и боеприпасы в качестве аргумента в решении того или иного вопроса для достижения своих целей.

Прежде всего, необходимо четко понимать термины «оружие» и «боеприпасы».

Оружие и боеприпасы как уголовно-правовые понятия объединяет ряд общих признаков[3]:

1) они являются источниками повышенной опасности, то есть представляют реальную угрозу для личности, общества и государства;

2) их целевым назначением является поражение человека, повреждение имущества;

3) определенные операции с ними (приобретение, ношение, перевозка, передача, хранение, сбыт, изготовление, переделка, ремонт, перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС) возможны лишь при соблюдении установленных правил.

Аналогично термин «оружие» расшифровывается и в словарях:

– «всякое технически пригодное для нападения или защиты средство»;

– «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели».

Таким образом, понятие оружия как юридический термин связано с его повышенной общественной опасностью.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 13.12.1996 N 150-ФЗ «Об оружии» под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов.

В пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. N 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» акцентируется, что под оружием следует понимать устройства и предметы как отечественного, так и иностранного производства, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели.

Согласно Закону об оружии к оружию не относятся изделия, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием (ст. 1).

Следует отметить, что Закон об оружии регулирует только правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия, в то время как уголовный закон предусматривает ответственность за противоправные действия как с указанными видами оружия, так и с иными видами боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба и на которые действие Закона об оружии не распространяется (п. 1 ППВС N 5-2002).

Законодателем предусмотрена уголовная ответственность за незаконные операции со следующими видами оружия:

– огнестрельное оружие (за исключением гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного) (ч. 1 - 3 ст. 222, ч. 1 - 3 ст. 223; ч. 1, 3, 4 ст. 226 и ст. 226.1 УК РФ);

– гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие (ч. 4 ст. 222 УК РФ);

– огнестрельное оружие ограниченного поражения (ч. 4 ст. 222 и ч. 4 ст. 223 УК РФ);

– газовое оружие (ч. 4 ст. 222 и ч. 4 ст. 223 УК РФ);

– холодное оружие (ч. 4 ст. 222 и ч. 4 ст. 223 УК РФ);

– метательное оружие (ч. 4 ст. 222 и ч. 4 ст. 223 УК РФ).

Кроме того, установлено наказание за незаконные действия со следующими предметами вооружения:

– основные части огнестрельного оружия (ч. 1 - 3 ст. 222, ч. 1 - 3 ст. 223, ст. 226.1 УК РФ);

– комплектующие детали к огнестрельному оружию (ч. 1, 3, 4 ст. 226 УК РФ);

– боеприпасы (ч. 1 - 3 ст. 222, ч. 1 - 3 ст. 223; ч. 1, 3, 4 ст. 226 УК РФ) и ст. 226.1 УК РФ);

– патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения (ч. 4 ст. 223 УК РФ);

– патроны к газовому оружию (ч. 4 ст. 223 УК РФ).

Казалось бы, законодателем дан исчерпывающий перечень объектов вооружения, являющихся предметом преступления. Однако не все так однозначно. В частности, трактовка указанных терминов отечественного законодателя отлична от их трактовки в ратифицированных Россией международных правовых актах. Кроме того, в России по данному вопросу отсутствует и единое мнение у законодательной и судебной ветвей власти.

В соответствии с Законом об оружии под огнестрельным оружием понимается оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда (ст. 1).

В пункте 2 ППВС N 5-2002 разъясняется, что применительно к ст. 222-226.1 УК РФ под огнестрельным оружием понимаются все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. При этом указано, что к предмету преступления, применительно к ст. 222-226.1 УК РФ, относятся: винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, артиллерийские орудия и авиационные пушки, а также иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра[4].

Казалось бы, законодательное определение и судебное разъяснение термина «огнестрельное оружие» достаточны для правового противодействия их криминальному обороту. Однако на практике выделить из огромного видового диапазона огнестрельное оружие как предмет преступления проблематично[5].

Не является предметом незаконных приобретения, ношения, перевозки, передачи, хранения и сбыта оружия, то есть преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222 УК РФ, следующие предметы вооружения:

– гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие;

– основные части гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия;

– патроны к гражданскому огнестрельному гладкоствольному длинноствольному оружию;

– огнестрельное оружие ограниченного поражения;

– основные части огнестрельного оружия ограниченного поражения;

–патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения.

В соответствии с Законом об оружии (ст. 1) под боеприпасами понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие заряды: разрывной, метательный, пиротехнический, вышибной, их сочетание.

К боеприпасам относятся в том числе патроны – устройства, предназначенные для выстрела из оружия, объединяющие в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, метательный заряд и метаемое снаряжение (ст. 1 Закона об оружии).

В пункте 4 ППВС N 5-2002 разъясняется, что под боеприпасами следует понимать предметы вооружения и метаемое снаряжение как отечественного, так и иностранного производства, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный или вышибной заряды либо их сочетание.

Применительно к ст. 222-226.1 УК РФ к боеприпасам относятся: артиллерийские снаряды и мины; военно-инженерные подрывные заряды и мины; ручные гранаты; реактивные противотанковые гранаты; боевые ракеты; авиабомбы; другие предметы, независимо от наличия или отсутствия у них средств для инициирования взрыва, предназначенные для поражения целей; все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом.

Таким образом, основной причиной недостаточно эффективного противодействия преступлениям, образующим криминальный оборот оружия и боеприпасов, можно с уверенностью назвать несовершенство нормативной базы в части отнесения объектов вооружения к предмету преступлений (несоответствие отечественной и зарубежной нормативной базы, исключения в диспозициях уголовных норм, возможность применения к предметам вооружения признака малозначительности, необоснованная декриминализация деяний с оружием и др.), противоречие судебной практики законодательству (например, декриминализация деяний с определенными видами холодного оружия).

Список литературы

1. Живаев Д.В. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в современной России: уголовно-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – N 1.

2. Бычков В.В. Динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, в Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сборник научно-практических трудов. –2015. –N 1(7). –С. 33-39.

3. Казакова В. Уголовно-правовая классификация оружия // Уголовное право. – 2002. – N 4. – С. 21-24.

4. Алексеев С.Л., Салимзянова Р.Р. Криминология: вчера, сегодня, завтра. // - 2013. - С. 212.

5. Алексеев С.Л. Криминология: методические рекомендации для преподавателей по организации изучения дисциплины/С.Л.Алексеев, Р.Р.Салимзянова. -Казань: ООО РПП "Ассоль", 2013.-144 с.

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Сергеева Ю.С.
соискатель ученой степени кандидата наук, старший преподаватель кафедры уголовного права
АНО ВО «Академия социального образования».

Лекарева С.Е.
ассистент отделения права и организации социального обеспечения
АНО ВО «Академия Социального Образования»

Аннотация. Статья посвящена анализу оценки доказательств в уголовном процессе, так как данная тема остается многие годы актуальной. В работе освящены такое вопросы как: допустимость доказательств; относимость доказательств; достаточность доказательств; оценка доказательств.

В статье отражены основные обстоятельства, рассматриваемые в процессе оценки доказательств. Раскрыта актуальность проблемы доказательств. Настоящая статья не претендует на конечное исследование указанной проблемы современного российского законодательства, а поэтому определяет круг вопросов, требующих изучение.

Ключевые слова: *оценка доказательств; относимость доказательств; допустимость доказательств; достаточность доказательств.*

EVALUATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergeeva Yu.S.
Candidate of Science, Senior Lecturer, Department of Criminal Law
ANO VO "Academy of Social Education".

Lekareva S.E.
Assistant, Law and Social Security Organization
ANO VO "Academy of Social Education"

Abstract. The article is devoted to evaluation of evidence in criminal proceedings, as the topic remains relevant for many years. In the work of consecrated such questions as: the admissibility of evidence; the relevance of evidence; the sufficiency ofthe evidence; the evaluation of the evidence.

The article describes the main circumstances considered in the process of evaluation of evidence. Disclosed the relevance of the problem of evidence. This article does not claim to be the ultimate study of specified problems of the modern Russian legislation, and therefore determines the range of issues requiring study.

Key words: *evaluation of evidence; relevance of evidence; admissibility of evidence; sufficiency of the evidence.*

В процессе доказывания оценка доказательств является весьма значительным и достаточно сложным этапом, поскольку от такой оценки зависит законность и обоснованность решений, принимаемых в уголовном процессе.

Какими бы разными не были доказательства в уголовном процессе, какими бы способами они не собирались, закреплялись и представлялись сторонами обвинения и защиты, в основание обвинительного или оправдательного акта они могут быть положены лишь с учетом их обязательной предварительно оценки объективным и беспристрастным судом.

Оценкой доказательств является совокупность мыслительных процессов, в ходе которых логическим путем дается умозаключение о допустимости, относимости, достоверности, юридического значения доказательств, имеющихся в деле, и их совокупной достаточности для того, чтобы обосновать обстоятельства, которые составляют предмет доказывания, в целях последующего разрешения конкретного уголовного дела.

Оценка доказательств выступает в качестве основания для принятия по делу решений, при этом необходимо отметить определяющую роль дознавателя, следователя, прокурора или суда в установлении относимости, допустимости и достоверности каждого из доказательств. Цель оценки доказательств заключается в их определении с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, достаточности.

Относимость доказательств означает взаимосвязь содержания доказательства с предметом доказывания, то есть с действительными обстоятельствами уголовного дела.

Допустимость – важное свойство доказательства, характеризующее его с позиции соответствия нормам действующего уголовно-процессуального законодательства.

Достаточность доказательств – требование, предъявляемое к собранной совокупности доказательств при принятии конкретных процессуальных решений

Главное место для определения дальнейшей судьбы подозреваемого, обвиняемого или подсудимого имеет оценка доказательств, осуществляемая судом (судьей единолично либо коллегией судей), а также стороной обвинения (прокурором, следователем и дознавателем), учитывая, что оценку доказательств в уголовном судопроизводстве может осуществлять любой его участник, включая сторону защиты.

Наука уголовно-процессуального права не содержит единого подхода к оценке доказательств. Во многом это обусловлено тем, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит определения данного понятия, однако закрепляет правила и принципы оценки доказательств.

В соответствии со ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с позиции относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного

дела. Признание доказательства недопустимым – право, закрепленное за судом и стороной обвинения (прокурором, следователем, дознавателем). И если сторона обвинения вправе признать доказательство недопустимым по собственной инициативе или согласно ходатайству подозреваемого, обвиняемого, то суд вправе признать доказательство недопустимым по собственной инициативе либо по ходатайству любой из сторон.

Ст. 17 УПК РФ содержит основной принцип оценки доказательств – свобода участников уголовного процесса, под которой следует понимать возможность и обязательность оценки доказательств судьей, присяжными заседателями, а также стороной обвинения исключительно на основании своего внутреннего убеждения, основанного на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Причем никакие доказательства при их оценке в уголовном процессе не могут иметь заранее установленной силы[1].

Принцип свободы при осуществлении оценки доказательств судом вытекает и неразрывно связан с одним из главных принципов уголовного судопроизводства - независимостью суда, закрепленным в ст. 8.1 УПК РФ, согласно которому судьи разрешают уголовные дела независимо от какого-либо влияния извне и подчиняются исключительно действующему законодательству и Конституции РФ[2].

В соответствии с ч. 1 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Оценка доказательств по внутреннему убеждению предполагает следующий порядок: ни дознаватель, ни следователь, ни прокурор, ни суд не вправе руководствоваться оценкой, которая предлагается кем-либо другим, а также перелагать обязанность оценки доказательств за нее на другое лицо[3]. Оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны руководствоваться законом[6].

Под законом в этом случае следует понимать не только уголовно-процессуальное законодательство, но и иные источники уголовно-процессуального законодательства, а в некоторых случаях и иных отраслей.

Исходя из судебной практики, оценка доказательств является неотъемлемой частью уголовного процесса. Так например Безенчукского районного суда Самарской области от 11.11.2016 года Асланов Ф.В. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.228 УК РФ на основании п.3 ч.2 ст.302 УПК РФ, в связи с отсутствием состава преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного, нашла приговор подлежащим изменению по следующим основаниям. Из совокупности доказательств изложенных в приговоре подлежат исключению протоколы допроса

свидетелей в связи с изменением показаний в процессе разбирательства. Из приговора суда следует, что оперативным подразделением полиции следственным органам и суду не был раскрыт источник осведомленности о причастности Асланова Ф.В. к незаконному обороту наркотических средств. Полученным в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий в приговоре судом не дано какой-либо оценки имеющимся в материалах дела доказательствам[5].

Исключая протокол допроса свидетеля из числа доказательств по ходатайству стороны защиты, в нарушение требований ст. 88 УПК РФ, предусматривающей правила оценки доказательств, а также требований ч. 1 ст. 240 УПК РФ, предусматривающей непосредственность исследования всех доказательств в судебном разбирательстве, суд не дал в приговоре оценку показаниям свидетеля допрошенного в судебном заседании.

Подвергая сомнению достоверность показаний в приговоре свидетелей других, суд указал, что в первых показаниях они не отрицали факт своего нахождения в определенном месте, а в ходе дополнительного допроса отрицали свое нахождение в указанном месте. Суд не проверил доводы дополнительных показаний свидетелей о нахождении до задержания ими Асланова, на проведении иных оперативных мероприятий, а приобщенные судом к материалам дела документы, подтверждающие показания свидетелей в указанной части, не оценены судом при принятии процессуального решения. При вынесении приговора должной оценки материалы проверки заявления Асланова Ф.В. не получили, по факту причинения ему телесных повреждений, которые приобщены к материалам дела по ходатайству стороны обвинения. Оценивая постановление об отказе в возбуждении уголовного в отношении свидетелей суд в приговоре допустил противоречивые суждения о том, что выводы следственного органа в данном процессуальном документе сделаны на неполно исследованных данных, которые были исследованы в судебном заседании и никак не влияют на обстоятельства, установленные судом.

А также согласно протоколу судебного заседания государственным обвинителем заявлялось ходатайство о допросе свидетелей обвинения, явка которых была обеспечена стороной обвинения, однако в нарушение ч.4 ст. 271 УПК РФ, в соответствии с которой суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля, явившегося в суд по инициативе сторон, председательствующим было отказано в удовлетворении ходатайства государственного обвинителя без мотивировки принятого решения.

При указанных обстоятельствах следует признать обоснованными доводы апелляционного представления прокурора о нарушении судом при рассмотрении данного уголовного дела положений ст.244 УПК РФ, предусматривающей равенство прав сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве.

Также заслуживают внимания доводы апелляционного представления и в той части, что изложенные в приговоре показания свидетеля о том, что ему со слов Асланова Ф.В. стало известно о его избиении сотрудниками полиции, не соответствуют показаниям этого свидетеля, изложенным в протоколе судебного заседания от, в которых не имеется сведений о том, что Асланов Ф.В. в ходе медицинского осмотра говорил свидетелю о лицах, которые его избивали и что это были сотрудники полиции.

Показания свидетелей, положенные в основу оправдательного приговора, не соответствуют показаниям данных свидетелей в суде, то есть фактическим обстоятельствам, установленным в судебном заседании.

Таким образом, при приведении мотивов оправдания Асланова Ф.В. по вышеуказанным основаниям суд не дал надлежащей оценки показаниям данных свидетелей, указанным материалам дела, тем самым лишил себя возможности делать какие-либо выводы о виновности либо невиновности Асланова во вмененном органом следствия преступлении.

В связи с чем судебная коллегия считает, что выводы суда, изложенные в оправдательном приговоре в отношении Асланова Ф.В., не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, также при рассмотрении данного дела судом допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения

При установленных обстоятельствах приговор суда в отношении Асланова Ф.В. подлежит отмене с направлением дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии судебного разбирательства. При новом рассмотрении дела суду первой инстанции необходимо устранить допущенные нарушения.

Оценивать доказательства на основании своей совести - это значит не только подчинить такую оценку профессиональному правосознанию, но и подвергнуть ее нравственному самоконтролю, основанному на общечеловеческих ценностях и истинах о справедливости и порядочности[4].

Список литературы

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Собрание законодательства РФ, 2001. – № 52
(ч. I). – ст. 4921.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 30.06.2015) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 5. – 2004.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Д. Агамов, Р.Х. Батхиев, Т.А. Боголюбова [и др.]; под ред. А.Я. Сухарева. 2-е изд., перераб. М.: НОРМА, 2013. – 1104 с.

4. Борзов В.М., Костовская Н.В. Некоторые проблемные вопросы оценки доказательств судом // Мировой судья. –2012. – №11.
5. Решение по делу 22-192/2017 [Электронный ресурс]. – https://rospravosudie.com/court-primorskij-kraevoj-sud-primorskij-kraj-s/act-548838841/
6. Алексеев С.Л. Криминология: методические рекомендации для преподавателей по организации изучения дисциплины/С.Л.Алексеев, Р.Р.Салимзянова. -Казань: ООО РПП "Ассоль", 2013.-144 с.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Сергеева Ю.С.
старший преподаватель кафедры уголовного права
АНО ВО «Академия социального образования»

Ионина Е.Г.
магистрант 2 курса направления подготовки
40.04.01 Юриспруденция (уровень магистратуры)
АНО ВО «Академия социального образования»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и проблемы ресоциализации и адаптации женщин, осужденных к лишению свободы. Представлен анализ факторов, играющих значительную роль как в успешной ресоциализации, так и адаптации женщин-преступниц в современной России. На основе анализа действующего законодательства и эмпирических данных делается вывод о необходимости концептуального осмысления процессов ресоциализации в исправительных колониях, а также проблем адаптации освободившихся женщин в обществе.

Ключевые слова: *ресоциализации, адаптация, женщина-преступница, осужденные, исправительные учреждения.*

FEATURES AND PROBLEMS OFRESOSCALIZATION AND ADAPTATION OF WOMEN CONDEMNED TO DEPRIVATION OF FREEDOM

Sergeeva Yu.S.
Senior Lecturer, Department of Criminal Law
ANO VO "Academy of Social Education"

Ionina E.G.
2-year undergraduate
04/40/01 Jurisprudence (master's level)

Abstract. The article discusses the features and problems of the re-socialization and adaptation of women sentenced to imprisonment. The analysis of factors that play a significant role in the successful re-socialization and adaptation of female offenders in modern Russia is presented. Based on the analysis of current legislation and empirical data, a conclusion is made about the need for conceptual understanding of the resocialization processes in correctional colonies, as well as the problems of adaptation of released women in society.

Key words: *resocialization, adaptation, female criminal, convicted, correctional institutions.*

Сложность такого явления, как преступность, обусловливает необходимость совершенствования уголовно-исполнительной политики государства, что находит отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года[3]. В ней в качестве средства повышения эффективности функционирования пенитенциарной системы предусматривается совершенствование механизма ресоциализации, а также методов психологического и педагогического воздействия на осужденных.

По состоянию на 1 июля 2019 г.В исправительных учреждениях содержится 43,7 тысяч женщина (-1,5 тыс. чел.), в том числе 34, 6 тыс. чел. – в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 9,0 тыс. чел. – в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 457 детей. А лица женского пола в местах лишения свободы в силу своего социального положения являются уязвимой группой, и проблемы ресоциализации в исправительных колониях имеют свою специфику.

Женщины-преступницы отличаются эмоциональной нестабильностью, больше подвергаются отрицательным влияниям, у них часто сохраняются антиобщественные привычки и взгляды. К сожалению, все эти особенности и специфические потребности этой группы не отражены в российском законодательстве.

Например, в системе исправительных учреждений Ставропольского края только одна женская колония -в Зеленокумске. Сейчас здесь отбывают наказание около тысячи женщин, больше половины - со Ставрополья. Все осуждены впервые. «Мотают» здесь срок и около десяти иностранок - гражданки Казахстана, Таджикистана, совершившие преступления на территории России. Самые распространенные статьи -убийство, нанесение тяжкого вреда здоровью, хранение и сбыт наркотиков, грабеж и разбой. Средний возраст осужденных — около сорока лет. Строгий режим для

женщин не предусмотрен российскими законами. Но условия содержания для заключенных разные: в ИК-7 отбывают срок на общем режиме, облегченных условиях содержания и в колонии-поселении. Чтобы заслужить послабления, надо не нарушать дисциплину, ударно трудиться на производстве и «участвовать в жизни колонии». Участие это проявляется в спортивных и культмассовых мероприятиях[4, с. 3].

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу, воспитательная работа с осужденными к лишению свободы направлена на их исправление, формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение их образовательного и культурного уровня.

Однако, в сложившейся системе пенитенциарного учреждения цель исправления осужденных, как лиц мужского пола, так и женского при назначении и отбывании уголовного наказания, к сожалению, не достигается.

В связи с распространенностью психических и наркологических заболеваний в учреждениях УИС (более 123 тыс. человек имеют психическую патологию), следует отдельно отметить значимость психологической службы для ресоциализации осужденных женщин.

Надо отдать должное, что в процессе реформирования не произошло ликвидации ведомственной психологической службы. Работа этой службы в настоящее время выстроена таким образом, что сотрудники в процессе беседы с осужденными способны выявить проблемы, однако, решить их, к сожалению, они не готовы.

Для противодействия данным пагубным явлениям ФСИН России нужны не просто психологи, но и клинические психологи, способные не только диагностировать заболевание, но и провести необходимую коррекционную работу.

В этом направлении важна также работа социального педагога, который в первую очередь должен стремиться к объективной оценке индивидуальных особенностей женщины-преступницы. Наравне с психологом, а в необходимых случаях с клиническим психологом он должен использовать для этого наблюдение не только за осужденными, но и за социальным окружением женщин, осужденных к лишению свободы.

Именно коррекционная работа с лицами, отбывающими наказание, поиск и применение новых форм и методов воздействия на их исправление, являются наиболее эффективными средствами предупреждения совершения повторных преступлений, чем обычный надзор после освобождения из учреждений пенитенциарной системы, как для женщин, так и мужчин. Приоритетная роль здесь отводится воспитанию, так как одной из главных целей государства является вытеснение юридического невежества, инфантилизма, правового нигилизма определенным уровнем правовой культуры и правосознания, что будет способствовать соблюдению прав и свобод лиц, содержащихся в местах принудительного содержания ФСИН России[2, с. 4-6].

Затрудняет проведение ресоциализации в исправительных колониях, а также дальнейшую адаптацию освободившихся женщин и тот факт, что сотрудников не готовят специально для работы с женщинами-преступницами.

Специфической чертой системы ресоциализации женщин-осужденных, является то, что одной из важнейших ее задач является сохранение потребности женщины в материнстве. Так, И.С. Степанова и Т.М. Явчуновская абсолютно правы, когда говорят, что для находящихся в местах лишения свободы женщин контакты с семьей и близкими имеют особое значение[5, с. 15].

Не маловажное значение имеет и адаптация осужденных женщин к новым условиям сосуществования в обществе после их освобождения из мест заключения. Низкий общественный статус таких женщин, оказывает негативное влияние на уровень и качество их жизни.

Как справедливо отмечает Т.Ф.Минязева, «задача уголовно-исполнительной политики в этой части - курс на содействие бывшим преступникам в возвращении к нормальной жизни в обществе. Этого курса должны держаться все звенья государственных, негосударственных структур, различных общественных формирований, граждан в сфере борьбы с преступностью»[1, с. 129].

Женщина, отбывшая наказание в виде лишения свободы, часто испытывает трудности не только в бытовом, но и трудовом устройстве. Это в свою очередь, толкают их к совершению новых преступлений. В Уголовно-исполнительном кодексе РФ есть глава, которая посвящена вопросам не только помощи освобожденным от отбывания наказания, но и контролю над такими лицами. Данная помощь возложена на администрацию исправительного учреждения (ст.181 УИК РФ) и выражается в оплате некоторых транспортных расходов (до места жительства) или деньгами. Этого не всегда достаточно, так как не все женщины обеспечены в колонии оплачиваемой работой, многие имеют низкие заработки. Однако следует понимать, что уголовно-исполнительная система не имеет функции по дальнейшему трудоустройству бывшего осужденного, это не входит в круг её полномочий. Учитывая сказанное, можно констатировать необходимость активного участия органов государственной власти. Важным представляется и привлечение к этим проблемам, как органов местного самоуправления, так и общественных организаций и граждан.

Таким образом, в связи с ростом количества различных проблем, связанных с поведением женщин, которые освободились из исправительных колоний, особую актуальность приобретают проблемы ресоциализации женщин-преступниц и их последующей адаптации в обществе и требуют нового осмысления с учетом развития общества.

Список литературы

1. Минязева Т.Ф. Политика государства в сфере обеспечения правового положения осужденных // Правоведение. — 2000. — № 1. — С. 127-136.

2. Огнева В.В., Огнева Е.А. Правовая культура как фактор эффективной защиты прав граждан в современной России // Образование и общество. — 2011. — № 1. — С. 4-6.

3. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 N 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — N 43. — ст. 5544.

4. Поляков А. Бабье царство общего режима // Ставропольская правда. — С. 3.

5. Степанова И.С., Явчуновская Т.М. Проблема ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2002. — №1 (2). — С.314-315.

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ СВЯЗАННЫХ С ЖИЛЬЕМ

Тихонов В.И.
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»
e-mail: tihonovvovan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел, возникающих из жилищных правоотношений. Исследуются источники правового регулирования судебной защиты жилищных прав.

Ключевые слова: *жилище, жилищные правоотношения, суд, рассмотрение, разрешение.*

REVIEW FEATURES AND HOUSING CIVIL RESOLUTIONS

Tikhonov V.I.
graduate student of the department of criminal law disciplines
FSBEI HE "ChSU named after I.N. Ulyanova
e-mail: tihonovvovan@mail.ru

Abstract. The article deals with some peculiarities of consideration and resolution of civil cases arising from housing relations. Investigates the sources of legal regulation of judicial protection of housing rights.

Key words: *housing, housing relations, judgment, consideration, permission.*

Пожалуй, не будет ошибочным мнение о том, что жилищная сфера занимает одно из главных мест не только в жизни конкретного человека, но и всего общества в целом. Жилое помещение выступает важным материальным условием жизни человека, наряду водой, пищей, одеждой. Подтверждение значимости права на жилище можно обнаружить в международных правовых актах. Так, в частности в статье 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. сказано следующее: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни. Государства-участники примут надлежащие меры к обеспечению осуществления этого права, признавая важное значение в этом отношении международного сотрудничества, основанного на свободном согласии»[1].

В статье 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.[2], сказано о том, что: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Конституция Российской Федерации[3], развивая положения международных актов в области жилищных прав в статье 25 гарантирует, что: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения», статья 40 гарантирует право каждого на жилище и при этом никто не может быть произвольно лишен жилища.

Специальный нормативно-правовой акт в области жилищных правоотношений Жилищный кодекс Российской Федерации (далее ЖК РФ) [4] в статье 3, также содержит указание относительно того, что: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан иначе как в предусмотренных настоящим Кодексом целях и в предусмотренных другим федеральным законом случаях и в порядке или на основании судебного решения».

Как можно проследить из вышеперечисленного перечня нормативно-правовых актов право на жилище является неотъемлемым правом человека и никто не может лишить этого права человека, не иначе лишь как по решению

суда, и безусловно такие ситуации, при которых происходит спор в области жилищных правоотношений не редкость для российской судебной практики.

Исходя из социальной значимости права на жилище и проявляются некоторые особенности рассмотрения и разрешения данных категорий дел.

По мнению, автора А.Г. Невоструева – «Сложность рассмотрения жилищных споров обусловлена несовершенством действующего материального жилищного законодательства, изменением экономической ситуации и общественных отношений в государстве. Необходимо разрешить ряд вопросов процессуального характера. Несмотря на неоднократные предложения ученых внести в жилищное законодательство нормы, предусматривающие участие жилищных органов для дачи заключения по делу, а также с целью защиты прав и законных интересов других лиц, в ЖК РФ этот вопрос остался нерешенным; в ЖК РФ отсутствуют нормы о возможности участия граждан, организаций, государственных органов, органов местного самоуправления в защиту прав и законных интересов других лиц, необходимости участия государственных органов, органов местного самоуправления для дачи заключения по жилищным делам, распределении бремени доказывания между гражданином и жилищным органом, наймодателем и др.»[5].

Исходя из закрепленного права граждан на жилище, гражданин также имеет право на защиту своих прав и свобод, любыми способами, не запрещенными законом. При этом судебной защитой обладают все люди не зависимо от наличия или отсутствия гражданства Российской Федерации.

Все жилищные споры, в прочем, как и все иные дела, рассматриваются по правилам процессуальных норм права.

По своей правовой природе жилищные правоотношения не являются однородными, что влияет на определение вида судопроизводства, в котором должно рассматриваться жилищное дело.

Так, дела, вытекающие из правоотношений права собственности на жилое помещение и по договору социального найма, рассматриваются в исковом порядке (споры о сохранении права пользования за бывшим членом семьи собственника жилого помещения на определенный срок, признании гражданина не приобретшим право пользования жилым помещением, признании гражданина утратившим право пользования жилым помещением и т.д.); дела, вытекающие из административных (публичных) правоотношений, должны разрешаться в порядке производства по делам, возникающим из публично-правовых отношений (обжалование решений органов местного самоуправления по вопросам постановки или снятия с учета граждан, нуждающихся в жилом помещении, и др.).

В частности статья 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ)[6], устанавливает, что «Задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов

Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду».

Исходя их этого общего положения, статья 22 ГПК РФ более подробно раскрывает вопросы подведомственности жилищных дел, а именно: «Суды рассматривают и разрешают: исковые дела с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений». Что же касается подсудности жилищных споров, то нужно обратить внимание на то, что жилищные споры рассматриваются в районных судах, о чем указано в статье 24 «Гражданские дела, подведомственные судам, за исключением дел, предусмотренных статьями 23, 25, 26 и 27 ГПК РФ, рассматриваются районным судом в качестве суда первой инстанции».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что жилищные споры в гражданском судопроизводстве рассматриваются в районных судах в качестве суда первой инстанции.

В районных судах могут рассматриваться различные категории дел, связанных с правом на жилое помещение. Так это могут быть споры между нанимателями и наймодателями жилого помещения по договорам социального найма в домах государственного и муниципального жилищного фонда. Дела по спорам между собственниками жилого помещения. Споры о принудительном вселении, выселении, разделе, обмене, жилых помещений. Споры о жилых помещениях, в которых проживают несовершеннолетние и недееспособные граждане, и так далее.

Проводя анализ судебной практики по жилищным спорам, мы можем обратить пристальное внимание на то, что наибольшую сложность при рассмотрении и разрешении жилищных дел представляют споры, возникающие из договора социального найма. Поскольку социальный найм имеет важное социальное значение в Российской Федерации.

Также проведя анализ судебной практики по жилищным спорам, мы выявили некоторые особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел: При принятии искового заявления о выселении граждан по предусмотренным законом основаниям с предоставлением другого благоустроенного жилого помещения либо другого жилого помещения, отвечающего санитарным и техническим требованиям, судья обязан проверить, указано ли в заявлении конкретное свободное жилое помещение, предоставляемое выселяемым. При отсутствии такого указания судья выносит определение об оставлении заявления без движения, о чем извещает истца, и предоставляет ему срок для исправления недостатка заявления. В

случае невыполнения требования судьи заявление считается не поданным и возвращается истцу.

При решении вопроса о принятии заявления о выселении с предоставлением другого жилого помещения следует иметь в виду, что истец должен указать в заявлении конкретное жилое помещение, предоставляемое выселяемым, только в том случае, когда на нем самом лежит обязанность по его предоставлению.

Нарушение очередности предоставления гражданам жилых помещений может служить основанием для признания соответствующего решения полномочного органа недействительным в судебном порядке.

Стороной в спорах, вытекающих из условий договора найма жилого помещения, в силу ст. 671 ГК РФ является собственник жилого помещения или управомоченное им лицо (наймодатель), в том числе и жилищно-эксплуатационные организации и службы.

ЖК РФ (ст. 69) наделяет всех членов семьи, в том числе и несовершеннолетних, равными правами, вытекающими из договора найма жилого помещения, поэтому опекун (попечитель) несовершеннолетнего может от имени подопечного осуществлять все предоставленные ему правомочия. В частности, он может в интересах несовершеннолетнего требовать раздела жилого помещения и заключения от его имени отдельного договора найма (в том числе и когда несовершеннолетний окажется единственным лицом, имеющим право на занимаемое жилое помещение). Поскольку на совершение сделок по распоряжению имуществом подопечного опекун (попечитель) должен получить согласие органа опеки и попечительства (ст.ст. 36, 37 ГК РФ), постольку к участию в деле привлекаются эти органы.

При разрешении споров о выселении из занимаемого жилого помещения на время капитального ремонта дома (ст. 85 ЖК РФ) выясняется, находится ли предоставляемое жилое помещение в том же населенном пункте и пригодно ли оно для проживания выселяемых граждан с учетом их возраста, состояния здоровья, других заслуживающих внимания интересов, а также продолжительности капитального ремонта.

Разрешая споры, связанные с переустройством, перепланировкой жилых и подсобных помещений, судам следует выяснять, имеется ли на это согласие не только нанимателя, но и наймодателя (гл. 4 ЖК РФ) и как наиболее целесообразно произвести переустройство указанных помещений, для чего к участию в деле привлекаются органы жилищно-коммунального хозяйства.

При рассмотрении дел о выселении в другое благоустроенное жилое помещение в случаях, когда дом, в котором проживает наниматель, подлежит сносу в связи с отводом земельного участка для государственных или муниципальных нужд (ст. 32 ЖК РФ) либо если жилое помещение переоборудуется в нежилое (гл. 3 ЖК РФ), судом проверяется, имеется ли решение компетентного органа об изъятии земельного участка для

государственных или муниципальных нужд либо о переводе жилого дома (жилого помещения) в нежилой.

Разрешая споры о выселении из общежития, следует проверять, является ли общежитием помещение, занимаемое ответчиком, для чего необходимо выяснять следующие обстоятельства: находится ли **дом,** в котором расположено помещение, в ведении истца; построен ли он в качестве общежития либо специально переоборудован для этой цели; имеется ли разрешение санэпидемстанции на его заселение как общежития; выдавался ли в установленном порядке ордер на занятие жилой площади в общежитии; укомплектован ли дом (жилое помещение) мебелью, специальным оборудованием, инвентарем, культурно-бытовыми предметами, необходимыми для проживания, занятий и отдыха граждан; имеются ли штаты для обслуживания общежития; взимается ли плата за пользование им и др.

Таким образом, проведя исследование по особенностям рассмотрения и разрешения жилищных дел можно сделать ряд выводов.

Жилищная сфера имеет важное социальное значение. Гарантии прав на жилище закреплены в международных актах, Конституции Российской федерации, Жилищном кодексе Российской Федерации.

Исходя из закрепленного права граждан на жилище, гражданин также имеет право на защиту своих прав и свобод, любыми способами, не запрещенными законом. При этом судебной защитой обладают все люди не зависимо от наличия или отсутствия гражданства Российской Федерации.

Что касается судебной защиты прав на жилище, то в российской системе права жилищные споры могут быть рассмотрены в рамках гражданского, административного и арбитражного судопроизводства.

Судебная практика свидетельствует о том, что наибольшую сложность представляют жилищные дела, возникающие из договоров социального найма. Кроме того, при рассмотрении и разрешении гражданских дел по защите жилищных прав суды должны тщательно проверять все представленные доказательства, а также проводить анализ тех жилых помещений о которых идет спор, а именно – санитарно- эпидемиологические условия, статус жилого помещения, наличие граждан, которые не могут быть выселены и так далее.

Список литературы

1. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – N 12. – 1994.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1998.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о

поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 31. – ст. 4398.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 28.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета. – N 1. – 2005; Российская газета. – N 151. – 2016.

5. Невоструев А.Г. «Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел». Учебное пособие. // М.: Статут, 2015. – 174 с.

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 46. – ст. 4532; Российская газета. – N 140. – 2016.

СООТНОШЕНИЕ ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ С КВАЛИФИЦИРУЮЩИМИ ПРИЗНАКАМИ

Тихонов В.И.
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»
e-mail: tihonovvovan@mail.ru

Аннотация. Уголовное законодательство устанавливает запрет двойного применения отягчающих обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 63 УК РФ и квалифицирующих сходных признаков, указанных в диспозициях отдельных статей уголовного законодательства. Вместе с тем, в судебной практике применения уголовного наказания встречаются случаи нарушения этой правовой нормы. Приведенный в статье анализ опубликованных обзоров Пленума Верховного Суда Российской Федерации показывает наличие такой проблемы.

Ключевые слова: *отягчающие наказание обстоятельства, квалифицирующие признаки, уголовное наказание, назначение наказания.*

RATIO OF THE CIRCUMSTANCES AGGRAVATING PUNISHMENT WITH THE QUALIFYING SIGNS

Tikhonov V.I.
graduate student of the department of criminal law disciplines
FSBEI HE "ChSU named after I.N. Ulyanova
e-mail: tihonovvovan@mail.ru

Abstract. Criminal legislation establishes the ban of double application of the aggravating circumstances specified in Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation and the qualifying similar signs specified in dispositions of

separate articles of the criminal legislation. At the same time, in judicial practice of application of criminal penalty cases of violation of this precept of law meet. The analysis of the published reviews of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation provided in article shows existence of such problem.

Key words: *the circumstances aggravating punishment, the qualifying signs, criminal penalty, assignment of punishment.*

Правовое регулирование отягчающих уголовное наказание обстоятельств в современном российском уголовном праве, как показывает правоприменительная практика, вызывает определенные проблемы в процессе применения соответствующих норм Общей и Особенной частей УК РФ. Представляется важным в настоящее время изучение проблем, связанных с сопоставлением перечня отягчающих обстоятельств и квалифицирующих признаков, указанных в диспозициях отдельных статей Особенной части действующего уголовного законодательства.

По общему правилу, указанному в ч. 2 ст. 63 УК РФ установлен запрет применения отягчающего обстоятельства «в качестве признака преступления», если он указан в диспозиции статьи. Кроме того само по себе такое обстоятельство «не может повторно учитываться при назначении наказания». В данном случае действует ограничение двойного наказания за одно, и то же преступление.

Вместе с тем, в судебной практике имеются случаи двойного применения отягчающего и квалифицирующего признаков одновременно. Так, например, Апелляционным определением Верховного Суда РФ от 03.05.2018 N 30-АПУ18-2 приговор был изменен в виду следующих причин. По приговору суда Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, то есть в совершении разбоя, в том числе и с применением оружия, и суд одновременно признал в качестве отягчающего наказание обстоятельства совершение им этого же преступления с использованием оружия. При таких данных Судебная коллегия исключила указание о признании в качестве отягчающего наказание обстоятельства за преступление, предусмотренное п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, совершение его с использованием оружия и, применив ч. 1 ст. 62 УК РФ, смягчила Б. по указанной статье наказание[6].

В другом случае, в Определении N 87-АПУ15-3СС указано, что «совершение должностного преступления сотрудником органа внутренних дел предусмотрено ст. 290 УК РФ в качестве признака преступления и согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ не может повторно учитываться при назначении наказания». Так, гр. С. был признан виновным и осужден за то, что, являясь должностным лицом − сотрудником полиции, получил от граждан взятку в виде денег за совершение незаконных действий (бездействие) в пользу взяткодателей, с использованием своих служебных полномочий, в крупном размере. Он же совершил хищение чужого имущества - мошенничество

путем обмана, в крупном размере. Действия С. квалифицированы судом по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Квалифицируя действия С. по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, суд не принял во внимание, что суть этого преступления заключается в том, что должностное лицо получает заведомо незаконное вознаграждение за свое служебное поведение в связи с занимаемой им должностью, что и было установлено по настоящему делу. То есть пребывание С. в должности начальника отдела полиции в период получения им денежного вознаграждения за свои незаконные действия (бездействие) относится к субъекту преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Однако при постановлении приговора в отношении С. по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ судом было назначено наказание с учетом отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «о» ч. 1 ст. 63 УК, что ухудшает положение осужденного. Учитывая изложенное, Судебная коллегия изменила приговор и исключила из его описательно-мотивировочной части указание на отягчающее наказание обстоятельство применительно к п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел[7].

В Определении N 20-УД15-1 констатирована судебная ошибка двойного применения такого отягчающего обстоятельства, как «совершение преступления организованной группой». Так, Р. (ранее судимый) осужден по ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, то есть за покушение на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, организованной группой. Решая вопрос о наказании, суд сослался как на отягчающие обстоятельства на то, что Р. вину не признал и преступление совершил в составе организованной группы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации исключила из приговора указание на совершение Р. преступления организованной группой и непризнание им своей вины как на обстоятельства, отягчающие наказание[8].

Таким образом, несмотря на прямой запрет двойного применения отягчающих обстоятельств, установленных в ст. 63 УК РФ в судебной практике все таким встречаются случаи ошибочного применения уголовного закона. Одной из причин такого непонимания. По нашему мнению, является наличие одного схожего правового положения в различных нормах действующего УК РФ, что не совсем способствует единообразному применению уголовно-правовых положений. Определенное дублирование уголовно-правовых норм со стороны законодателя подвергается конструктивной критике, например, применительно к выделению специальных видов мошенничества[4].

Не случайно, этой проблеме особое внимание уделено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в п. 32 приведены в

качестве примеров четыре варианта, при которых нельзя применять в качестве отягчающих отдельных обстоятельств, указанных в ст. 673 УК РФ:

1) «в случае совершения преступления против половой неприкосновенности потерпевших, не достигших четырнадцатилетнего возраста, квалифицированного по ч. 5 ст. 131 УК РФ или по ч. 5 ст. 132 УК РФ, лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, суд не вправе учитывать такую судимость в качестве отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ»;

2) «в случае посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, квалифицированного по ст. 317 УК РФ, суд не вправе учитывать наступление тяжких последствий в результате совершения преступления (смерть потерпевшего) в качестве отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ»;

3) «в случае умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего с использованием взрывчатых веществ, квалифицированного по п. «в» ч. 2 ст. 111 УК РФ по признаку совершения преступления общеопасным способом, суд не вправе учитывать указанный способ также в качестве отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ»;

4) в случае совершения сотрудником органа внутренних дел преступления с использованием своего служебного положения (например, преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160, ст. 286 УК РФ) суд не вправе учитывать данные, характеризующие субъект преступления, в качестве отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ»[10].

Установление судом отягчающего обстоятельства или квалифицирующего признака не может являться препятствием для смягчения уголовно-правового воздействия при решении вопросов о назначении уголовного наказания, например, в решении вопроса о применении положений ч. 6 ст. 15 УК РФ[3]. Об этом указано в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 N 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»: «если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве признака состава преступления, в том числе квалифицированного состава преступления, то такое обстоятельство по смыслу ч. 2 ст. 63 УК РФ не препятствует применению судом положений ч. 6 ст. 15 УК РФ»[9].

Помимо закрытого перечня отягчающих обстоятельств в ст. 63 УК РФ отдельные статьи Особенной части содержат в качестве квалифицирующих признаков и иные обстоятельства.

Так, например, Ж.В.Тришина также считает особую жестокость родовым понятием по отношению к мучениям, истязаниям, пыткам (которые характеризуют степень ее социальной опасности), но с учетом значений

данных понятий допускает возможность их самостоятельного использования[11].

А по справедливому мнению А.Г.Меньшиковой такие сходные уголовно-правовые понятия как «особая жестокость», «издевательство», «мучения» «законодатель употребляет не только в качестве квалифицирующего признака, но и как одно из обстоятельств, отягчающих наказание (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ), то такой вариант может приниматься во внимание при совершении фактически любого преступления. Подход правоприменителя в части разъяснения проблем следственно-судебной практики не по вопросам применения тех или иных составов преступлений, а по предметной их составляющей будет способствовать единообразной интерпретации особой жестокости, включая вопросы ее соотношения со смежными категориями»[5].

Л.А. Андреева и П.Ю. Константинов утверждают, что понятие «особая жестокость» является более емким по отношению к понятиям «садизм», «издевательство», «мучения», «пытки», «страдания», «истязания» и включает их в себя. Соответственно, особую жестокость, мучения и издевательства авторы не разграничивают и полагают, что выделение на законодательном уровне из признака особой жестокости признаков мучения или издевательств излишне[1].

В отдельных публикациях предлагается расширить перечень отягчающих наказания обстоятельств в ч. 1 ст. 63 УК РФ. Так, например В.Н. Винокуров приводит аргументы дополнения такого перечня обстоятельством «совершение преступления в отношении двух и более потерпевших»[2].

Указание на дефиниции квалифицирующего признака в отдельных случаях имеется применительно к примечаниям статей УК РФ, так, например в п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ совершения истязания с применением пытки повышает степень общественной опасности. Понятие «пытка» дано в примечании к этой статье: «причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях».

Включая тот или иной квалифицирующий признак в содержание объективной стороны преступления отдельного состава преступления, законодатель отмечает повышение степени общественной опасности преступления. Это следует из местонахождения такого признака в квалифицированных составах, его отдельных частях, как правило – ч.2, 3 и т.д. При этом, включая квалифицирующий признак в ту или иную часть статьи Особенной части, законодатель, определяет повышение степени общественной опасности с соответствующим усилением уголовно-правовой санкции.

Список литературы

1. Андреева Л.А., Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. – СПб., 2002. – С. 28.

2. Винокуров В.Н. Причинение вреда двум и более потерпевшим как основание ужесточения наказания и формы его закрепления в Уголовном кодексе РФ // Современное право. – 2017. – N 4. – С. 98-103.

3. Епихин А.Ю. Расширение полномочий суда на понижение категории преступления: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 1 (19). – С. 105-108.

4. Епихин А.Ю. Уголовно-правовые аспекты дополнения уголовного закона специальными видами мошенничества // Современное право. – 2013. – № 10. – С. 134-137.

5. Меньшикова А.Г. Соотношение понятий «особая жестокость», «издевательство» и «мучения» применительно к п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ // Российский юридический журнал. – 2014. – N 4. – С. 65-70.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) // СПС Консультант Плюс.

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018) // Социальный мир. – 2015. – N 3. – 2015.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) (ред. от 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – N 9.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 N 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – N 106с. – 2018.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. – N 295. – 2015.

11. Тришина Ж.В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – С. 56-57.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА КАК СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРИЗНАКОВ

Хазиева Р.Р.
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права
Уфимского юридического института МВД России

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные проблемы квалификации действий должностного лица как субъекта преступления в точки зрения признаков, указанных в примечании к ст. 285 УК РФ.

Ключевые слова: *депутат, органы местного самоуправления, субъект преступления, должностное лицо, квалификация, независимость, статус.*

BASIC PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ACTIONS OF A OFFICIAL AS A SUBJECT OF CRIME AT THE POINT OF VIEW OF SIGNS

Khaziev R.R.
PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Constitutional Law
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. This article discusses the main problems of qualifying the actions of an official as the subject of a crime in terms of the signs indicated in the footnote to Art. 285 of the Criminal Code.

Key words: *deputy, local authorities, the subject of the crime, executive, qualification, independence, status.*

Глава 30 УК РФ содержит перечень составов преступления, в которых законодатель выделил специальные признаки субъекта преступления – должностное лицо. Понятие и признаки должностного лица закреплены в примечании к ст. 285 УК РФ. Исследование проблем уголовной ответственности должностных лиц с позиций их уголовно-правовой квалификации в достаточной степени отражено в различных комментариях к УК РФ[3], оно представляется актуальным и в связи с противодействием коррупционным проявлениям в сфере государственной службы и управления[7].

Депутат, будучи выборным должностным лицом представительного органа местного самоуправления, предпринимающим в соответствии со своими функциями определенные действия, которые могут повлечь за собой не только позитивные, но и негативные последствия, должен быть поставлен в условия, которые бы минимизировали возможность нарушения интересов населения, физических лиц, то есть влекли ответственность за нарушение этих интересов. К сожалению, сегодня вопрос ответственности депутата представительного органа местного самоуправления не имеет достаточной нормативно-правовой базы ни на одном уровне власти. Механизм применения мер ответственности имеет размытый, неопределенный характер[13].

Организация деятельности депутата должна иметь важные гарантии ее неприкосновенности, которые устанавливаются законодательством Российской Федерации. Вместе с тем, действующее уголовное законодательство устанавливает уголовно-правовые запреты в отношении поведения указанного субъекта, в случае совершения им должностного

преступления. В этой связи, представляет определенный интерес исследование признаков специального субъекта – должностного лица применительно к депутату органа местного самоуправления.

В ст. 2 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" перечислены три определения: 1) «депутат - член представительного органа поселения, муниципального района…», 2) должностное лицо местного самоуправления - выборное либо заключившее контракт (трудовой договор) лицо, наделенное исполнительно-распорядительными полномочиями по решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления; 3) выборное должностное лицо местного самоуправления – должностное лицо местного самоуправления, избираемое на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании на муниципальных выборах, либо представительным органом муниципального образования из своего состава, либо представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, либо на сходе граждан, осуществляющем полномочия представительного органа муниципального образования, и наделенное собственными полномочиями по решению вопросов местного значения[12].

Обратим внимание на указание выполнения должностным лицом местного самоуправления «исполнительно-распорядительных полномочий», что не соответствует привычному с точки зрения уголовного закона термину «организационно-управленческие полномочия». Специальные признаки должностного лица как субъекта преступления установлены в п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ: выполнение функций представителя власти, организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей. При этом, легальное разъяснение представителя власти дано в другой уголовно-правовой норме. Так, согласно Примечанию к ст. 318 УК РФ в уголовно-правовом смысле представителем власти «признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости». То есть важным критерием в этом определении является отсутствие служебной зависимости и обязательность выполнения распоряжений в отношении иных лиц.

Отметим, что в главе 23 УК РФ в примечании к ст.201 дано понятие лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. Это лицо «выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях». Как видно, при сопоставлении признаков состава

преступления в примечании к ст. 201 УК РФ и к ст. 285 УК РФ имеется сходство одних и тех же признаков: выполнение лицом организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций.

Собственно к статусу депутата органа местного самоуправления больше относится первый признак – наличие функций представителя власти. Вместе с тем, он может выполнять и иные должностные полномочия при осуществлении своих обязанностей.

Обратим внимание на то, что современное российское уголовно-процессуальное законодательство устанавливает определенные процессуальные гарантии независимости депутатской деятельности и особые процедуры при возбуждении производства по уголовному делу, установленные в ст. 448 УПК РФ. В частности, такие гарантии установлены в п. 11 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, в которой установлено, что в отношении депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица органа местного самоуправления уголовное дело возбуждается руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации.

Доказывание специальных признаков субъекта должностного преступления неоднократно отмечалось в рекомендациях высшей судебной инстанции. Так, например, в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» обращено внимание судов к тому, что «при рассмотрении уголовных дел о злоупотреблении должностными полномочиями (ст.285 УК РФ) и о превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) необходимо устанавливать, является ли подсудимый субъектом указанных преступлений – должностным лицом. При этом следует исходить из того, что в соответствии с п.1 примечания к ст.285 УК РФ должностными признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации»[8].

В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» отмечено, что «к лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием к ст. 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами»[10]. В данном случае Пленум разграничивает должностных лиц и лиц, не являющихся должностными, но использующих свое служебное положение для совершения преступления.

В п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» судам рекомендовано квалифицировать под лицами, использующими свое служебное положение при совершении квалифицированного мошенничества, присвоения или растраты, должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ[11].

В данном случае следует иметь в виду использование своего служебного положения при совершении того или иного «недолжностного» преступления и совершение должностного преступления, включенного в группу статей главы 30 УК РФ. Правила квалификации устанавливают запрет вменения должностного преступления, например, ст. 285 УК РФ в случае, если признак должностного лица, положения уже включен в содержание объективной стороны «недолжностного» преступления. То есть квалификации по совокупности преступлений с должностным составов главы 30 УК РФ в подобных случаях не требуется.

Об этом, в частности, указано в п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Так Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что «к лицам, использующим свое служебное положение при совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 256, ч.2 ст. 258 и п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ, относятся должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными п. 1 примечаний к статье 285 УК РФ» [6].

Отметим, что положения примечания к ст. 285 УК РФ были предметом рассмотрения Конституционным Судом, который не определил несоответствие норм УК РФ действующим конституционным положениям [6].

Кроме того, в отношении должностного лица установлена административная ответственность в ст. 2.4 Кодекса РФ «Об административных правонарушениях»[2].

В литературе вопрос о том, может ли депутат местного органа самоуправления являться должностным лицом или нет является дискуссионным. Так, например, по мнению Е.С.Шугриной «понятие должностного лица, данное в примечании к ст. 285 УК РФ, не может относиться к депутатам муниципального уровня; депутат не вправе решить ни один вопрос единолично, а только в составе коллегиального органа. Депутата представительного органа местного самоуправления невозможно отнести к должностным лицам в значении, придаваемом этому понятию УК РФ»[14].

Вместе с тем, Ю.В. Митягин приводит пример из судебной практики привлечения этого лица как должностного. Так, решением Зубово-Полянского районного суда Республики Мордовия было установлено, что Я.с 1998 г. состоит в должности главы Уметского городского поселения Зубово-Полянского района. В сентябре 2004 г. по распоряжению Я. было заключено

трудовое соглашение с Н. на проведение работ по замене электропроводки, выключателей, розеток и люстр в детском саду N 2 Уметского городского поселения. Работа Н. была выполнена, ему выплатили денежное вознаграждение. Однако у Я. возник преступный умысел, направленный на присвоение денежных средств из кассы администрации, она дала устное поручение кассиру администрации составить два фиктивных трудовых соглашения на выполнение работ, аналогичных указанным. Кассир, находясь в служебной зависимости от главы поселения, не зная о преступном умысле последней, выполнила ее требование. Денежными средствами Я. воспользовалась по собственному усмотрению, реализовав свой корыстный умысел. Преступными действиями Я. причинила администрации Уметского городского поселения материальный ущерб. С учетом тяжести совершенного преступления, того, что преступление подсудимой Я. было совершено в тот момент, когда она занимала должность главы, и в силу Устава Уметского городского поселения суд посчитал необходимым назначить Я. отбывание наказания в исправительной колонии общего режима. Из судебного решения видно, что вывод суда был обоснован не только тем, что действия Я. находились в причинной связи с нанесенным ущербом, но и ее статусом в качестве должностного лица органа местного самоуправления на момент вынесения решения[4].

Таким образом, ответственность депутата органа местного самоуправления как субъекта преступления вызывает определенные сложности в науке и судебной практике. Такое состояние вызвано межотраслевыми противоречиями, наличием дисциплинарной, административной и уголовной ответственности в отношении должностного лица, а так же определенными гарантиями независимости его деятельности и выполняемыми функциями[15].

Список литературы

1. Епихин А.Ю. Сделка с правосудием как средство противодействия коррупции в системе антикоррупционных мер // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4 (12). – С. 52-56.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 1 (ч. 1). – ст. 1.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Воробьев В.В., Головлев Ю.В., Демидов В.Н., Епихин А.Ю., Зимин В.П., Изосимов С.В., Козлов А.В., Колосова В.И., Красиков А.Н., Кругликов Л.Л., Кручинина Н.В., Лобанова Л.В., Лопашенко Н.А., Малков В.П., Маляева Е.О., Мурзаков С.И., Рогожкин А.Н., Сверчков В.В., Тихонова С.С., Томин В.Т. и др. под редакцией В.Т. Томина, В.В. Сверчкова / Москва, 2011. Сер. Профессиональные комментарии (7-е издание, переработанное и дополненное) и др.

4. Митягин Ю.В. Неприкосновенность депутатов, выборных должностных лиц органов местного самоуправления // Российский юридический журнал. – 2010. – N 2. – С. 32-38.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 01.04.1996 N 9-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Александра Владимировича как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 N 885-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вихорева Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями примечаний к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с частью 1 статьи 2 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

7. Пархоменко С.В., Седых Д.А. Мировоззренческие основы противодействия коррупции // Российская юстиция. – 2018. – N 10. – С. 26-29.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. – N 207. – 2009.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. – N 251. – 2012.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. – N 142. – 2011.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. – N 280. – 2017.

12. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – N 40. – ст. 3822.

13. Хазиева Р.Р. Правовой статус депутата органа местного самоуправления: дисс. … канд.юрид.наук. – Москва, 2012. – С. 119.

14. Шугрина Е.С. Особенности уголовной и административной ответственности депутата представительного органа муниципального образования: взгляд с позиции конституционного и муниципального права // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – N 10. – С. 2204-2211.

15. Алексеев С.Л. Криминология: методические рекомендации для преподавателей по организации изучения дисциплины/С.Л.Алексеев, Р.Р.Салимзянова. -Казань: ООО РПП "Ассоль", 2013.-144 с.

ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ПЕНСИОННЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ГРАЖДАН, ВИДОВ СПОРОВ И ИХ ПОДСУДНОСТИ

Шакирзянова А.А.
старший преподаватель отделения права
и организации социального обеспечения
АНО ВО «Академия социального образования»

Саляхов Д.Д.
лабарант криминалистической лабаратории
АНО ВО «Академия социального образования»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся рассмотрения судами споров, связанных с пенсионным обеспечением граждан, видов споров и их подсудности.

Ключевые слова: *пенсия, пенсионное обеспечение, суд, судебный спор, иск.*

MATTERS CONCERNING THE CONSIDERATION BY THE COURTS OF DISPUTES RELATING TO THE PENSION SUPPORT OF CITIZENS, TYPES OF DISPUTES AND THEIR JURISDICTION

Shakirzyanova A.A.
Senior Lecturer
and social security organizations
ANO VO "Academy of Social Education"

Salyakhov D.D.
forensic laboratory assistant
ANO VO "Academy of Social Education"

Abstract. This article deals with the judicial disputes connected with pension provision of citizens in the Russian Federation, types of dispute and their jurisdiction.

Key words: *pension, pension provision, court, judicial disputes, claim.*

Порядок реализации и основания возникновения прав граждан Российской Федерации на страховые пенсии регулируются в первую очередь основным законом в сфере пенсионного обеспечения – Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». Целью

настоящего закона является защита прав граждан РФ на страховую пенсию, предоставляемую на основе обязательного пенсионного страхования с учетом социальной значимости трудовой и (или) иной общественно-полезной деятельности граждан в правовом государстве с социально ориентированной рыночной экономикой и, в результате которой создается материальная основа для пенсионного обеспечения, особого значения страховой пенсии для поддержания материальной обеспеченности и удовлетворенности основных жизненных потребностей пенсионеров, субсидиарной ответственности государства за пенсионное обеспечение, а так же иных конституционно значимых принципов пенсионного обеспечения.

Право на пенсионное обеспечение нередко становится объектом различных нарушений со стороны органов, призванных его обеспечивать. В связи с этим, деятельность судебных органов по рассмотрению споров, связанных с пенсионным обеспечением, становится наиболее эффективным способом восстановления и защиты нарушенных прав.

Практика показывает, что часто граждане, чьи пенсионные права нарушены, предъявляют в суд следующие требования:

– изменении условий или расторжении договора с негосударственным пенсионным фондом;

– выплате суммы недополученной пенсии;

– включении в стаж периода пребывания в отпуске по уходу за ребенком при назначении досрочной страховой пенсии по старости;

– назначении досрочной страховой пенсии по старости в связи с педагогической деятельностью директоров и заведующих, с учетом и тех периодов работы, когда уже действовали новые списки профессий и должностей, не предусматривавшие работу по указанным должностям как педагогическую;

– обжаловании отказа пенсионного органа включить в специальный стаж (стаж педагогической, лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения, а также творческой деятельности) отдельные периоды работы;

– установлении или отказе в установлении пенсии;

– выплате пенсии;

– удержаниях из пенсии;

– праве лица на досрочное назначение страховой пенсии по старости;

– включении лицу в стаж работы по специальности периода нахождения в отпуске по уходу за ребенком при досрочном назначении пенсии по старости;

– неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств Пенсионным фондом РФ;

– признании права наследника на получение пенсии умершего лица;

– признании недействительными полностью или в части актов, решений органов Пенсионного фонда РФ, не соответствующих законам и иным правовым актам и нарушающих права и законные интересы лица;

– обжаловании действий или бездействия органов Пенсионного фонда РФ, нарушающих права и законные интересы предпринимателя;

– признании не подлежащим исполнению исполнительного или иного документа, по которому в бесспорном порядке производится удержание из пенсионных выплат;

– установлении фактов, имеющих значение для возникновения, прекращения или изменения пенсионных прав и другие.

В целях обеспечения единства судебной практики Пленум Верховного суда РФ в Постановлении от 11 декабря 2012 года № 30 дал разъяснения «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии»[3], в данном Постановлении подробно освящены вопросы, касающиеся рассмотрения дел, связанных с пенсионным обеспечением.

Дела по спорам об установлении или отказе в установлении страховой пенсии, о выплате указанной пенсии, об удержаниях из этой пенсии и о взыскании излишне выплаченных сумм такой пенсии, а также по иным спорам, связанным с назначением и выплатой страховых пенсий, подведомственны судам общей юрисдикции.

При разрешении вопроса о подсудности спора, связанного с реализацией гражданином права на трудовую пенсию, следует руководствоваться общими правилами, установленными статьями 23 и 24 ГПК РФ[1]:

Дела по имущественным спорам при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей на день подачи заявления (например, в случае предъявления иска о взыскании назначенной, но не выплаченной трудовой пенсии, о взыскании излишне выплаченных сумм пенсии), в соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 23 ГПК РФ подсудны мировому судье.

Дела по искам, не подлежащим оценке (например, дела по спорам, возникающим в связи с отказом в установлении трудовой пенсии, о восстановлении срока на обращение в соответствующий орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, за выплатой средств, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета умершего застрахованного лица), в силу статьи 24 ГПК РФ подсудны районному суду.

В случае объединения связанных между собой требований, не подлежащих оценке, и требований имущественного характера, подлежащих оценке (например, требований о признании права на назначение пенсии по старости ранее общеустановленного законом возраста (60 лет для мужчин или 55 лет для женщин), и о взыскании пенсии, не полученной в связи с необоснованным отказом в ее назначении), дело подсудно районному суду.

Иски по делам, связанным с реализацией гражданами права на трудовую пенсию, предъявляются по общему правилу территориальной подсудности – по месту нахождения ответчика (соответствующего органа, осуществляющего пенсионное обеспечение, отказавшего в назначении пенсии или выплачивающего пенсию).

Суды должны четко и ясно излагать резолютивную часть решения, с тем чтобы оно не вызывало вопросов при его исполнении. С этой целью в резолютивной части решения, которым требования истца удовлетворены, должно быть, в частности, указано, какие требования подлежат удовлетворению и какая обязанность возлагается на ответчика для восстановления нарушенного права истца (например, о возложении обязанности на ответчика включить определенный период работы истца в специальный стаж, дающий право на досрочное назначение истцу пенсии по старости, о взыскании с ответчика недоплаченной суммы пенсии), а также указано, с какого времени ответчик обязан назначить истцу пенсию, если суд придет к выводу, что орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, необоснованно отказал истцу в назначении пенсии[4].

Необходимо иметь в виду, что, если истец в установленном законом порядке обращался в орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, за назначением пенсии, однако в этом ему было необоснованно отказано, суд вправе обязать орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, назначить истцу пенсию со дня обращения с заявлением в такой орган либо с более раннего срока, если это установлено Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»[2].

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 46. – ст. 4532.

2. Федеральный закон от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – N 52 (часть I). – ст. 6965.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 N 30 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – N 2. – 2013.

4. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.supcourt.ru.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Шакирзянова А.А.
старший преподаватель отделения права
и организации социального обеспечения
АНО ВО «Академия социального образования»
Саляхов Д.Д.
лабарант криминалистической лабаратории
АНО ВО «Академия социального образования»

Аннотация. В статье исследованы некоторые вопросы применения института реабилитации в уголовном судопроизводстве. Рассмотрены основания для реабилитации лица. Затронуты проблемы определения размера компенсации вреда при реабилитации, в том числе с позиции гражданского законодательства. Также подверглись анализу вопросы возврата реабилитированным лицам конфискованного имущества.

Ключевые слова: *реабилитация в уголовном процессе, основания для реабилитации лица в уголовном процессе, возврат конфискованного имущества, компенсация вреда реабилитированным лицам.*

SOME ISSUES OF APPLICATION OF THE INSTITUTE OF REHABILITATION IN CRIMINAL COURT PROCEEDINGS

Shakirzyanova A.A.
Senior Lecturer
and social security organizations
ANO VO "Academy of Social Education"

Salyakhov D.D.
forensic laboratory assistant
ANO VO "Academy of Social Education"

Abstract. The article examines some of the issues of application of rehabilitation Institute in criminal proceedings. Considered grounds for the rehabilitation of the person. The problems of determining the amount of compensation for damage in rehabilitation, including from the perspective of civil law. Also subjected to analysis questions the return of confiscated property to rehabilitated persons.

Key words: *rehabilitation in the criminal proceedings, the grounds for the rehabilitation of person in criminal proceedings, the return of confiscated property, damage compensation to rehabilitated persons.*

Реабилитация – важнейший институт уголовного процесса, предполагающий возмещение имущественного и морального вреда, а также восстановление различных прав лица, которого необоснованно подвергли уголовному преследованию или к которому были необоснованно применены меры уголовно-процессуального принуждения. Значимость реабилитации сложно переоценить: лицо, которого подвергли незаконному преследованию, получает реальную возможность восстановить свое доброе имя в глазах окружающих и получить компенсацию.

Статьей 8 Всеобщей декларации прав человека установлено: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом»[1]. Статья 53 Конституции РФ детализирует это право и гарантирует каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Советское законодательство не уделяло особого внимания освещению вопросов, связанных с реабилитацией, чаще полностью устраняясь от этой проблемы. Отметим, что «краеугольность» данной темы заключалась и, впрочем, заключается сегодня в необходимости признать ошибку, которую совершило государство (в лице своих должностных лиц и правоохранительных органов). А извиняться и признавать вину, наверное, всегда сложнее, чем обвинять. Именно поэтому в ранее действовавшем УПК 1960 г. ст. 58.1 «Обязанность органа дознания, следователя, прокурора и суда по принятию мер к возмещению ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями» появилась лишь к 1983 г. В действующем УПК РФ вопросы реабилитации в уголовном судопроизводстве закреплены в гл. 18, включающей семь статей (ст. 133-139 УПК РФ).

Основополагающим в реабилитации в уголовном процессе является перечень лиц, которые имеют право на реабилитацию. Данный перечень носит исчерпывающий характер. Правом на реабилитацию обладают следующие лица:

1) подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, т.е. приговор, выносимый судом в случаях, если не установлено событие преступления, подсудимый непричастен к совершению преступления, в деянии подсудимого отсутствует состав преступления или в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт;

2) подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. Такое право предоставлено государственному обвинителю в силу ч. 7 ст. 246 УПК РФ: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа»;

3) подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, которые принято называть в науке и практике реабилитирующими, т.е. в связи с отсутствием события преступления; отсутствием в деянии состава преступления; отсутствием заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению; отсутствием заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 1, 3 - 5, 9

и 10 ч. 1 ст. 448, либо отсутствием согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, обладающих неприкосновенностью.

Также подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено, согласно ст. 27 УПК РФ, в связи с непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления; при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению; при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела; при отказе Государственной Думы Федерального Собрания РФ в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказе Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица;

4) осужденный – в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям непричастности к совершению преступления, а также при наличии оснований для прекращения уголовного дела, указанных в ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Несмотря на то что данная часть содержит несколько оснований, фактически применимы только два: отсутствие события преступления; отсутствие в деянии состава преступления;

5) лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, в случае отмены постановления суда о применении данных мер как незаконных или необоснованных.

Не относятся к основаниям, дающим право на реабилитацию, издание акта амнистии, истечение сроков давности, недостижение возраста уголовной ответственности, принятие закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния (декриминализующего), а также случай признания несовершеннолетнего, хотя и достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не способным в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий. Исходя из вышесказанного случай возмещения вреда лицу, причиненного после декриминализация деяния, в отличие от ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства, в УПК РФ отдельно не регламентируется.

Право на реабилитацию должно быть установлено судом в приговоре, определении или постановлении, а следователем, дознавателем – только в постановлении. Данные процессуальные документы по смыслу ч. 1 ст. 134 УПК РФ должны содержать конкретное указание на возникновение права на реабилитацию. Одновременно реабилитируемому должно быть направлено извещение с разъяснением порядка возмещения вреда.

Особых требований к данному извещению уголовно-процессуальный закон не предъявляет, но, очевидно, речь идет об общем разъяснении права обратиться в суд за защитой своих имущественных и личных неимущественных прав.

Известно, что это обращение происходит в порядке искового производства. К исковому заявлению должны быть приложены, помимо документов, указанных в ст. 131 ГПК РФ, документы, подтверждающие возникновение у лица права на реабилитацию и возмещение вреда.

Значение при рассмотрении гражданского дела по иску реабилитированного имеет то обстоятельство, что вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством независимо от вины органа дознания, дознавателя или суда.

Считаем необходимым отметить, что случаи причинения вреда в результате оперативно-розыскной деятельности под действие института реабилитации не подпадают. Это объясняется, прежде всего, тем, что оперативно-розыскная деятельность не является уголовно-процессуальной, поэтому возмещение такого вреда должно проходить по общим основаниям, изложенным в Гражданском кодексе РФ.

Согласно ч. 1 ст. 133 УПК РФ вред, причиненный лицу в результате уголовного преследования или применения мер уголовно-процессуального принуждения, должен возмещаться в полном объеме.

В названных документах довольно подробно регламентируется методика подсчета ущерба в части, не противоречащей действующему законодательству.

Фактически речь идет о трех основных направлениях возмещения вреда: 1) возмещении имущественного вреда; 2) компенсации морального вреда; 3) восстановлении в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Начнем с первого. Известно, что по ст. 1082 ГК РФ возмещение имущественного вреда состоит в возмещении вреда в натуре (предоставлении вещи того же рода и качества, исправлении поврежденной вещи) или в возмещении убытков. Требуется обратиться к гражданскому законодательству для раскрытия понятия "убытки". В соответствии со ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются: 1) расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права; 2) реальный ущерб, т.е. утрата или повреждение имущества; 3) упущенная выгода.

До сих пор в части, не противоречащей действующему законодательству, применяется Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, N 4892-X, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г., а также Инструкция о порядке применения данного Положения, утвержденная

Минюстом СССР, Прокуратурой СССР и Минфином СССР по согласованию с Верховным Судом СССР, МВД СССР и КГБ СССР 2 марта 1982 г.

Заявить о возмещении имущественного вреда может лицо, подвергшееся реабилитации, а также его законный представитель (ч. 3 ст. 135 УПК РФ).

Компенсация реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение:

1) заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования;

2) конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда его имущества;

3) штрафов и процессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда;

4) сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи;

5) иных расходов.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 135 УПК РФ реабилитированный подлежит возмещению заработной платы, пенсии, пособий и других выплат, которых он лишился в результате уголовного преследования. При исчислении утраченного лицом заработка суд должен исходить из среднего заработка по области с учетом уровня инфляции[2]

Важное с практической точки зрения обстоятельство: согласно ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

В соответствии со ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, от имени казны выступает соответствующий финансовый орган, если в соответствии с п. 3 ст. 125 ГК РФ эта обязанность не возложена на другой орган.

Согласно ч. 1 ст. 242.2 Бюджетного кодекса РФ обязанность по исполнению судебных актов по искам о возмещении вреда, причиненного действиями государственных органов Российской Федерации или их должностных лиц, возложена на Министерство финансов России.

В суде от имени Министерства финансов России по специальному поручению могут выступать государственные органы, органы местного самоуправления, а также юридические лица и граждане (п. 3 ст. 125 ГК РФ).

Таким образом, из содержания указанных законодательных норм следует, что надлежащим ответчиком реабилитируемого лица о возмещении вреда, причиненного ему незаконным привлечением к уголовной ответственности, является Министерство финансов России, а не Генеральная прокуратура РФ.

Размер подлежащей выплате денежной суммы, состоящей из не полученной им заработной платы с учетом ежемесячного уровня инфляции за время содержания его под стражей, определен судом в соответствии с положениями ст. 135 УПК РФ, Инструкцией, утвержденной 2 марта 1982 г. Минюстом СССР, Прокуратурой СССР и Минфином СССР.

В случае возврата конфискованного конфискованные вещи возвращаются в натуре, а денежные средства – в размере конфискованной суммы (с учетом инфляции). Сложнее обстоит дело с конфискованными вещами и предметами, которые были реализованы. То же касается вещественных доказательств, которые были обращены в доход государства или уничтожены. В таком случае возмещение ущерба в гражданском судопроизводстве должно определяться судом индивидуально. С практической точки зрения не исключена возможность определения ущерба судом самостоятельно либо с помощью назначения оценочной экспертизы.

Сложностей с возвратом реабилитированному штрафов и процессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда, на практике не возникает. Но суммы, выплаченные им за оказание юридической помощи, требуют письменного подтверждения. Истец обязан представить квитанции и чеки об оплате услуг по оказанию юридической помощи. Каких-либо требований «разумности» расходов на юридическую помощь уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает, в отличие от гражданского процессуального законодательства.

Согласно ст. 135 УПК РФ реабилитированному возмещается имущественный вред, причиненный в результате уголовного преследования, в том числе и расходы на восстановление нарушенных прав, понесенные им после вынесения оправдательного приговора[3].

На требования реабилитированных лиц, обратившихся за возмещением вреда в порядке гражданского судопроизводства, распространяется течение сроков исковой давности, установленных ГК Российской Федерации: со дня получения копии документов, указанных в части первой ст. 134 УПК РФ, и извещения о порядке возмещения вреда.

Согласно п. 10 упоминавшейся Инструкции, утвержденной 2 марта 1982 г. Минюстом СССР, Прокуратурой СССР и Минфином СССР, срок обращения в суд по ряду возмещений был ограничен до шести месяцев. Однако решением Верховного Суда РФ от 5 апреля 2004 г. N ГКПИ03-1383 положения Инструкции, сокращающие срок обращения за компенсацией вреда реабилитируемому до шести месяцев, были признаны противоречащими действующему законодательству и не подлежащими возмещению[4].

Реабилитированный по своему усмотрению вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда: а) в суд, постановивший приговор, вынесший постановление, определение о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования; б) в суд по месту жительства реабилитированного; в) в суд по месту нахождения органа, вынесшего

постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования либо об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений. Но если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор.

Компенсация морального вреда происходит в порядке ст. 136 УПК РФ. Прокурор в обязательном порядке приносит официальное извинение за причиненный вред от имени государства.

Особое обстоятельство, когда сведения о задержании реабилитированного, заключении его под стражу, временном отстранении его от должности, применении к нему принудительных мер медицинского характера, об осуждении реабилитированного и иных примененных к нему незаконных действиях были опубликованы в печати, распространены по радио, телевидению или в иных средствах массовой информации. В таком случае по требованию реабилитированного (а в случае его смерти - его родственников) либо по письменному указанию суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя соответствующие средства массовой информации обязаны в течение 30 суток сделать сообщение о реабилитации. Как ни странно, разъяснений относительно размера и месторасположения в газете или времени трансляции «реабилитирующей» информации в СМИ закон не дает. На практике нередки случаи, когда информация об аресте и обвинениях находится, к примеру, на первой полосе печати, а информация о реабилитации - мелким шрифтом на последней.

По требованию реабилитированного, а в случае его смерти – родственников суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны в срок не позднее 14 суток направить письменные сообщения о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства.

Возвращаясь к вопросу о компенсации морального вреда, следует подчеркнуть, что, как известно, она «фиксированного» размера не имеет. Размер вреда зависит от степени и характера физических и нравственных страданий, которые претерпело лицо, подвергнутое незаконному уголовному преследованию. Таким образом, размер компенсации морального вреда есть категория оценочная, определяемая судом индивидуально в рамках гражданского судопроизводства[5].

Восстановление иных прав реабилитированного, например трудовых, пенсионных, жилищных, производится в порядке применения уголовно-процессуальных норм, связанных с исполнением приговора. Реабилитированным, которые были лишены на основании судебного решения специальных, воинских и почетных званий, классных чинов, а также государственных наград, восстанавливаются соответствующие звания, классные чины и возвращаются государственные награды.

Если требование о восстановлении иных прав судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Отдельная правовая норма уголовно-процессуального законодательства касается компенсации ущерба юридическим лицам, который возмещается в полном объеме и сроки, которые установлены гл. 18 УПК РФ.

Конечно, тема реабилитации в уголовном судопроизводстве требует дополнительных научных и практических разработок в связи с ее особой социальной значимостью[6].

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. // Рос. газета. – 1998. – 10 дек.

2. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 апр. 2009 г. N 36-О09-8 // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – N 3.

3. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 нояб. 2008 г. N 86-О08-24 // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – N 12.

4. Решение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.04.2004 N ГКПИ03-1383 // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – N 12.

5. Алексеев С.Л. Профилактика девиантного поведения молодежи: психолого-правовой аспект // Казанский педагогический журнал. 2012. № 3(93). С. 94-102.

6. Алексеев С.Л. Криминология и превентивно-педагогическая подготовка будущих офицеров / под ред. Ю.М. Кудрявцева. Казань: ИТЦ АСО, 2013. 186 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ

Шакирзянова А.А.
старший преподаватель отделения права
и организации социального обеспечения
АНО ВО «Академия социального образования»

Галимуллин Н.И.
Студент 4 курса гуманитарно-юридического факультета

уровня подготовки бакалавр
АНО ВО «Академия социального образования»
г. Казань

Аннотация. В статье исследуются проблемы правового регулирования различных аспектов института реабилитации лиц, пострадавших в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования. Кроме того освещена проблема возмещения реабилитированному сумм, выплаченных за оказание юридической помощи.

Ключевые слова: *реабилитация, уголовное преследование, оправдательный приговор, прекращение уголовного дела, имущественный вред.*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF VARIOUS ASPECTS OF THE INSTITUTE OF REHABILITATION OF PERSONS

Shakirzyanova A.A.
Senior Lecturer
and social security organizations
ANO VO "Academy of Social Education"

Galimullin N.I.
4th year student of the Faculty of Humanities and Law
Bachelor level
ANO VO "Academy of Social Education"
Kazan

Abstract. The article investigates the problems of legal regulation of various aspects of the institute rehabilitation of persons affected by the illegal or unjustified prosecutions. Also highlighted the issue of compensation rehabilitated amounts paid for legal assistance.

Key words: *rehabilitation, criminal prosecution, acquittal, termination of criminal proceedings, property damage.*

Практически во всех случаях работа должностных лиц органов уголовного преследования и судов связана с вмешательством в сферу личных интересов отдельных лиц, а нередко и связана с причинением вреда физическим и юридическим лицам. В результате деятельности правоохранительных органов и судов люди не редко оказываются потерпевшими от незаконного или необоснованного обвинения в совершении преступления. В таких случаях обязанность государства попытаться снизить вредные последствия таких обвинений, которые

зачастую носят тяжкий и особо тяжкий характер и восстановить их права всеми возможными законными способами.

В связи с этим проблема защиты граждан от нарушений требований закона дознавателями, следователями, прокурорами и судами и возмещения причиненного ими вреда в современных условиях является довольно актуальной и значимой.

Кроме того, если признание невиновным лица, подвергшегося уголовному преследованию (осуждению), возможно только в уголовно-процессуальном порядке в результате производства по уголовному делу, то вопрос о порядке возмещения такого вреда в юридической науке и практике остается спорным. Связано это с тем, что по сей день нет ясности в вопросе правовой природы данных правоотношений. Представители гражданского права отстаивают их гражданско-правовую природу, представители публичного права, напротив, считают их уголовно-процессуальными правоотношениями, а ряд ученых отстаивают их просто публично-правовую природу как особую публичную ответственность государства.

В соответствии со ст. 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Данным положением на самом высоком законодательном уровне закреплен общий принцип имущественной ответственности за вред, причиненный гражданам в результате незаконных действий органов государственной власти и их должностных лиц. В сфере уголовного судопроизводства данный принцип нашел свое развитие и конкретизацию в институте реабилитации лиц, незаконно или необоснованно привлеченных к уголовной ответственности.

Объективная потребность применения этого правового института и его значение колоссально возросли в период развития рыночных отношений в нашем обществе, в том числе и в отношениях власти и человека, власти и бизнеса[3].

Отсутствие единого подхода к природе ответственности государства в научной литературе негативно отразилось на современном законодательстве. В Гражданском кодексе РФ возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием, строится исключительно как гражданско-правовая деликтная ответственность государства. Вместе с тем в УПК РФ порядок определения размера вреда, как и порядок его возмещения, носит ярко выраженный публично-правовой характер.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего реабилитацию лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию, позволил выявить ряд противоречий и неточностей, которые не способствуют правильному и единообразному применению норм о возмещении вреда, а также

эффективной защите прав лиц, пострадавших от незаконного или необоснованного уголовного преследования.

Безусловно, осуществление реабилитации невиновного начинается процессуальным актом о реабилитации - вынесением оправдательного приговора или принятием постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по реабилитирующим основаниям. Заканчивается процесс реабилитации осуществлением мер, направленных на возмещение вреда, причиненного лицу незаконным или необоснованным уголовным преследованием, и восстановлением его в иных правах.

Вместе с тем составными частями института реабилитации являются две обособленные группы правовых норм, первая из которых определяет порядок и условия вынесения акта о реабилитации (оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по реабилитирующим основаниям), а вторая - порядок возмещения вреда и другие компенсационно-восстановительные меры, на которые он вправе рассчитывать на основании акта о реабилитации. Между тем вторая группа правовых норм, составляющая институт реабилитации, всецело опосредована интересом и волей реабилитированного, который может и не выдвигать компенсационных требований к государству.

Надзор за соблюдением конституционных прав граждан при осуществлении уголовного преследования всегда был и остается одним из приоритетнейших в деятельности прокуратуры. На это ориентируют как руководящие документы Генеральной прокуратуры РФ, так и львиная доля регулярно поступающих из Генеральной прокуратуры РФ Постановлений Европейского Суда по правам человека.

Следует отметить, что под квалифицированной юридической помощью, в свою очередь, понимается правовая помощь, осуществляемая специальным субъектом, подтвердившим свои знания и умения в этой области, что позволяет с большой долей вероятности гарантировать ее качественность.

В уголовном судопроизводстве основная роль по оказанию юридической помощи отводится защитнику, которым в соответствии с ч. 1 ст. 49 УПК РФ является лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Согласно ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Причем, как отмечает Х.Б. Шейнин, конституция недвусмысленно связывает оказание этой помощи с деятельностью адвоката профессионального юриста, получившего в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность

- квалифицированную юридическую помощь доверителям в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию[5].

Согласно ч. 1 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме, независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Между тем, в складывающейся судебной практике суды по разному применяют пункт уголовно-процессуального кодекса, связанный именно с выплатами сумм, выплаченных защитникам оправданных лиц. И все чаще это понимание трактуется не в пользу и без того лиц, пострадавших от нарушений их прав[6].

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи.

Казалось бы, ничего сложного, представьте в суд квитанцию или другой документ, которые бы подтверждали понесенные расходы за оказание юридической помощи и суд в свою очередь будет обязан взыскать эти сумму за счет казны Российской Федерации. Но не тут то было.

По буквальному смыслу п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ суммы, выплаченные за оказание юридической помощи, возмещаются только самому реабилитированному. Между тем на практике зачастую услуги защитника оплачивают иные лица - родственники, друзья подозреваемого, обвиняемого. При этом возникают спорные ситуации, связанные с порядком возмещения таких расходов[4].

Так, государственный обвинитель принес кассационное представление на постановление Санкт-Петербургского городского суда, которым оправданному П. возмещен имущественный вред, причиненный в результате уголовного преследования. По мнению государственного обвинителя, суд проигнорировал тот факт, что согласно приходным кассовым ордерам и квитанциям к ним оплата услуг защитника производилась не П., а из собственных средств его матери Н. Соглашение об оказании юридической помощи также было заключено с ней. Следовательно, только она имеет право требовать от государства возмещения расходов, понесенных на оплату юридической помощи П.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 18 февраля 2010 г. постановление суда оставила без изменения, указав следующее. Согласно ст. ст. 134 и 135 УПК РФ оправданный после признания

Пробелы в российском законодательстве его права на реабилитацию, связанного с уголовным преследованием, имеет право требовать возмещения сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи. Иные лица, понесшие расходы, таким правом не обладают. В соответствии с ч. 1 от. 50

УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по его поручению или с его согласия, т.е. закон не требует заключения соглашения с адвокатом непосредственно подозреваемым или обвиняемым.

К.И.А. приговором Верховного суда Республики Дагестан от 15 мая 2012 г. был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 от. 208 и ч. 2 от. 209 УК РФ за не установлением события преступления. Приговором суда было признано право К.И.А. на реабилитацию. Позже обратившись в Советский районный г. Махачкалы с ходатайством о возмещении имущественного вреда реабилитированному, а именно сумм, выплаченных за оказание юридической помощи, суд в удовлетворении ходатайства отказал, мотивируя это тем, что в соответствии с положениями действующего законодательства, регламентирующего реабилитацию в уголовном судопроизводстве, реабилитированный имеет право на возмещение причиненного вреда именно ему, и возмещению подлежат только те расходы, которые были понесены реально им самим, а не другим лицом. Как видно из постановления суда, заключала соглашение с защитниками мать К.И.А. в интересах последнего. Сам он не мог заключить соглашение и произвести оплату, так как был водворен в следственный изолятор.

Доводы К.И.А. о том, что он не имел реальной возможности лично оплатить гонорар адвокату на суды не возымели воздействия.

Такой же позиции придерживаются и ряд исследователей данной проблематики, полагающие, что «можно выделить следующие необходимые условия для возмещения имущественного вреда реабилитированному за понесенные им расходы в связи с оказанием ему юридической помощи адвокатом: расходы по оплате услуг адвоката должен понести именно реабилитированный, независимо от того, кем было заключено соглашение об оказании юридической помощи».

В соответствии со от. 135 УПК РФ возмещение реабилитированному лицу имущественного вреда включает в себя возмещение фактически любых расходов, понесенных им непосредственно в связи с осуществлением защиты от незаконного уголовного преследования и подтвержденных соответствующими документами.

Оставляя ходатайство К.И.А. без удовлетворения, в том числе и судья Верховного Суда РФ, исходил из того, что права, указанные п. 4 ч. 1 от. 135 УПК Российской Федерации распространяются на реабилитированного лишь в случае, если расходы на оказание юридической помощи понесены им самим, а не другими лицами. Дословно понимается так: подозреваемый, обвиняемый, не смотря на то, что он содержится под стражей, должен лично выплатить денежные средства своему защитнику.

При такой трактовке закона, фактически оказывается недействующим положение п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 02.04.2013) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» согласно которому, уголовно-процессуальным законом для реабилитированных установлен упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда, при рассмотрении требований реабилитированных о возмещении такого вреда суд в случае недостаточности данных, представленных реабилитированным в обоснование своих требований, оказывает ему содействие в собирании дополнительных доказательств, необходимых для разрешения заявленных им требований, а при необходимости и принимает меры к их собиранию.

По нашему мнению, принимая решения об отказе в выплате возмещения имущественного вреда, судами были допущены нарушения положений п. 4 ч. 1 от. 135 УПК Российской Федерации, а также прав, гарантированных К.И.А. статьей 53 Конституции РФ. Это на наш взгляд усматривается в том, что сложившаяся правоприменительная практика и смысл придаваемый положениям УПК судами, не позволяет судам рассмотреть по существу и удовлетворить ходатайство оправданного, в части компенсации ему государством, сумм выплаченных им (по его поручению) через близких родственников или иных доверенных лиц за оказанную юридическую помощь, а следовательно, препятствуют вынесению решения в точном соответствии с законом. Иначе как может человек, водворенный под стражу и по указанию которого были оплачен гонорар адвокату, компенсировать понесенные расходы? Это естественно, что соглашение физически заключается с близким лица, чьи интересы защитник намеревается представлять в последующем.

При таких обстоятельствах, нам будет сложно констатировать факт полного возмещения государством причиненного имущественного вреда реабилитированным.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 31. – ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – N 52 (ч. I). – ст. 4921.

3. Гуляев А.П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. – 2012. – № 5. – С. 46-48.

4. Дикарев И. Режим благоприятствования реабилитации в уголовном процессе // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 85-89.

5. Комментарий к ч. 1 от. 48 Конституции РФ // Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. Л.В. Лазарева. ООО «Новая правовая культура», 2007.

6. Корчагина Л.И. О некоторых аспектах содержания понятия «Реабилитация» в отечественном законодательстве и юридической литературе // Пробелы в российском законодательстве. – № 5. – 2013. – С. 271.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Шамигулов А.Р.
к.ист.наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права АНО ВО «Академия социального образования»
e-mail: von.aleks7@yandex.ru

Саляхов Д.Д.
лабарант криминалистической лабаратории АНО ВО «Академия социального образования»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы прокурорского надзора в сфере градостроительства в РФ. Перед прокуратурой и в деятельности прокурора стоит цель – обеспечить путем соответствующих полномочий сбалансированный учет экологических, экономических, социальных и иных факторов при осуществлении градостроительной деятельности и решения проблем, связанных с несовершенством градостроительного, земельного и иного законодательства.

Ключевые слова: *прокурор, надзор, градостроительство, законодательство, органы исполнительной власти.*

PROSECUTOR SUPERVISION IN THE SPHERE OF TOWN PLANNING LEGISLATION

Shamigulov A.R.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, ANO VO "Academy of Social Education"
e-mail: von.aleks7@yandex.ru

Abstract. The article examines the issues of prosecutor's supervision in the sphere of urban planning in the Russian Federation. The prosecutor's office and the activities of the prosecutor have a goal - to ensure, through appropriate powers, a balanced consideration of environmental, economic, social and other factors in the implementation of urban development and the problems associated with the imperfection of town-planning, land and other legislation.

Key words: *public prosecutor, supervision, town-planning, legislation, executive authorities.*

Федеральным законом от 17.02.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) установлено, что органы прокуратуры от имени Российской Федерации осуществляют надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

К основным направлениям надзорной деятельности Генеральным прокурором Российской Федерации отнесены – соблюдение прав и свобод человека и гражданина, надзор в сфере экономики и экологической безопасности, предупреждение преступных проявлений[1].

При осуществлении надзора за соблюдением законов в сфере градостроительной деятельности перед прокурором стоит цель обеспечить путем применения соответствующих полномочий сбалансированный учет экологических, экономических, социальных и иных факторов при осуществлении градостроительной деятельности[2].

Надзор за соблюдением градостроительного законодательства невозможно осуществлять в отсутствие надзора за соблюдением земельного законодательства. Он осуществляется в целях защиты общественных отношений, связанных с охраной земли, её использованием и распоряжением.

Полагаю, что надзор за исполнением законов в сфере землепользования и градостроительства – одни из наиболее сложных направлений деятельности городских и районных прокуроров. Это связано с тем, что рассматриваемая сфера правоотношений широка и многопланова и требует глубоких познаний, как в области земельного законодательства, так и в области гражданского, градостроительного законодательства, а также законодательства об охране окружающей среды и природопользовании и в иных смежных сферах правоотношений.

В качестве наиболее значимых вопросов организации прокурорского надзора в рассматриваемой сфере необходимо выделить законность издаваемых органами государственной власти и местного самоуправления правовых актов, реализация этими органами полномочий по осуществлению государственного строительного надзора, муниципального земельного контроля, соблюдение ими и иными собственниками и землепользователями участков требований законодательства при их использовании и распоряжении, исполнение требований природоохранного законодательства.

При осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере градостроительства и землепользования прокурор сталкивается с большим количеством проблем, связанных с несовершенством градостроительного, земельного и иного законодательства.

Глобальные процессы национализации и приватизации земли, включение земли в экономический оборот, введение платности

землепользования имели своим результатом не только позитивные результаты, но и негативные последствия. Неполнота и противоречивость правовой базы, недостатки государственного регулирования земельных отношений, последствием которых стала частая реорганизация органов государственного земельного контроля, повлекли за собой многочисленные нарушения градостроительного и земельного законодательства.

В своей деятельности территориальному прокурору нельзя забывать об установленной действующим законодательством обязанности объектов прокурорского надзора за исполнением законодательства о градостроительной деятельности по сохранению качества земель, недопущению сокращения площадей сельскохозяйственных угодий, избеганию создания угрозы загрязнения, захламления и деградации земель, последствиями чего является негативное изменение состояния окружающей среды.

Предметом прокурорского надзора за соблюдением градостроительного законодательства является исполнение федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления соблюдения Конституции Российской Федерации и действующих на территории Российской Федерации законов, уставов муниципальных образований, муниципальных правовых актов, регулирующих земельные градостроительные отношения.

Каждый из вышеуказанных органов наделен полномочиями в сфере градостроительной деятельности.

Наиболее важным направлением деятельности прокурора при осуществлении надзора за соблюдением градостроительного законодательства является надзор прокуратуры за соответствием принятых законов и иных нормативных правовых актов федеральному земельному, градостроительному, жилищному и антимонопольному законодательству [3].

В информационных письмах Генеральной прокуратуры от 13.10.2015, 13.09.2016 № 76/1–366–2015, говорится о важности принятия уполномоченными в рассматриваемой сфере органами перечней исчерпывающих процедур в сфере жилищного строительства и роли органов прокуратуры в указанной деятельности. Генеральной прокуратурой Российской Федерации проанализирована практика принесения протестов на незаконные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере градостроительства, внесения представлений об устранения нарушений федерального законодательства.

Так, массовый характер носит истребование у заявителей излишних документов, включая те, которые могут быть получены посредством межведомственного взаимодействия, что не предусмотрено федеральным законодательством и является недопустимым, нарушение сроков в сторону

увеличения получения разрешительной документации (разрешения на строительства, на ввод объекта в эксплуатацию).

Вышеуказанные нарушения существенно нарушают права и законные интересы неопределенного круга лиц, что определяет задачи, стоящие в рассматриваемой сфере надзорной деятельности прокуратуры. Однако решение указанных задач в настоящее время затруднено несовершенством действующего законодательства.

Согласно Закону о прокуратуре, органы прокуратуры не осуществляют надзор за исполнением законодательства физическими лицами. Во многих случаях и органы, осуществляющие градостроительный надзор, не имеют полномочий предотвратить нарушения ими градостроительного и земельного законодательства. Государственный строительный надзор в соответствии со ст. 54 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГК РФ) осуществляет свои полномочия только при строительстве объектов капитального строительства, проектная документация которых подлежит экспертизе в соответствии со ст. 49 ГК РФ, либо является модифицированной проектной документацией.

Это порождает возведение большого количества незаконных построек, а значит, незаконное использование земельных участков. В указанных случаях прокуроры, не подменяя деятельность органов контроля, обращают их внимание на недопустимость нарушения законов физическими лицами и необходимость применения к ним гражданско-правовой ответственности в виде сноса незаконно возведенных строений.

В то же время, некоторыми гражданами и даже хозяйствующими субъектами такая коллизия действующего законодательства, неисполнение органами надзора и контроля своих обязанностей в сфере градостроительной и земельной сферах, используется для нарушения закона.

Так, гражданин К на земельном участке, который находится в его собственности, в отсутствие разрешительной документации и согласований соответствующих служб, осуществил незаконное строительство трехэтажного жилого дома. Соседи указанного гражданина направляли неоднократные жалобы в прокуратуру, а также в орган государственного строительного надзора, с указанием о наличии нарушений градостроительного законодательства.

Территориальный прокурор не вправе применить меры прокурорского реагирования в отношении физического лица и обязать устранить допущенные нарушения федерального законодательства. Однако, в рассматриваемом случае, прокурор вправе провести проверку исполнения градостроительного, земельного и иного законодательства и при помощи соответствующих мер реагирования (представление об устранении нарушений закона, предостережение и др.) побудить орган местного самоуправления, уполномоченный в области муниципального земельного контроля применить полномочия, предусмотренные ст. 222 ГК РФ и иными нормативными правовыми актами, обеспечив в данном случае законность в рассматриваемой сфере.

Таким образом, надзор за соблюдением градостроительного законодательства требует постоянного внимания и совершенствования, а также имеется необходимость в разработке ряда частных методических и тактических материалов, направленных на его совершенствование с целью повышения эффективности проводимых надзорных мероприятий.

Список литературы

1. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 N 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. – N 3. – 2008.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – N 1 (часть 1). – ст. 16.
3. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 N 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. – N 3. – 2008.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Яхина З.Ш.
к.психол.н., доцент,
проректор по учебной работе
АНО ВО «Академия социального образования»,
e-mail: yachinaz@gmail.com

Саляхов Д.Д.
лабарант криминалистической лабаротории
АНО ВО«Академия социального образования»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы истории становления образовательных правоотношений в России, развития образовательного права и образовательного законодательства, нормативно-правового регулирования образовательной деятельности в России на современном этапе.

Ключевые слова: *право, образовательное право, образовательное законодательство, образовательные правоотношения.*

HISTORY OF THE FORMATION OF EDUCATIONAL LEGAL RELATIONS IN RUSSIA

Yahina Z.S.
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Vice Rector for Academic Affairs
ANO VO "Academy of Social Education",

e-mail: yachinaz@gmail.com

Salyakhov D.D.
forensic laboratory assistant
ANO VO "Academy of Social Education"

Abstract. The article deals with the history of the formation of educational legal relations in Russia, the development of educational law and educational legislation, the regulatory and legal regulation of educational activities in Russia at the present stage.

Key words: *law, educational law, educational legislation, educational legal relations.*

В условиях происходящих изменений в национальной экономико-политической системе, ускоряющегося развития основных сфер жизнедеятельности, проблематика модернизации системы образования становится особенно актуальной. Для решения стоящих перед обществом проблем в данной сфере необходимо внедрение новых подходов и методов, ведущих к изменению содержания образовательного процесса. В связи с этим, исследование истории формирования правовой стороны образовательной системы приобретает особое значение.

История становления образования в России показывает, что формирование образовательных правоотношений зависело от четырех факторов:

1) позиции государственной власти по отношению к развитию грамотности и более высокого уровня образованности среди своих подданных;

2) отношения отдельных слоев и групп населения к получению систематических знаний;

3) материальных возможностей государства в развитии системы обучения;

4) возможностей населения по использованию шансов на получение образования[4].

В 2013 году страна перешла на четвертую модель системы образования. Первая модель существовала до 1917 года – образование в Российской империи. Вторая модель – образование в Советской России. Третья модель образования Российского государства существовала с 1992 до 2013 года. Переход на новую модель образования вызван изменениями в современном глобальном мире, который становится инновационным и ориентированным на экономику знаний. Знания становятся товаром, который производят ученые в академических институтах, преподаватели и студенты вузов и другие специалисты. Эта функция производства знаний становится все востребованней[7].

Вместе с тем, история становления образовательных правоотношений в России имеет богатую историю. Уже в 10-11 веках институты княжеской власти Древнерусского государства стремились к формированию регулярной системы государственного управления и к развитию дипломатических отношений с прочими государствами. Полномочия в сфере внутреннего и внешнего управления образованием находились в руках князей и их ближайшего окружения. Потребность в образовании испытывали основные группы населения, и княжеская верхушка поощряла стремление к знаниям. Князь Владимир даже предпринял попытку организации христианских школ в каждом приходе. Это были первые шаги не только к тому, цтобы ввести право на образование, но и сделать обучение обязанностью. Подобные меры предпринимал и Ярослав Мудрый[2].

XVIII в. принято считать крупной вехой в развитии образования, а также в изменении позиции государства к развитию образования. Петр I был глубоко убежден, что отставание России объясняется низким уровнем образования. Петр I установил в России обязанность учиться. Важно заметить, что один из его указов устанавливал: Хотя доступ к учебе имели все слои населения, образование тем не менее носило сословный характер, так как только потомки дворян и бояр имели возможность продолжать обучение на последующих ступенях и даже за границей. Кстати, эта особенность образования в России нашла яркое выражение в период правления Екатерины II[6].

С начала XIX в. и до начала XX в. система образования в России продолжала поступательно развиваться. Уже в 1801 г. она приобретает завершенный характер, поскольку создается единое ведомство — Министерство народного просвещения. Создается также система главных и малых училищ. Расширяется сеть высших учебных заведений. В них наряду с теми, кто сам оплачивает свое обучение, были и казенные студенты, обучавшиеся за счет казны. Правящее сословие подозрительно относилось к студенчеству, что и предопределило политику в сфере образования.

После октября 1917г. образование в России получило беспрецедентное развитие. Его небывалые темпы обусловлены прежде всего тем вниманием, которое уделяла этой сфере жизнедеятельности общества власть. Уже 9 ноября 1917г. издается Декрет СНК об учреждении Государственной комиссии по народному образованию, которой поручено руководство просвещением в стране[5]. Декретом СНК от 21 января 1918г. церковь отделяется от государства и школа от церкви, объявлена свобода совести, отменяются всякие привилегии и ограничения, связанные с религиозным вероисповеданием. 23 февраля все учебные заведения передаются в ведение Наркомпроса. 23 июня 1918 г. Декретом «Об организации дела народного образования в Российской Республике» была создана нормативно-правовая база для формирования соответствующих органов в губерниях, уездах и волостях. 6 октября 1918г. опубликованы утвержденные ВЦИК «Положение о единой трудовой школе» и «Декларация о единой трудовой школе», в

которых получили свое завершение принципы строительства системы образования в стране. Стоит заметить, что они заложили организационные основы народного просвещения на многие десятилетия вперед.

В ходе коренного изменения социально-экономических условий жизни российского общества идет неизбежный процесс адекватного изменения законодательной и правовой систем страны. 10 июля 1992г. принят Закон «Об образовании». 12 декабря 1993 г. на Всенародном референдуме была принята новая Конституция Российской Федерации, две статьи которой (43 и 44) прямо связаны с правом на образование и свободой преподавания. 22 августа 1996 г. появился Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». С 1 января 2013 г. вступил в действие Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации»[1].

Всего за последнее десятилетие в России принято около 40 федеральных законов, так или иначе касающихся правового регулирования отношений в сфере образования. В Общеправовой классификатор отраслей законодательства в качестве самостоятельной рубрики включено «Законодательство об образовании» (индекс 190.000.000), ставится вопрос о разработке Образовательного кодекса Российской Федерации. В связи с этим, можно говорить о формировании образовательного права.

Образование, провозглашенное государством приоритетной областью, влияет на обслуживающие эту область трудовые, пенсионные, финансовые, управленческие и иные отношения, во многом определяя содержание регулирующих их правовых норм. Образовательные правоотношения урегулированы правовыми нормами, обслуживающими основные образовательные правоотношения, исходя из провозглашенной в законе приоритетности сферы образования для государства и общества. Так, в гражданско-правовой сфере в настоящее время для государственных и муниципальных образовательных учреждений в России установлен особый режим реорганизации и ликвидации, изменения состава учредителей, действует мораторий на их приватизацию.

Законодательство о труде, исходя из приоритетности образования и особых условий труда педагогов, устанавливает для них сокращенную рабочую неделю и удлиненный оплачиваемый отпуск, дополнительные основания для увольнения за совершение аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы, предусматривает льготы для лиц, совмещающих работу с учебой. В сфере пенсионного обеспечения и социального страхования педагоги пользуются правом на пенсию за выслугу лет, льготами по оплате периода временной нетрудоспособности [3]. Современное российское законодательство предусматривает особый порядок финансирования образовательных учреждений, налоговые льготы для них и обучающихся, а также для субъектов хозяйственной деятельности, направляющих средства на нужды образования.

На данном этапе накоплен существенный пласт исследований, посвящённых вопросам нормативного регулирования образовательной

деятельности (Шкатулла, 2011; Трошкина, 2006; Ягофаров, 2004), научных трудов, в которых исследуются исторические аспекты становления права человека на образование (Мещеров, 2010; Никитина, 1997), работ по изучению конституционных аспектов права на образование (Николаев, 2012; Смирнова, 2006; Стульникова, 2008), исследований общеправовых аспектов регулирования права на образование (Бондаревский, 2013; Козырин, 2011; Чепурнова, 2012).

Таким образом, рассмотрев основные этапы формирования и развития системы образования в России с точки зрения возможностей реализации права на образование, определим право на образование как нормативно-структурированное свойство бытия и форму реализации интересов личности, обусловленное политической, социально-экономической и культурной деятельностью государства в образовательном процессе, которое раскрывает характер взаимоотношений личности, общества и государства в этой области, а также как ряд прав, включающих в себя право на дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее (полное) общее образование, среднее профессиональное и высшее образование, на дополнительное образование.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 2012. – №53 (ч.1) – ст.7598.

2. Джуринский А.Н. История педагогики: Учебное пособие для студентов педвузов. – М., 1999.

3. Завгородний А.Н. Актуальные вопросы регулирования труда руководящих и педагогических работников образовательных организаций высшего образования в Российской Федерации. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 488с.

4. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века: Учебное пособие для педагогических учебных заведений. 2-е изд. / Под ред А.И.Пискунова. – М., 2001.

5. Образовательное законодательство России. Новая веха развития [Электронный ресурс]: монография/ Л.В. Андриченко [и др.]. – Электрон. текстовые данные. – М.: Юриспруденция, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. – 474 c. – Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/48783.html. – ЭБС «IPRbooks»

6. Томсинов В.А. Законодательство Екатерины I и Петра II [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Томсинов В.А. – Электрон. текстовые данные. – М.: Зерцало, 2009. – 328 c. – Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/4075.html. – БС «IPRbooks»

7. Университетский вопрос в России / Сост. и авт. вступ. ст. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2017. – 156с.

РЕШЕНИЕ

Участники Совета отмечают, что в настоящее время в России наметился ряд позитивных изменений, таких как, совершенствование законодательства, укрепление национальной обороны и безопасности государства. Решение глобальных проблем на международном уровне вызвало рост авторитета страны и усилило положительные тенденции в развитии экономики и финансов, решении социальных проблем и консолидации гражданского общества. Также участники Совета подчеркивают, что в настоящее время наблюдаются тенденции по активизации сил, стремящихся не допустить или затормозить развитие позитивных процессов в нашей стране. Прежде всего, речь идет о внешних силах, которые под вымышленными предлогами используют экономическую блокаду путем введения различных санкций в условиях беспрецедентной антироссийской пропаганды с использованием различных методов. Лица, поддерживаемые из-за рубежа, основным поводом для раскачивания ситуации внутри страны используют факты проявления коррупции в государственных органах власти и в органах местного самоуправления. Поэтому, необходимо, в первую очередь рассматривая проблемы коррупции как угрозу национальной и экономической безопасности, обратить особое внимание на внутренние деструктивные элементы, которые используют свою государственную должность для личного обогащения. Коррумпированность некоторых государственных и муниципальных служащих наносит необратимый ущерб нашему обществу и государству в целом. Тем более, если коррупции подвержены некоторые государственные служащие в правоохранительных и судебных органах, общество чувствует свою незащищенность, что порождает у населения недоверие к власти, озлобленность и огромный общественный резонанс. Коррупционные явления особо остро воспринимает молодежь. Именно коррупция в первую очередь порождает у них чувство безысходности, перерастающее в отрицание и непринятие действующего в стране законодательства, что в свою очередь способствует радикализации сознания молодежи.

Считая такую ситуацию недопустимой, участники Совета приняли следующие рекомендации к органам власти и местного самоуправления:

1. В целях сохранения государственности России провести комплекс экономических мероприятий по сокращению разрыва в обществе между супер богатыми (олигархами) и народом.
2. Доходы от реализации недр и энергоресурсов страны взять под жесткий государственный контроль и внести изменения в законодательство о недрах России, они должны служить народу, а не кучке людей.
3. Провести реорганизацию системы управления государством и экономикой на основе новой идеологии, путем совершенствования законодательства с привлечением к участию общественности и организации общественного контроля. Поэтому требуется дальнейшее совершенствование

законодательства в части расширения субъектов имеющих полномочия на осуществление общественного контроля.

4. Построить государственную идеологию на основе социальной справедливости и патриотизма, которые позволят укрепить политику устойчивого и безопасного развития страны.

5. Необходимо радикальное ужесточение санкций (наказания) за преступления коррупционной направленности, с широким применением конфискации незаконно нажитого имущества, в том числе оформленного на аффилированных лиц, включая и осужденных за коррупционные преступления.

6. Введение запрета на выезд за границу близких родственников лиц, причастных к совершению коррупционных преступлений, в отношении которых имеется достоверная информация о возможности сокрытия ими похищенного имущества или осуществления иных действий, направленных на его сокрытие.

7. Внести изменения в действующее законодательство вкючающее пожизненный запрет по занятию государственных должностей для граждан, которые были осуждены за коррупционные преступления.

8. Следует поставить надежный заслон путем изменения действующего законодательства «политической коррупции», заключающейся в оказании политического влияния крупных предпринимателей на представителей власти всех уровней.

9. Необходимо способствовать совершенствованию механизмов противодействия противозаконному давлению на субъектов предпринимательской деятельности, которое осуществляется со стороны различных государственных органов.

10. Представителям власти различного уровня необходимо создать реальные условия по выявлению и продвижению лучших образовательных и духовно-нравственных медиа-продуктов, освещающих антикоррупционную проблематику.

11. Необходимо произвести систематизацию сайтов и интернет-порталов для улучшения информационной работы, в соответствии с Национальным планом по противодействию коррупции и Указом Президента РФ №147.

12. С целью пресечения коррупционных факторов в сфере ЖКХ и недопущения искусственно образованных посреднических коммерческих организаций, необходимо принять закон об обязательных прямых платежах непосредственно ресурсоснабжающим организациям.

13. С учётом многочисленных жалоб населения на коррупционную деятельность руководства товариществ собственников жилья (ТСЖ-ТСН) внести поправки в Жилищный кодекс РФ о запрещении сбора денежных средств с населения за коммунальные услуги товариществами собственников жилья (ТСЖ), оставив последним функции общественной организации, осуществляющей контроль над деятельностью управляющих компаний и

ресурсоснабжающих организаций. Определить перечень правонарушений допущенных со стороны руководителей недобросовестных ТСЖ, для ликвидации этих ТСЖ службами жилищных инспекций.

14. Реальное положение дел в сфере предпринимательской деятельности требует усиления контроля со стороны контрольно-надзорных органов Республики Татарстан над необоснованными и внеплановыми проверками субъектов предпринимательства со стороны различных муниципальных и налоговых органов.

15. Внести на законодательном уровне, в соответствующие нормативные правовые акты норму об обязательном участии представителей средств массовой информации, как в законотворческом процессе, так и по проведению государственных закупок, в работе тендерных и конкурсных комиссий. Ввести в практику использование результатов общественных журналистских расследований при расследовании различных криминальных фактов (с обязательным приобщением к материалам расследований). Ввести персональную ответственность для государственных служащих за игнорирование результатов общественных журналистских расследований.

16. Осуществлять последовательные действия, направленные на формирование в молодежной среде неприятие коррупции и коррупционного поведения. Рассматривать участие молодежных правительств и иных молодежных общественных организаций в этой работе как важную задачу в своей деятельности.

17. Создать в высших учебных заведениях студенческие антикоррупционные комиссии.

18. Включить в учебные планы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования обязательные тематические лекции, направленные на антикоррупционное просвещение.

Участники Совета обращают внимания на необходимость усиления общественного контроля над судебной властью в целях недопущения их сращивания с бизнесом и органами власти, минимизации коррупции среди судейского сообщества, недопущения возникновения круговой поруки, абсолютной безнаказанности судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, а также поддерживают Президента Российской Федерации В.В. Путина, обратившего внимание Федерального собрания в своем ежегодном послании на необходимость реформирования судебной системы, так как многие решения судов первой инстанции, несмотря на очевидные нарушения законных прав и интересов граждан, предпринимателей автоматически оставляются другими инстанциями в силе, если вторую сторону представляют различные органы власти, государственные организации, банки и т.д. В таких ситуациях соответственно создается безысходность и невозможность для осуществления верховенства закона в судах, что вызывает огромный общественный резонанс в народе и недоверие к правосудию. Для чего необходимо:

1) вернуть принцип выборности судей всех рангов;

2) в состав квалификационных судейских коллегий в обязательном порядке включить правозащитников, независимых экспертов антикоррупционной направленности, лиц из профессорско-преподавательского состава юридических ВУЗов;

3) ужесточить санкции в отношении судей, которые допустили принятие коррупционных решений и приговоров;

4) раз в пять лет проводить кадровую ротацию в органах правосудия, с целью недопущения криминального сращивания судейского сообщества с органами государственной власти и олигархами.

В завершении участники Совета подчеркивают, что только совместные усилия направленные на сотрудничество и взаимодействие государственных органов, субъектов предпринимательства, институтов гражданского общества, приведет к результатам в сфере противодействия коррупции.

ПРОГРАММА

Заседания III Совета
молодежных общественых организаций
и объединений Республики Татарстан
в сфере противодействия коррупции
(г. Казань, 5 декабря 2019 года)

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ПО ВОПРОСАМ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ
СОЮЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТРО «АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»
ЦЕНТР ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТРО ВСЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕТЕРАНОВ «БОЕВОЕ БРАТСТВО»
МОО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ»

ПРОГРАММА

Заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции (5 декабря 2019 г.)

Казань, 2019 г.

УДК 37:340;33;32
ББК 67;65;66
А47

Рекомендовано в печать:
Ученым советом
АНО ВО «Академия социального образования»;
Управлением Президента РТ по вопросам антикоррупционной политики

А 47 Алексеев С.Л., Сергеева Ю.С. Программа заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции // Под ред. М.С.Бадрутдинова, Н.Т.Димитриевой, С.Ф.Рахимов – Казань: АНО ВО «Академия социального образования», 2019. – 20 с.

В соответствии с Планом мероприятий, приуроченных к Международному дню борьбы с коррупцией («Антикоррупционный марафон – 2019») 5 декабря 2019 года в 11.00 Академия социального образования (город Казань, улица, Профсоюзная, д.13/16, Выставочный зал) проводит III Совет молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции.

В ходе Совета в форме свободной дискуссии экспертов с лидерами молодежных организаций и объединений планируется обсудить вопросы противодействия коррупции и сформировать предложения по правовым и организационным формам коррупции, а так же эффективным способам ее предупреждения.

К участию в Совете приглашены лидеры молодежных общественных организаций и объединений РТ, представители студенческих советов образовательных организаций средне профессионального и высшего образования, участники Корпуса общественных наблюдателей и представители молодежи, желающие активно участвовать в реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан, реализовывать свое право на достойное и стабильное будущее в сильном государстве.

Программа включает в себя список организационного комитета, участников заседания Совета, результаты электронного опроса участников, данные международной организации Transparency International, а также рейтинги и статистические показатели коррупции Прокуратуры Российской Федерации, социологического опроса «Изучение мнения населения о коррупции в Республике Татарстан».

© С.Л. Алексеев, Ю.С. Сергеева, 2019
© АНО ВО «Академия социального образования»

ЗАСЕДАНИЕ III СОВЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Организационный комитет:

- Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики
- Академия социального образования
- Институт социально-гуманитарных знаний
- Союз общественных деятелей Республики Татарстан
- Татарстанское региональное отделение «Ассоциация юристов России»
- Центр по осуществлению общественного контроля в сфере государственного и муниципального управления при Общественной палате Республики Татарстан
- Татарстанское региональное отделение Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство»
- Межрегиональной общественной организации содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля»

При участии:

- Верховного суда Республики Татарстан
- Конституционного суда Республики Татарстан
- Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики
- Министерства лесного хозяйства Республики Татарстан

• Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан

• Министерства юстиции Республики Татарстан

• Министерства экологии и природных ресурсов Республики Татарстан

• Прокуратуры Республики Татарстан

• Министерства внутренних дел по Республике Татарстан

• Следственного управления Следственного комитета

Российской Федерации по Республике Татарстан

• Министерства здравоохранения Республики Татарстан

• Министерства по делам молодежи Республики Татарстан

• Министерства образования и науки Республик Татарстан

• Мэрии города Казани

• Государственного совета Республики Татарстан

• Автономная некоммерческая организация «Центр общественных процедур «Бизнес против коррупции»

• Центра по осуществлению общественного контроля в сфере государственного и муниципального управления при Общественной палате Республики Татарстан

• Регионального центра общественного контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства

• Татарстанского регионального отделения

Ассоциации юристов России

• Татарстанского регионального отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство»

• Союза общественных деятелей Республики Татарстан

- Межрегиональной общественной организации содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля»
- Татарстанской митрополии
- Духовного управления мусульман Республики Татарстан
- Независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов
- Руководителей и членов общественных организаций и учреждений Российской Федерации
- Представителей образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования Российской Федерации

Место проведения: (Республика Татарстан, город Казань, улица, Профсоюзная, дом 13/16, Выставочный зал)

Дата проведения заседания Совета: 5 декабря 2019 года

Время проведения: 10.00 – 14.00

Модераторы: Даренков Александр Александрович

– Председатель Президиума Союза общественных деятелей РТ, эксперт телевизионных передач на «Первом Канале», эксперт Общественной Палаты РТ, член Общественного совета Министерства спорта РТ, заслуженный тренер РТ, педагог высшей категории

Сафина Диляра Рустямовна

– Президент студенческого совета АСО

Целевая аудитория: лидеры молодежных общественных организаций и объединений Российской Федерации, руководители (представители) студенческих советов образовательных организаций; руководители (представители) антикоррупционных студенческих комиссий; руководители (представители) студенческих научных обществ; участники Корпуса общественных наблюдателей (ЕГЭ, ОГЭ); молодежь

Формат заседания Совета: панельная дискуссия с участием ведущих экспертов в области противодействия коррупции; блиц – опросы; формирование «банка идей» противодействия коррупции.

В рамках заседания Совета будут обсуждены следующие вопросы:

• коррупция – угроза стабильному развитию общества;

• многоликость коррупции: причины и следствия;

• перспективы организации общественного контроля в сфере противодействия коррупции;

• аспекты реализации антикоррупционного законодательства в Российской Федерации;

• особенности реализации профилактических мер по противодействию коррупции;

• деятельность правоохранительных органов в сфере противодействия коррупции;

• деятельность институтов гражданского общества в формировании антикоррупционного поведения;

• реализация антикоррупционной политики в Республики Татарстан;

• формирование эффективной системы противодействия коррупции;

• система антикоррупционных стандартов в РФ и ее совершенствование;

• особенности реализации антикоррупционных стандартов на государственной и муниципальной службе. Ответственность за их соблюдение.

• внедрение антикоррупционных стандартов в государственных корпорациях (компаниях), публично-правовых компаниях, фондах, и иных организациях.

• реализация антикоррупционных стандартов при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд;

• антикоррупционное просвещение как способ правового воспитания, формирования антикоррупционного мировоззрения и популяризации антикоррупционных стандартов поведения;

• проблемы правового регулирования противодействия коррупции;

• конфликт интересов на государственной службе;

• представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

• преодоление административных и коррупционных барьеров в сфере предпринимательской деятельности.

Эксперты: представители органов государственной власти Респу Татарстан; депутаты; руководители общественных организа учреждений; руководители (представители) образовател организации высшего и среднего профессионального образов независимые эксперты, уполномоченные на прове антикоррупционной экспертизы нормативных правовых ак проектов нормативных правовых актов; предпринима руководители (представители) правоохранительных орг представители религиозных конфессий.

10.00 – 11.00 Регистрация участников заседания Совета (1 этаж, холл)

• Акция студенческого совета АСО «Татарстан – территория без коррупции»

• Проведение социологического опроса «Изучение мнения участников Совета о коррупции в Российской Федерации»

• Посещение выставочной экспозиции участниками заседания Совета

• Просмотр видеороликов, посвященных противодействию коррупции

• Просмотр плакатов и стендов, посвященных проблеме противодействия коррупции

• Фотографирование участников Совета с хештегами

11.00 – 13.00 Пленарное заседание Совета (1 этаж, выставочный зал)

ОТКРЫТИЕ ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА

11.00 – 11.10 Даренков Александр Александрович –

Председатель Президиума Союза общественных

деятелей Республики Татарстан

Сафина Диляра Рустямовна –

Президент студенческого совета АСО

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКОВ СОВЕТА

11.10 – 11.13 Димитриева Нона Тамазовна – *ректор*

Академии социального образования

11.13 – 11.28 Бадрутдинов Марс Сарымович - *Начальник Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики.*

11.28 – 11.33 Алексеев Сергей Львович – *председатель Совета по противодействию коррупции при Союзе общественных деятелей Республики Татарстан.*

ПАНЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ С УЧАСТИЕМ ВЕДУЩИХ ЭКСПЕРТОВ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

11.33 – 12.26 - *«Главные вызовы и перспективы противодействия коррупции на современном этапе»*

БЛИЦ-КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ

«Многоликость коррупции: причины и следствия»

12.25 – 12.28 Блиц-опрос участников заседания Совета «Коррупция – общественное мнение»

12.28 – 13.31 Открытая дискуссия по проблемам противодействия коррупции

13.31 – 13.34 Выступления общественных организаций и объединений

ЗАКРЫТИЕ РАБОТЫ СОВЕТА. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

13.34 – 13.38 Бадрутдинов Марс Сарымович - *Начальник Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики.*

О проведении III республиканского антикоррупционного форума «Татарстан-территория без коррупции» (6 декабря, IT-Park)

13.38 – 13.41 Димитриева Нона Тамазовна – *ректор Академии социального образования*

Подведение итогов и закрытие заседания Совета

13.41 – 13.44 Совместная фотография с экспертами и участниками Совета

ПРИГЛАШЕННЫЕ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ЭКСПЕРТОВ ДЛЯ УЧАСТИЯ В III СОВЕТЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Председатель судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Татарстан, председатель Совета судей Республики Татарстан	Гафаров Роман Фагимович
Заместитель председателя Конституционного суда Республики Татарстан	Сахиева Раиса Абдулловна
Начальник Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики	Бадрутдинов Марс Сарымович

Главный советник отдела антикоррупционных проверок Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики	Хайруллин Айрат Ильдарович
Первый заместитель Министр лесного хозяйства Республики Татарстан	Зарипов Ильгизар Наилевич
Начальник отдела по вопросам нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации и введения реестра муниципальных образований, регистрации и введения реестра уставов муниципальных образований Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан	Рахимов Рифат Нурмухаметович
Начальник отдела оказания бесплатной юридической помощи и планирования Министерства юстиции Республики Татарстан	Мингалимов Ильфат Маратович
Начальник Управления информационных систем и экологического просвещения Министерства экологии и природных ресурсов Республики Татарстан	Валиуллин Дамир Фаргатович
Заместитель прокурора Вахитовского района, города Казани, младший советник юстиции	Мотыгуллин Нияз Вильданович
Заместитель начальника отдела управления экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел по Республике Татарстан, подполковник полиции	Иванов Вячеслав Александрович
Руководитель отдела по рассмотрению обращений приему граждан и документационному обеспечению Следственного Управления Следственного комитета Российской Федерации по Республики Татарстан	Тагиров Айрат Наилевич
Ведущий консультант отдела кадров Министерства здравоохранения Республики Татарстан	Накипова Гульнара Рафаэльевна

Ведущий консультант отдела социальных проектов и профессиональной самореализации Министерства по делам молодежи Республики Татарстан	Хайруллов Винер Назымович
Ведущий консультант отдела высшего образования Министерства образования и науки Республик Татарстан	Филинова Елена Васильевна
Советник Мэра города Казани по вопросам противодействия коррупции	Беляев Киям Айратович
Заместитель председателя молодежного парламента при Государственном совете Республики Татарстан	Кашапов Азат Наилевич
Исполнительный сопредседатель АНО «Центр общественных процедур «Бизнес против коррупции»»	Сергеева Гульнара Ильдусовна
Руководитель Центра по осуществлению общественного контроля в сфере государственного и муниципального управления при Общественной палате Республики Татарстан	Мустаев Артур Ратнерович
Главный специалист по связям с общественностью и взаимодействию со средствами массовой информации «Регионального центра общественного контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства»	Валиди Тагир Рависович
Исполнительный директор, руководитель Аппарата Татарстанского регионального отделения Ассоциации юристов России	Музеев Александр Олегович
Председатель Татарстанского регионального отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство»	Чубаренко Вениамин Николаевич
Председатель Президиума Союза общественных деятелей РТ, эксперт телевизионных передач на «Первом Канале», эксперт Общественной Палаты РТ, член Общественного совета Министерства спорта РТ, заслуженный тренер РТ, педагог высшей категории.	Даренков Александр Александрович

Председатель Правления Межрегиональной общественной организации содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля»	Юсупов Мансур Равилович
Настоятель храма Богоявления Господня, помощник Благочинного Зеленодольского Района по взаимодействию с вооруженными силами, ветеран морской пехоты России	Григорьев АнатолийАнатольевич
Главный специалист социального отдела Духовного управления мусульман	Багавекдинов Данис Динарович
Судья третейского суда «Право» при Арбитражном суде Республике Татарстан	Хохлов Николай Иванович

СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ – УЧАСТНИКОВ III СОВЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

I. Образовательные организации высшего образования:

1. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Казанский (Приволжский) федеральный университет:

- Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций.
- Юридический факультет.
- Институт управления, экономики и финансов.
- Институт международных отношений, истории и востоковедения.
- Институт психологии и образования.

2. Казанскийнациональный исследовательский технологический университет.

3. Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н.Туполева.

4. Казанский государственный архитектурно-строительный университет.

5. . Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Казанский государственный энергетический университет».

6. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Казанский государственный медицинский университет».

7. Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н. Баумана.

8. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный аграрный университет».

9. Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

10. Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма.

11. Университет управления «ТИСБИ».

12. Университет прокуратуры Российской Федерации Казанский юридический институт (филиал).

13. Казанский инновационный университет имени В.Г.Тимирясова.

14. Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.

15. Казанский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

16. Казанский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

17. Казанский государственный университет культуры и искусств.

18. Казанская государственная консерватория имени Н.Г.Жиганова.

19. Чувашский государственный университет имени И.Н.Ульянова.

20. Марийский государственный университет.

21. Ульяновский государственный университет.

II. Молодежные общественные объединения предприятий, организаций и учреждений г. Казани:

1.Татарстанский республиканский молодежный общественный фонд «Сәләт»

2. Татарстанская республиканская организация Общероссийской общественной организации «Российский Союз Молодежи».

3. Союз молодёжи органов внутренних дел Республики Татарстан.

4. Республиканский центр молодежных (студенческих) формирований по охране общественного порядка «Форпост».

5. Общественная организация «Академия творческой молодёжи РТ».

6. Руководитель Региональной Общественной Молодежной Организации «Объединение «Отечество» Республики Татарстан. А.Ю. Коноплев.

7. Региональная молодежная общественная организация «Лига студентов Республики Татарстан».

8. Региональная молодежная общественная организация «Центр развития добровольчества Республики Татарстан».

9. Татарстанское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России».

10. Региональная общественная организация «Союз молодежи предприятий и организаций Республики Татарстан».

11. Публичное акционерное общество «Казаньоргсинтез».
12. Акционерное общество «Нэфис Косметикс».
13. Акционерное общество «Казанское моторостроительное производственное объединение».
14. Акционерное общество «Татэнерго».
15. Казанская ТЭЦ-1 - Акционерное общество «Татэнерго».
16. Казанская ТЭЦ-2 - Акционерное общество «Татэнерго».
17. Казанские тепловые сети.
18. Публичное акционерное общество «Казанский вертолетный завод».
19. Открытое акционерное общество «Казанькомпрессормаш».

СПИСОК УЧАСТНИКОВ III СОВЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПО ОНЛАЙН ФОРМЕ НА ОЧНОЕ УЧАСТИЕ

1. Алиев Георгий Раджевич - Казанский государственный энергетический университет.
2. Алябьев Евгений Витальевич - Студенческая антикоррупционная комиссия Федерального государственного бюджетного образовательного учреждение высшего образования «Казанский государственный энергетический университет».
3. Баширов Артур Вадимович - Совет молодых юристов Татарстанского регионального отделения «Ассоциация юристов России».
4. Белова Эльза Андреевна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Набережночелнинский государственный педагогический университет».
5. Берникова Анастасия Владимировна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», студенческое объединение, «Безопасная среда».
6. Бессонов Артем Федорович - Молодежная антикоррупционная комиссия Казанского инновационного университета.
7. Бобохонов Камолиддин Нуриддин Угли – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет».
8. Будкина Ксения Васильевна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Казанский государственный аграрный университет».
9. Бутылин Максим Анатольевич - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет», «Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций».
10. Владимиров Артем Андреевич - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Казанский государственный аграрный университет».

11. Газизов Линар Ильгизарович - Студенческая антикоррупционная комиссия Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Набережночелнинский государственный педагогический университет».

12. Гайфуллин Ильнур Хамзович - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный аграрный университет».

13. Галимуллин Нияз Ирекович – Автономная некоммерческая организация высшего образования «Академия социального образования».

14. Ганелина-Арьева Ксения Игоревна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет», «Безопасная среда».

15. Ганиева Диана Эмилевна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, студенческое объединение «Безопасная среда».

16. Гемадеева Юлия Эдуардовна - Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Центросоюза Российской Федерации», «Российский университет кооперации» «Казанский кооперативный институт (филиал)».

17. Гильмуллин Вильдан Рамилевич - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный аграрный университет».

18. Гирфанова Чулпан Марселевна – «Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования», Казанский (Приволжский) федеральный университет, студенческое объединение «Безопасная среда».

19. Дмитриева Виктория Петровна - Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение «Международный колледж сервиса».

20. Зайцева Евгения Витальевна - Казанский национальный исследовательский технический университет им.А.Н.Туполева

21. Ибраева Гульнара Рамилевна – Федеральное государственное образовательное учреждение «Казанский Государственный Энергетический Университет».

22. Идрисова Вероника Альбертовна – объединение «Безопасная Образовательная Среда».

23. Ионина Елена Глебовна – Автономная некоммерческая организация высшего образования «Академия социального образования»

24. Калимулина Милена Рамильевна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский федеральный университет» студенческое объединение «Безопасная среда».

25. Калинин Максим Александрович - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

26. Камалова Майя Рустэмовна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», студенческое объединение «Безопасная среда».

27. Ким Камилла Игоревна – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Химический институт им. А.М.Бутлерова.

28. Китайгородский Евгений Алексеевич - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет», «Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций».

29. Коварин Дмитрий – Автономная некоммерческая организация высшего образования «Академия социального образования».

30. Максименко Дарья Александровна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет».

31. Махмутова Алия Сереневна - Антикоррупционная комиссия Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Набережночелнинский государственный педагогический университет».

32. Мясникова Екатерина Александровна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский Государственный университет им. И. Н. Ульянова».

33. Нафикова Рания Расимовна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

34. Плотников Данил Александрович - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сыктывкарский государственный университета им. Питирима Сорокина».

35. Политов Виктор Дмитриевич - Антикоррупционная комиссия Университета управления «ТИСБИ».

36. Рамазанова Рената Рустемовна – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «*Казанский государственный архитектурно-строительный университет».*

37. Сабирова Альвина Алмазовна - Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение «Международный колледж сервиса».

38. Савельева Татьяна Алексеевна - Антикоррупционная комиссия Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Набережночелнинский государственный педагогический университет».

39. Салихов Аскар Маратович - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет», студенческое объединение «Безопасная среда».

40. Смирнов Кирилл Сергеевич - Антикоррупционная комиссия Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Набережночелнинский государственный педагогический университет».

41. Степанов Евгений Владимирович - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет», студенческое объединение «Безопасная среда».

42. Стрельникова Александра Александровна – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

43. Тимошенко Георгий Федорович - Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н.Туполева.

44. Фахриев Шавкат Маратович - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, студенческое объединение «Безопасная среда».

45. Хайбуллина Аделина Ильдаровна - Казанский (Приволжский) федеральный университет, Химический институт им. А.М. Бутлерова.

46. Хайруллин Раиль Рамилевич - Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

47. Хакимов Карим Рустемович - Безопасная Образовательная Среда.

48. Халикова Раиля Рушановна Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский Государственный Энергетический Университет».

49. Хафизова Нурания Раисовна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский Государственный Аграрный Университет».

50. Хусаинова Гульнара Раисовна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Набережночелнинский государственный педагогический университет».

51. Хуснуллин Булат Ирекович - Автономная некоммерческая организация высшего образования «Академия социального образования».

52. Чернышева Татьяна Вячеславовна - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет», студенческое объединение «Безопасная среда», студенческое объединение «Безопасная среда».

53. Шайхутдинов Шамиль Азатович - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский Государственный Институт Культуры».

54. Шиахметов Радик – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный аграрный университет».

55. Юнусов Ильдар Альбертович - Казанский национальный исследовательский технический университет им.А.Н.Туполева.

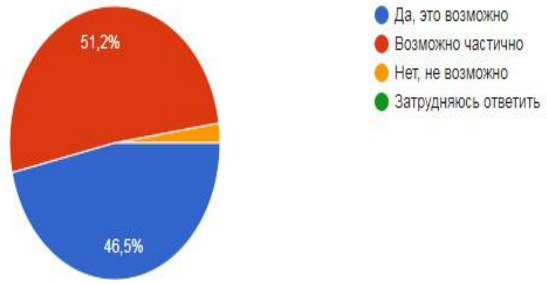
РЕЗУЛЬТАТЫ ЭЛЕКТРОННОГО ОПРОСА УЧАСТНИКОВ III СОВЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Меры, которые необходимо принять, чтобы коррупционеров стало меньше

178 ответов

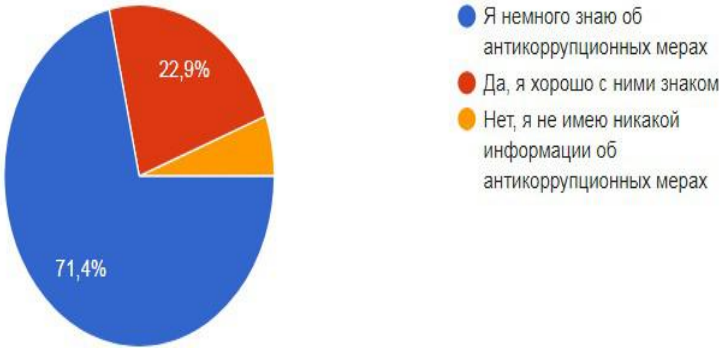
Как вы думаете, возможно ли с помощью антикоррупционных мер снизить уровень коррупции?

178 ответов

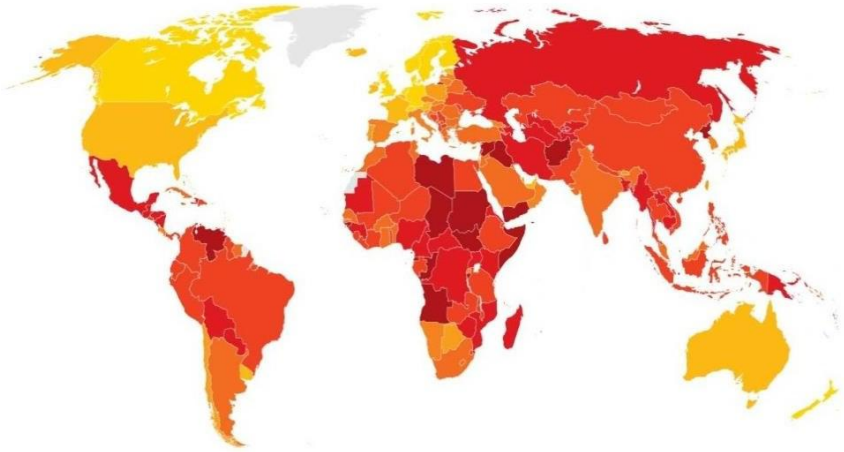


Знакомы ли Вы с основными мерами по противодействию коррупции в Республике Татарстан?

239 ответов



Индекс восприятия коррупции за 2018 год.
По оценке международной организации «TRANSPARENCY INTERNATIONAL»
Красным отмечены государства с высоким восприятием коррупции, желтым — с низким



Россия заняла 138-е из 180 мест
столько же баллов набрали Папуа-Новая Гвинея, Ливан, Иран, Гвинея и Мексика

ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РФ ЗА 2018 Г.

Со слов генерального прокурора России Юрия Чайки, доля преступлений коррупционной направленности в нашей стране с каждым годом уменьшается. По сравнению с 2017 годом, доля преступлений коррупционной направленности в 2018 году составила 1,7% от общего количества преступлений. Ущерб, причиненный государству, составил 46 миллиардов рублей. В прошлом году ущерб составлял 65,7 миллиарда рублей. Это на 66 процентов больше, чем в 2017 году (39,6 миллиарда). При этом работа по минимизации последствий коррупции стала эффективнее. Так, в 2018 году прокуроры добились добровольного возмещения ущерба, изъятия имущества и наложения ареста на 46,5 миллиарда рублей – по сравнению с 26,5 миллиарда в 2017 году.

МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ О КОРРУМПИРОВАННОСТИ СОТРУДНИКОВ РАЗЛИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ВЕДОМСТВ

(Социологический опрос «Изучение мнения населения о коррупции в Республике Татарстан»)

ПРЕСТУПНОСТЬ В ЭКОНОМИКЕ

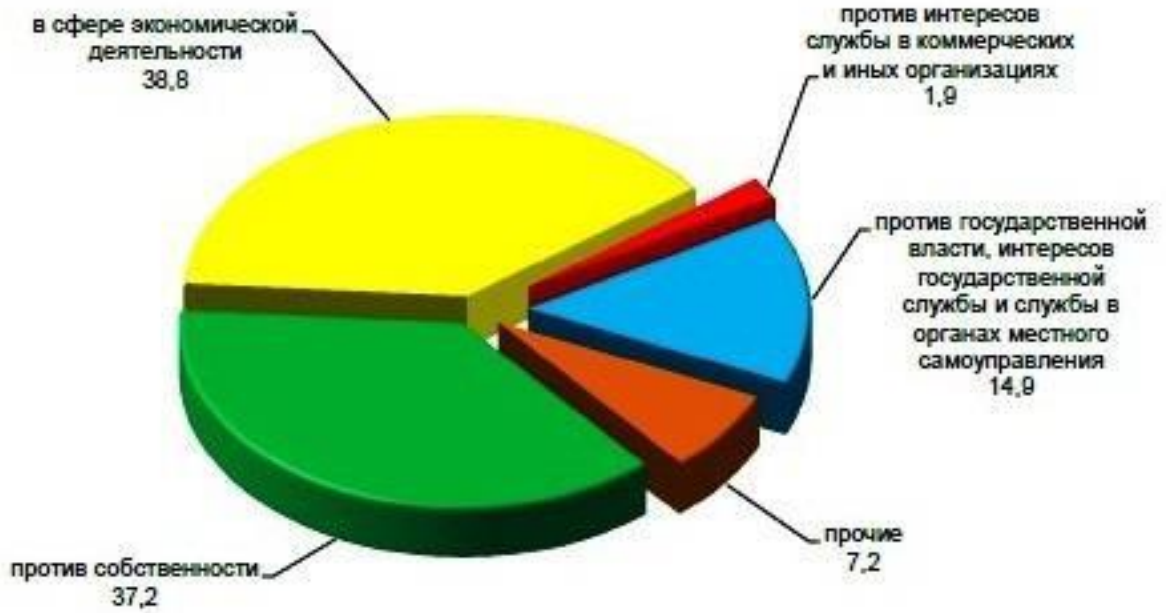
Выявлено преступлений экономической направленности

(в тысячах)

январь - сентябрь

Структура (в %)
(следствие обязательно)

январь - сентябрь



По материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений РТ в сфере противодействия коррупции планируется издание сборника научных трудов

Под редакцией:

• Алексеева Сергея Львовича, заслуженного юриста Республики Татарстан, к.пед.наук, доцента, заместителя ректора, профессора Академии социального образования»;

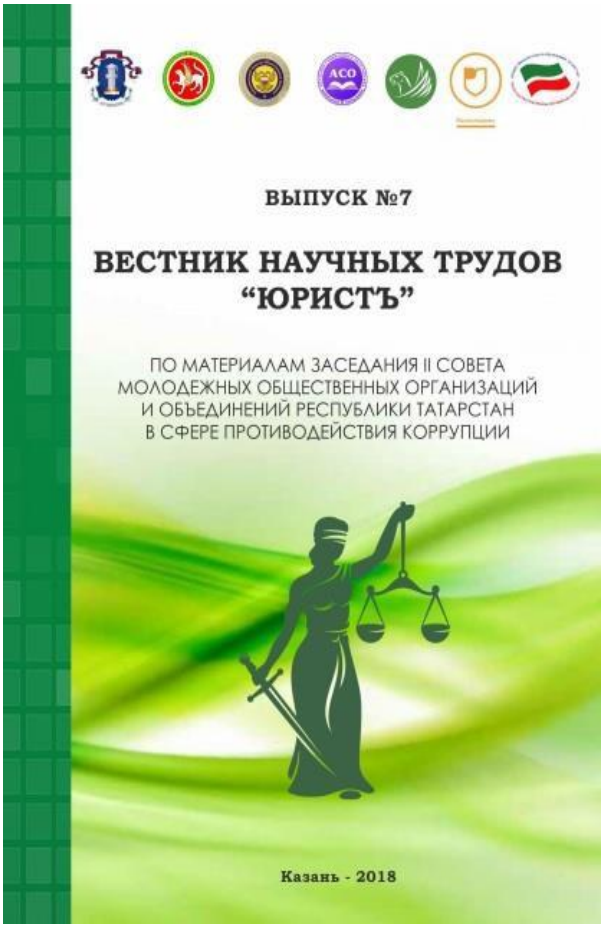
• Бадрутдинова Марса Сарымовича, начальника Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики;

• Рахимова Салавата Фоатовича, заведующего сектором Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики;

• Сергеевой Юлии Сергеевны, кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного права Академии социального образования.

Академия социального образования при участии издательства «Юниверсум» город Казань, 2019 (**ISBN 978-5-9991-0422-9).**

Сборник будет размещен в системе РИНЦ.



Вестник научных трудов «Юристъ», выпуск №7: по материалам заседания II Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции

(4 декабря 2018 года)

Вестник научных трудов «Юристъ» подготовлен по материалам заседания I Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции, посвященному Международному дню борьбы с коррупцией. В материалах приводятся результаты исследований авторов по актуальным вопросам противодействия коррупции и идеологии экстремизма, а так же по широкому спектру актуальных научно-исследовательских и практических проблем по вопросам различных отраслей права. Материалы заседания I Совета молодежных общественных организаций и объединений РТ в сфере противодействия коррупции предназначены для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистров и студентов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция, а также всем, интересующимся исследуемыми проблемами.

Ссылка: https://elibrary.ru/item.asp?id=37394230

ПРОГРАММА

Заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции
(5 декабря 2019 г.)

Алексеев С.Л., Сергеева Ю.С. Программа заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции // Под ред. М.С.Бадрутдинова, Н.Т.Димитриевой, С.Ф.Рахимов – Казань: АНО ВО «Академия социального образования», 2019. – 20 с.

Авторы:

Алексеев Сергей Львович, кандидат педагогических наук, доцент. Профессор АНО ВО «Академия социального образования, e-mail: tany_1313@mail.ru;

Сергеева Юлия Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент АНО «Академия социального образования», e-mail: kafedra-upip@mail.ru;

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор Димитриева Нона Томазовна, кандидат юридических наук, доцент. Ректор АНО ВО «Академия социального образования», e-mail: prorectorisgz@googlemail.com;

Редактор Бадрутдинов Марс Сарымович, начальник Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, e-mail:anticorruption.rt@tatar.ru

Научный редактор Рахимов Салават Фоатович, кандидат педагогических наук, доцент. Заведующий сектором Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, e-mail: salavat.rahimov@tatar.ru;

Составитель:

Саляхов Дамир Данисович, лаборант криминалистической лаборатории АНО ВО «Академия социального образования», e-mail: damir031995@mail.ru.

Подписано в печать 03.12.2019 г. Печать полиграфическая.
Гарнитура Times. Формат 60x841/16. Объем 1,4 печ.л.

Тираж 300 экз. отпечатано в типографии
«Ип.Мухамеева М.С.» г. Казань, ул. Зинина, дом 3,
Тел./факс: 8-9093-08-05-33
vk.com/markamfoto, www.marka-m.ru

МОЛОДЁЖЬ
ПРОТИВ КОРРУПЦИИ

Фоторепортаж с III Совета

Тагиров
Айрат
Наилевич

Багавекдинов
Данис
Динарович

Николаевич
Председатель Татарстанского региональног
отделения Всероссийской общественной
организации ветеранов «Боевое братство»

Беляев
Киям

ДИМИТРИЕВА НОНА ТАМАЗОВНА
кандидат юридических наук, доцент.
ректор АНО ВО
«Академия социального образования»

АЛЕКСЕЕВ СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ
кандидат педагогических наук, доцент.
Заслуженный юрист РТ.
Эксперт Общественной палаты
РТ
в сфере противодействия коррупции,
Почетный член Президиума Союза
общественных деятелей Республики Татарстан,
член Ассоциации юристов России, член
исполнительного комитета Совета
Татарстанского республиканского отделения
Всероссийской организации Ветеранов Боевое
Братство.
Заместитель ректора, профессор
АНО ВО «Академия социального образования»

БАДРУТДИНОВ МАРС САРЫМОВИЧ

Начальник Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики

ДАРЕНКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Председатель Президиума Союза общественных деятелей Республики Татарстан;
Эксперт телевизионных передач на «Первом Канале»;
Эксперт Общественной палаты РТ;
Педагог высшей квалификационной категории, заслуженный тренер РТ.
член Общественного совета Министерства спорта РТ.
Руководитель Исполнительного комитета Российского союза боевых искусств по РТ

РАХИМОВ САЛАВАТ ФОАТОВИЧ
кандидат юридических наук

Заведующий сектором Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики

СЕРГЕЕВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА
кандидат педагогических наук
Доцент кафедры уголовного права АНО ВО «Академия социального образования»

Вестник научных трудов «Юристъ», выпуск №8 в двух частях, ч. 1: по материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции (5 декабря 2019 года) // Под ред. Алексеева С.Л., Бадрутдинова М.С., Даренкова А.А., Димитриевой Н.Т., Рахимова С.Ф, Сергеевой Ю.С..– Казань: АНО ВО «Академия социального образования», 2020. 444 с.

ISBN 978-5-9991-0422-9

Вестник научных трудов «Юристъ» подготовлен по материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции, посвященному Международному дню борьбы с коррупцией.

В ходе Совета в форме свободной дискуссии экспертов с лидерами молодежных организаций и объединений обсуждались актуальные вопросы по противодействию коррупции в Российской Федерации, были сформированы предложения по правовым и организационным формам противодействия коррупции, а также эффективным способам по предупреждению коррупции.

Участниками Совета стали не только лидеры молодежных общественных организаций и объединений РТ, представители студенческих советов образовательных организаций, участники Корпуса общественных наблюдателей, но и все представители молодежи, желающие активно участвовать в реализации антикоррупционной политики Российской Федерации с целью реализации своих прав на достойное и стабильное будущее в сильном российском государстве.

Сборник содержит результаты исследований авторов по актуальным вопросам противодействия коррупции, а также затрагивает широкий спектр актуальных научно-исследовательских и практических проблем по вопросам различных отраслей права.

Материалы заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений РТ в сфере противодействия коррупции предназначены для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистров и студентов, обучающихся по различным направлениям подготовки,
а также всем, интересующимся исследуемым проблемам.

ISBN 978-5-9991-0422-9

Под редакцией:

Алексеева Сергея Львовича, Бадрутдинова Марса Сарымовича.
Даренкова Александра Александровича, Димитриевой Ноны Тамазовны,
Рахимова Салавата Фоатовича, Сергеевой Юлии Сергеевны.

Рецензенты:

ЕПИХИН АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор. Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики. Казанского (Привоолжского) федерального университета.

КАЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ –
доктор педагогических наук, профессор. Профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Научно организационная и вспомогательная группа

ГАЛИМУЛЛИН НИЯЗ ИРЕКОВИЧ
Член Совета общественных организаций и объединений в сфере противодействия коррупции при Союзе общественных деятелей Республики Татарстан.
Лабарант АНО ВО «Академия социального образования».

САЛЯХОВ ДАМИР ДАНИСОВИЧ
Член Совета общественных организаций и объединений в сфере противодействия коррупции при Союзе общественных деятелей Республики Татарстан.
Лабарант АНО ВО «Академия социального образования».

Индивидуальный предприниматель Пименова Елена Алексеевна
Республика Татарстан, город Казань

Подписано в печать 17.03.2020 г. Печать полиграфическая.
Гарнитура Times. Формат 60x90/16. Объем 32,4 п.л.

Тираж 1000 экз. отпечатано в типографии
Издательско-полиграфическая компания «ИП Пименова»
при участии издательства «Юниверсум»
г. Казань, ул. Профсоюзная, д.13/16.
Тел./факс: (843) 292-11-45

Вестник научных трудов «Юристъ» подготовлен по материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции, посвященному Международному дню борьбы с коррупцией.

В ходе Совета в форме свободной дискуссии экспертов с лидерами молодежных организаций и объединений обсуждались актуальные вопросы по противодействию коррупции в Российской Федерации, были сформированы предложения по правовым и организационным формам противодействия коррупции, а также эффективным способам по предупреждению коррупции.

Участниками Совета стали не только лидеры молодежных общественных организаций и объединений РТ, представители студенческих советов образовательных организаций, участники Корпуса общественных наблюдателей, но и все представители молодежи, желающие активно участвовать в реализации антикоррупционной политики Российской Федерации с целью реализации своих прав на достойное и стабильное будущее в сильном российском государстве.

Сборник содержит результаты исследований авторов по актуальным вопросам противодействия коррупции, а также затрагивает широкий спектр актуальных научно-исследовательских и практических проблем по вопросам различных отраслей права.

Материалы заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений РТ в сфере противодействия коррупции предназначены для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистров и студентов, обучающихся по различным направлениям подготовки, а также всем, интересующимся исследуемым проблемам.